

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Максим
МАКАРЫЧЕВ

**Фидель
КАСТРО**

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Максим Александрович Макарычев
Фидель Кастро
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180919
Фидель Кастро: Молодая гвардия; Москва; 2008
ISBN 978-5-235-03181-4

Аннотация

Имя легендарного кубинского лидера Фиделя Кастро известно всему миру. История отважного бунтаря, ставшего партизанским команданте, а потом вождем революционной Кубы, смело бросившей вызов политической и военной мощи США, опыт строительства новой жизни на Острове свободы вызывают огромный интерес во многих странах уже на протяжении нескольких десятилетий. В своей книге журналист–международник М. А. Макарычев попытался исследовать феномен этой незаурядной личности и найти ответы на вопросы: как Фиделю с горсткой соратников удалось совершить революцию? Что помогло ему оставаться у власти почти полвека, несмотря на кризисы, заговоры и постоянную угрозу для жизни? Какой будет Куба в XXI столетии?

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	39
Глава четвертая	53
Глава пятая	64
Глава шестая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Максим Александрович Макарычев Фидель Кастро

Пролог

Автор книги выражает глубокую признательность Н. С. Леонову, оказавшему неоценимую консультационную помощь в работе над книгой и рассказавшему об этапах революционной и политической жизни Фиделя Кастро, заместителю министра иностранных дел России А. В. Яковенко, руководству Историко–документального департамента, сотрудникам архива МИД России за содействие в работе над архивными материалами советской дипломатии, пресс–бюро СВР России и лично его руководителю С. Н. Иванову за предоставленную возможность работать с уникальными документами советской разведки 1950–1960-х годов, руководству и сотрудникам «Российской газеты» за содействие.

Также искренне благодарен моим добрым друзьям и знакомым: Дмитрию, Михаилу, Марату, Вячеславу, Александру, которые бескорыстно помогли мне в поиске и переводе материалов о неизвестных ранее в России подробностях жизни Фиделя Кастро.

Фидель Кастро, просто Фидель, так его со времен кубинской революции называют даже враги, стал легендой, будучи еще совсем молодым человеком. Программную речь своей жизни «История меня оправдает», сделавшую его знаменитым на весь мир, он произнес на суде, когда ему было всего 27 лет. С той поры ни один политик в мире не вызывает такой ненависти у своих противников и не удостоивается таких оваций у тех, кто его искренне уважает.

Кастро – глыба, целая планета. Его можно пылко любить и яро ненавидеть, но величие и уникальность кубинского лидера признают все.

Генерал–лейтенант государственной безопасности в отставке Николай Сергеевич Леонов, автор первой в России политической биографии Фиделя Кастро, был первым русским, познакомившимся в далекие 1950–е годы сначала с его братом Раулем, а затем с Фиделем. Он стал первым личным русским переводчиком команданте эн хэфэ – главнокомандующего – во время визита Анастаса Микояна на Кубу в 1960 году. Николай Леонов знает о Фиделе больше, чем кто–либо в России. (Отрывки из бесед автора с Леоновым, неизвестные широкой публике подробности из жизни ко–манданте, рассказанные Николаем Леоновым и его соавтором Владимиром Бородаевым, использованы в этой книге.) Многолетнее знакомство с Фиделем, десятки встреч с ним, личная дружба с Раулем, безусловно, позволили Леонову составить довольно объективное мнение: «Мое самое главное впечатление от Кастро – он не такой, как все. Общаясь с ним, начинаешь верить в мифы о том, что раньше действительно рождались люди, наделенные чем–то божественным. Я далек от всякой мистики и суеверий, с Кастро, как говорится, мне не крестить детей, но у меня есть твердое убеждение в том, что Фидель, образно говоря, на несколько этажей превосходит среднего нормального человека. Прежде всего, с точки зрения морально–волевых качеств, интеллекта и конечно же с точки зрения внутренней энергетики. У меня часто спрашивают – а что будет после Фиделя? Я отвечаю: „А что будет? Будет, как и прежде. Будут обычные земные люди со всеми нашими проблемами. Вот только такая личность действительно рождается раз в столетие“».

Режиссер Голливуда Оливер Стоун, чей фильм о Кастро «Команданте» было запрещено показывать в США, назвал его «одним из наиболее разумных людей на земле и одним из тех, с кем нам следует советоваться». А давний друг Кастро – лауреат Нобелевской премии по литературе, известный латиноамериканский писатель Габриель Гарсиа Маркес как–то ска-

зал: «Фидель – это сила природы, и с ним никогда не знаешь, чего ждать». В Латинской Америке, где необычайно высоко ценятся благородство и честь, Фиделя Кастро часто называют «последним рыцарем современности».

Кастро – настоящий мужчина, боец, воин, если подразумевать под этим сильного духом человека. В сентябре 2003 года в знак признания его «революционных заслуг и бойцовских качеств» североамериканские индейцы наградили Фиделя Кастро «Орлиным пером». Это – высшая награда коренных народов США. Она вручается людям, которые на протяжении всей своей жизни доказывали свою храбрость, достоинство и честность, и выглядит как большое орлиное перо на перевязи.

Случай этот уникален. Во–первых, Кастро стал первым политическим деятелем, которого наградили этим орденом. Во–вторых, североамериканские индейцы впервые поощрили человека, который родился за пределами США. Наконец, ни один из мировых лидеров и политиков не имеет в своей коллекции награды «Орлиное перо». «В наших жилах течет кровь воинов, так же как в жилах кубинцев течет кровь революционеров», – сказал один из вождей индейцев, вручая награду команданте.

Имя Фиделя Кастро, как и его боевого друга команданте Че Гевары, убитого в Боливии в октябре 1967 года, без сомнения, будет жить в веках и как магнит притягивать к себе все новых и новых почитателей, несмотря на небывшие и клевету, которые распространяют по миру враги кубинских революционеров, Че уже давно является главным символом левых и радикальных молодежных движений во всем мире.

Такие люди всегда будут близки тем, для кого любовь к родине и своему народу не пустые слова. Пока в мире будут униженные и оскорбленные, пока будет царить несправедливость, пока «избранные» (страны или люди) будут диктовать другим государствам и миллионам людей, навязывать свои «непогрешимые нормы», будет жить вера в кубинскую революционную сказку. Будет жива память о горстке бесстрашных молодых революционеров, которые, имея в начале своего пути всего семь винтовок (!), избавили свою страну от марионеточного, продажного режима. Как бы ни старались хулители по обе стороны Атлантического океана очернить деяние кубинских революционеров, мировому сообществу было ясно – кубинская революция свергла не демократию, она разрушила коррумпированный, диктаторский, марионеточный режим Фульхенсио Батисты.

Из уст в уста будет передаваться легенда о кубинских романтиках, которые главным своим достоянием считали не деньги и власть, а книги и знания. Они хотели избавить свой народ от нищеты, болезней и безграмотности. «Революция – это самый большой образ любви» – так Эрнесто Че Гевара выразил философию их борьбы.

Мы живем в непростое время, когда в мире царствует «золотой телец», когда искажена сама суть демократии, свободы, справедливости. Фидель Кастро остается и, убежден, останется кумиром для миллионов людей на планете, «последним из могикан» еще и потому, что во власти его интересует не сама власть, не меркантильная и материальная сторона, а благополучие народа, мораль и человек. Книги он считает самым ценным из всего достояния человечества. Именно книги были его самыми близкими «собеседниками» в одиночной камере тюрьмы, куда он попал после первой неудачной попытки свергнуть ненавистный режим Батисты – штурм казарм Монкада в Сантьяго–де–Куба.

Фидель Кастро, как и Махатма Ганди, – правитель–подвижник, опровергший, казалось, укоренившееся в сознании людей представление, что власть себялюбива и продажна. Правда, в отличие от Ганди, пацифиста, «непротивленца злу насилием», стихия Кастро – это революция. Он – воин и боец. Он благороден и немстителен, что доказывал неоднократно, еще в горах Сьерра–Маэстра, прощая своих лютых врагов.

В 2006 году американский журнал «Форбс» включил Кастро в число десяти самых богатых политиков мира. Фиделя потрясло и возмутило в жизни многое. Циничность и

безжалостность врагов, предательство родных и близких, гибель друзей, страдания голодающих кубинцев. С виду не склонный к сантиментам, Фидель научился не гневаться без повода, не обращать внимания на сплетни и клеветы. Но дезинформация журнала, приписавшего ему немыслимые банковские счета, привела его в неопишущую ярость. «Найдите на каких-либо счетах хоть один доллар, принадлежащий мне, и я уйду с поста президента Кубы, – заявил разгневанный Фидель, – подам в отставку после более 40 лет нахождения на посту главы государства. Тогда им не придется больше прибегать к попыткам моего отстранения от власти». Ответом авторитетного издания было молчание.

Не спорю, Фидель не идеален. Он раним и помнит нанесенные ему обиды. Переубедить его в чем-либо трудно. Соратники Кастро, которые переходили ему дорогу, оказались в забвении. Личность его крайне противоречива, но именно этим она еще больше притягивает к себе.

На Кубе многое не позволено. Например, жить в роскоши и быть, образно говоря, несогласным с «генеральной линией Фиделя»: он, поставив барьер для зажиточных людей, заставил свой народ жить «не в богатстве», а в аскетичности. На Кубе существует карточная система, жилищный фонд обветшал, инфраструктура стареет. Кастро уже не молод и не так активен, как раньше, редко прислушивается к чужому мнению. Количество желающих эмигрировать с острова растет. Фидель неоднократно заявлял несогласным с его политикой: «Хотите уехать – уезжайте!» Между тем американцы предоставляют потенциальным эмигрантам ничтожно малую визовую квоту – около 20 тысяч в год. Недовольные кубинцы нужны США там, на острове, как орудие антикастро-пропаганды.

Кастро сложен и многогранен. Но нельзя отрицать того, что кубинская революция – книга правдивая и открытая. Главный принцип Кастро и его товарищей – никогда не лгать. Ни себе, ни народу, ни друзьям, ни врагам. «Мы никогда не лжем; разумеется, мы не информируем противника о том, чего ему не следует знать, не информируем и все, но никогда не лжем, ни противнику, ни журналистам, никому. Это неизменный принцип», – говорил Фидель.

Многим известно выражение: «Революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а ее плодами пользуются циники». Но у многих ли повернется язык сказать, что это выражение применимо к кубинской революции? Много ли найдется в мире правителей, которые живут чаяниями народа и не боятся выходить, как Фидель Кастро, в самую его гущу? Охрана Фиделя в тех редких случаях, когда ему удавалось перехитрить ее и незаметно покинуть свою резиденцию, всегда знала, что искать Кастро надо там, где скопилось больше всего людей. «Фидель обессмертил себя, по тому что стал частицей сердца каждого из нас. Он один из нас», – сказал мой знакомый кубинец.

Главными лозунгами кубинской революции стали: «Патриотизм о муэрте! – Родина или смерть!» и «Венсеремос! – Мы победим!» Кубинцы готовы «быть в бедности, но свободными». Отстоять свою революцию с оружием в руках, прекрасно осознавая, что «старые новые хозяева» Кубы, вот уже почти полвека безрезультатно пытающиеся сделать ее «свободной от Кастро» и любящие рассуждать о демократии, на самом деле преследуют меркантильные цели.

Российские лихие и смутные 1990-е годы дали звонкую пощечину идее социальной справедливости, показав, как под лозунгом «свободы и демократии» к власти приходят циничные дельцы. Среди хулителей Фиделя Кастро и его режима тоже большинство составляют те, кто, так или иначе, преследуют материальные выгоды и для кого слово «родина» – пустой звук. Кубинские эмигранты, живущие в Майами, в большинстве своем мечтают обрести потерянную в 1950-е годы собственность. Сделать «жемчужину Латинской Америки», как и при прежнем кубинском диктаторе Батисте, островом для «богатых избранных». Соединенные Штаты – Голиаф, у которого Давид – Фидель выиграл все сражения

за последние 50 лет, мечтают вернуть утерянный лакомый кусочек, каковым была Куба до революции. С ее песчаными пляжами, тропическими лесами, отвесными скалами, с живописными долинами, поросшими пальмами и манговыми деревьями. Эта страна много лет была сырьевым придатком Соединенных Штатов. Их борьба против Кастро, действительно напоминающая поединок Голиафа и Давида, похоже, стала для Вашингтона «делом принципа».

Между тем тех, кто любит и уважает Кастро, несоизмеримо больше, чем людей, его ненавидящих. Даже болезнь прибавила популярности Фиделю, кубинской революции. Весь мир оценил, как он мужественно и стойчески борется с недугом. Конечно, кое-кто злорадствует и ждет его смерти, но молча – понимая, что выступать оголтелым противником Кастро в нынешних условиях – неэтично. Извинился даже Джордж Буш, в своем стиле «ляпнувший», что «скоро Кастро заберет Бог».

Как бы то ни было, Кастро – феномен. Мало найдется в сегодняшнем мире государственных деятелей, которые обладали бы такой нестигаемой волей и такой мощной внутренней энергетикой, приводившей в смятение и друзей, и недругов. Одно то, что этот человек, живя полвека в состоянии вечного стресса, в ожидании покушения на его жизнь, умудряется сплачивать нацию и противостоять огромной, ополчившейся на него империи, вызывает не просто большое уважение – преклонение.

Удел избранных – заставить жить воплощением своей юношеской мечты целую нацию. Мечтой молодого Фиделя было осушить «болото», в котором оказалась его родная страна. Вынужденная прислуживать развращенным нуворишам, продававшая тела своих дочерей, превратившая своих сограждан в людей второго сорта. Фидель своей цели добился.

2 января 1979 года, выступая перед делегатами Национальной ассамблеи, посвященной 20-й годовщине победы кубинской революции, Фидель Кастро сказал: «Кто может лишить нас той большой радости, которую вызывает в каждом из нас каждая новая школа, детский сад, поликлиника, больница, фабрика, плотина, кинотеатр, библиотека? Кто может запретить нам гордиться большим числом школьников и студентов в начальных и средних школах, в институтах и университетах, нашими успехами в образовании и культуре, здравоохранении, нашими спортивными победами, нашим обществом без дискриминации, безработицы, нищеты, наркомании? Кто может лишить нас радости каждой новой победы в экономике, быстрых темпов экономического развития, создаваемых нами условий для надежного будущего? Являясь единственными хозяевами наших богатств и природных ресурсов, мы можем сегодня организовывать, планировать и направлять социально-экономическое развитие в условиях полной свободы, чего не может позволить себе никакое государство в Западном полушарии».

Легенда о Фиделе Кастро живет отдельно от него самого уже полстолетия, обрстая подчас самыми невероятными небылицами. Эта книга о вожде революции – романтике, оставшемся верным своим идеалам. Разве случайно имя Фидель означает в переводе со старoisпанского «верный»?

Глава первая КУБА ДО РОЖДЕНИЯ ФИДЕЛЯ

Всем известно еще со школьной скамьи, как Колумб открыл Америку: отправился в Индию, а оказался на другом континенте. Но мало кто знает, что Колумб, память о котором чтят на Острове свободы, высадился не на территории нынешних Соединенных Штатов, а на Кубе, в провинции Ориенте – нынешней Ольгин, недалеко от родового имени Фиделя Кастро.

Произошло это 27 октября 1492 года. Как гласит легенда, увидев берег острова, Колумб воскликнул: «Это самая восхитительная земля, которую когда-либо видели глаза человеческие!» Великий путешественник принял Кубу за материк и упорно придерживался этого мнения до самой смерти, когда многим исследователям в Европе уже было ясно, что Куба – остров. Это установила экспедиция Себастьяна де Окампо в 1508 году. В России Куба стала известна уже в XVI веке; впервые в одном из своих произведений о ней упомянул просветитель и энциклопедист Максим Грек.

Колумб завещал похоронить его на земле, которую он открыл. Некоторое время могила великого путешественника, умершего в нищете, находилась в так называемой Старой Гаване. Испанцы сначала перевезли его прах на остров Эс-паньола (нынешний Санто-Доминго), затем перезахоронили в гаванском кафедральном соборе. Однако и там Колумбу не было суждено обрести вечный покой. В конце XIX века, во время американской интервенции на остров, испанцы снова потревожили его останки. На сей раз прах был перевезен в Испанию. А в гаванском соборе осталась памятная табличка о том, что в течение ста двух лет на этом месте находилась могила Колумба.

Увы, но путь в Новый Свет, проторенный романтиками–первооткрывателями, превратился в «ковровую дорогу» для полчищ охотников из Старого Света за богатствами. Одно из самых великих географических открытий в истории человечества привело к трагедии для Кубы¹. Нетронутый доселе цивилизацией уголок тропического рая, где проживали миролюбивые труженики–индейцы, на долгие годы превратился в самый прибыльный в мире рынок работоторговли.

Колонизация Кубы началась в 1510 году – с высадки на острове отряда конкистадоров под командованием испанца Диего Веласкеса. Он и стал первым губернатором Кубы, в 1512 году основав поселение Баракоа.

Конкистадоры не нашли на Кубе таких природных богатств, как в Южной Америке. Местные индейцы, занимавшиеся охотой, рыболовством и земледелием, не смогли предложить им ни золота, ни алмазов, как их южноамериканские собратья.

Чужеземцев привлекла удобная гавань. Она была стремительно опоясана крепостями для отражения атак пиратов, которыми буквально кишело Карибское море. Не зря говорят, что если многие латиноамериканские города строились как посредники, то «Гавана строилась как воин». Как и большинство других городов, основанных колонизаторами в Латинской Америке, Гавана имела прямоугольную планировку. Что, впрочем, не помешало ей со временем превратиться в настоящую «жемчужину Латинской Америки». (В 1982 году ЮНЕСКО объявило Старую Гавану достоянием человечества.) Она стала административным цен-

¹ Остров Куба, площадью 105 тысяч квадратных километров, является самой большой частью Кубинского архипелага, который также включает остров Хувентуд и около 1 600 небольших островов. Архипелаг примыкает к тропику Рака – границе субтропической зоны планеты. На территории Кубы могли бы разместиться девять таких островов, как Ямайка, и 12, как Пуэрто-Рико.

тром испанской колонии на Кубе. Ее статус как столицы кубинского государства будет узаконен лишь в 1902 году.

Транзитный город–порт Гавана для караванов испанских кораблей был отправной точкой из Америки в Европу. Путь этот был нелегким. Пиратов и корсаров в Карибском море было так много, что в 1561 году испанский король Филипп II издал указ о том, чтобы суда, курсирующие между испанскими владениями в Америке и Испанией, ходили только караванами в сопровождении конвоя, а Гавана была местом сбора этих флотилий.

Конкистадоры вывозили из Западного полушария в Старый Свет сокровища умершей цивилизации ацтеков, драгоценные камни, золото и алмазы. Несколько десятилетий будущую кубинскую столицу называли «городом в пустой стране». Полномасштабное освоение Кубы в планы колонизаторов не входило. Со временем там появилось семь городов–портов, основанных испанцами. Самая известная из сохранившихся с тех времен крепостей носит название Ла Фуэрса. Здесь находится символ Гаваны – флюгер, сделанный в виде фигурки женщины. История донесла до нас ее имя: Исабель Бобадилья де Сото, жена губернатора Гаваны. Однажды де Сото отправился завоевывать новые земли во Флориде и оставил на попечение супруги «город в пустой стране». Четыре года Исабель в ожидании мужа правила колонией «железной рукой». А когда с другого берега Карибского моря пришло известие о его смерти, сердце ее не выдержало. В память о Исабель де Сото, строгой, но справедливой правительнице, благодарные гаванцы отлили ее фигурку в виде флюгера и водрузили на вершину крепости Ла Фуэрса. В наши дни ценители кубинского рома «Гавана клуб» могут увидеть изображение этой фигурки на этикетке и пробке бутылки, его содержащей.

Когда завоеватели поняли, что на Кубе им не найти сокровищ, их интерес переключился на местных аборигенов – племена таино и сибонов. Таино занимались преимущественно сельским хозяйством, а сибоны были охотниками. Бытует мнение, что именно от таино, говоривших на одном из аравакских языков, происходит слово «Куба», которое означает «земля».

Индейцы радушно встретили испанские каравеллы. Они приняли белых пришельцев за богов. Но вскоре началось насильственное обращение индейцев в христианство, переросшее в резню. Всем известно, кто одержал победу в баталии стрел и пороха. За век, прошедший с момента первой высадки конкистадоров на Кубе, было уничтожено почти 95 процентов аборигенов! Поэтому национальный герой Кубы Хосе Марти назвал свою многострадальную родину «надгробием погибшей индейской цивилизации».

Отказывавшихся идти в рабство и принимать христианство аборигенов заживо сжигали на костре. Тех, кто уцелел, заковывали в цепи. В первой половине XVII века на острове осталось не более шести тысяч индейцев. Пришельцы из Старого Света, обосновавшиеся на Кубе, процветали, главным образом, за счет торговли с другими колониями и даже с пиратами. К тому же в XVI веке на острове было найдено золото, но оно закончилось к началу века XVII.

Затем основой экономики Кубы стало скотоводство. Попутно испанцы отбивали атаки англичан и французов, опоздавших к «дележу острова». (К слову, в 1762 году англичанам все–таки удалось захватить Гавану. Правда, английское владычество продолжалось меньше года, но оно запомнилось местным жителям либеральностью и послаблениями, которых не было при испанцах. В частности, англичане ввели на острове режим свободной торговли.)

Вскоре на Кубе наступила эпоха другой торговли. Более прибыльной, беспощадной и попирающей все нормы морали – торговли людьми.

Испанцы начали завозить на Кубу рабов из Африки. Их называли «босалес». Они были более выносливыми и сильными физически, чем невысокие и узкоплечие индейцы, не привыкшие к непосильному и, главное, подневольному труду. К тому же индейцы умирали гораздо быстрее африканцев. Если первые в годы порабощения острова трудились на

возведении форпостов, то негров европейские хозяева использовали на плантациях табака и сахарного тростника. Мало кто знает, что труд рубщика тростника по изнурительности может сравниться, пожалуй, лишь с работой шахтера в забое.

Даже сейчас один рубщик тростника, работая сдельно, должен производить не менее двенадцати тонн сырья, чтобы выполнить дневную норму выработки. Он теряет в среднем 8 килограммов веса в день. За двенадцатичасовой рабочий день рубщик около тридцати шести тысяч раз сгибает ноги, 800 раз перемещается на небольшие расстояния. Переноса в руках по 15 килограммов тростника, он проходит около девяти километров. Но это еще не все. Рубщик не застрахован от укусов вредных насекомых и укулов растений. Добавим к этому погодные условия: при высокой влажности в полдень минимальная температура на солнце в период сборки тростника составляет 45 градусов тепла.

Сахарный тростник и табак стали новым источником дохода Испанского королевства.

Прошло немного времени, и Куба стала центром работорговли всего Западного полушария. Цена на рабов здесь росла год за годом. За три столетия испанского владычества на Кубу было привезено около миллиона рабов из Африки! Именно они за относительно короткие сроки превратили Кубу в главного экспортёра сахара в мире. В 1827 году на острове насчитывалась почти тысяча небольших сахарных заводов. Это был невероятный показатель по тем временам!

Если в начале XIX века лесистая местность составляла 90 процентов территории Кубы, то сейчас это лишь пятая ее часть. Таким образом, Куба, с ее избытком сахарных и табачных плантаций, страдавшая от недостатка плодородных земель для выведения зерновых и овощных культур, к XX веку стала почти полностью зависимой от импорта продовольствия. В статье «Интернационализация геноцида», опубликованной в газете «Гранма» 3 апреля 2007 года, Фидель Кастро так говорил о годах колонизации: «Трагедией нашего народа был так называемый мертвый сезон – следствие циклического характера производства этой культуры. Земли, находившиеся под плантациями сахарного тростника, были собственностью американских предприятий и крупных кубинских землевладельцев. Таким образом, мы больше кого бы то ни было накопили опыт в плане социальных последствий этого выращивания».

Куба превратилась в остров, образно говоря, «плодоносящий» сахаром, сигарами и... рабами. Испанцы потирали руки. Раб на Кубе стоил в пять раз дороже раба в Африке. Количество рабов в десятки раз превышало количество «свободных белых». (Рабство на Кубе сохранялось до 1886 года, хотя формально декрет о его отмене был принят в 1880 году. Понадобилось целых шесть лет, чтобы сломить не столько сопротивление рабовладельцев, сколько изменить «сознание острова», несколько веков жившего в принуждении. Только в 1893 году чернокожие здесь были уравнены в правах с белым населением.)

Испанские вассалы коротали время в празднестве и лени. По сути, весь «труд» ставленников королевского двора на Кубе заключался лишь в своевременной отправке в Испанию сахара и табака, а также драгоценностей и денег, полученных от заезжих купцов. Колониальные власти активно устанавливали торговые и дипломатические отношения с государствами со всего света. Так, в 1829 году указом императора Николая I в Гаване было учреждено консульство России. Вот что говорилось в указе государя: «Находя полезным для российской торговли учредить в Гаване на острове Куба консульство, повелеваю определить там нашим консулом поселившегося на сем острове подданного нашего Александра Людерта и вместо взимаемых в других местах с корабельщиков по консульскому уставу сборов производить ему из Государственного казначейства на издержки по триста рублей в год, считая рубль в двести пятьдесят центов нидерландских»².

² Дипломатический вестник. 1989. № 5. С. 51.

Со временем на Кубе начало формироваться новое «сословие» – креолы, потомки первых испанских поселенцев. Любопытно, что если в целом в Латинской Америке креолами именовали детей от смешанных браков белых и аборигенов, то в Испании так презрительно называли своих белых сограждан, кто родился на острове в испанской семье или эмигрировал на Кубу из метрополии.

Креолы были более активны и не менее богаты, чем приезжие из Европы. Так, для отделки дворца семьи Альдама, самого могущественного из креольских кланов на Кубе, из Европы привозились дорогой мрамор, роскошные гобелены и картины лучших художников того времени. Это было сделано специально в отместку тогдашнему испанскому губернатору острова Такону, чей дворец, построенный в стиле барокко, должен был символизировать испанское господство.

Представители рода Альдама первыми завозят на остров не рабов, а наемных рабочих по контракту из Китая. Они первыми применяют на своих сахарных заводах передовые паровые машины, налаживают торговые контакты со всем миром, приглашают на гастроли знаменитых артистов из Старого Света. Им претит всевластие испанских наместников, погрязших в лени и не устающих подсчитывать барыши. С годами дворец семьи Альдама становится островком свободомыслия. Именно здесь впервые прозвучала идея об отмене рабства на Кубе.

Чашу терпения метрополии переполнил эпизод с выкупом креолами черного раба, поэт Франсиско Мансано. Богатые креолы во главе с Мигелем Альдамой собрали для этого деньги. Но, когда они пришли к владелице раба с необходимой суммой, она увеличила цену вдвое. Креолы согласились с ее требованиями, а поэту поставили условие: он должен написать книгу о том, что испытал в неволе. Это произведение Франсиско Мансано стало самым ярким документальным свидетельством того гнета, который пришлось пережить рабу на Кубе³.

Слух о том, что на острове появился островок свободомыслия, дошел до Испании. Однажды на рассвете во дворец Альдамы ворвались вооруженные испанцы. Роскошный дворец был разграблен и сожжен, а сам Мигель Альдама, чудом избежав расправы, эмигрировал в США, где умер в нищете.

Во второй половине XIX века на Кубе сложилась парадоксальная ситуация, которая не могла не привести к «конфликту интересов»: политическая власть в стране и лучшие земли находились в руках у испанцев, а фактически вся экономика – у кубинских креолов. В 1817 году колониальные власти отменили табачную монополию и разрешили свободную торговлю, но в 1823 году снова ужесточили свою политику. В конце концов это привело к войне местных жителей с колонизаторами. Правда, восстание (оно произошло в 1850 году) подняли не бедные слои населения, а креолы, которые, при поддержке рабовладельцев из южных американских штатов, выступили за присоединение Кубы к США. Но эта попытка свергнуть колониальную власть потерпела неудачу, а лидер креолов Нарсисо Лопес был прилюдно казнен.

Этот небольшой экскурс в историю «вековых давностей» важен для понимания личности самого Фиделя Кастро. Он со школьных лет знал, что островная Куба оставалась последним оплотом работорговли в Западном полушарии, который лишь в конце XIX века потеряла и за который потому так рьяно сражалась когда-то могущественная Испания.

В юношеские годы у Фиделя Кастро родилась мечта сделать Кубу первым государством Латинской Америки, где будут торжествовать свобода и равноправие. Не вековым ли унижением своего народа обусловлена патологическая ненависть Фиделя к чужеземцам, пытающимся заставить кубинцев жить по своим понятиям? Не в истории ли сожженного на

³ Куба. М., 1979.

костре индейского вождя Атуэя нужно искать корни самого знаменитого лозунга кубинской революции «Родина или смерть!»? У Фиделя Кастро трепетное отношение к прошлому. На Кубе нет ни одного памятника Фиделю Кастро, ненавидящему любые формы проявления культа личности. Зато повсюду на острове увековечена память людей, боровшихся за независимость Кубы.

Мы знаем десятки примеров того, как политики, наделенные неограниченной властью, стремились перечеркнуть все, что сделали их предшественники, старались «выпятить себя в истории», а иногда и вовсе переписать ее под себя. Можно вспомнить классические примеры из недавнего прошлого нашей страны. Когда Сталин вдруг встал вровень с Лениным, когда позже имя уже самого «отца народов» вымарали из учебников, а портреты изорвали в клочья, когда ниспровергателя Сталина Хрущева и вовсе забыли при жизни...

Сегодня мало кто за пределами Кубы помнит имя Карлоса Мануэля де Сеспедеса, выходца из семьи обеспеченных кубинских креолов, земледельца из Байямо, возглавившего в 1868 году Десятилетнюю войну против колонизаторов. Эта война закончилась поражением повстанцев. Легенда гласит, что именно Сеспедес впервые произнес самый знаменитый лозунг кубинских революционеров «Родина или смерть!».

Белый мраморный памятник Карлосу Мануэлю де Сеспедесу сегодня украшает Пласа-де-Армас в Гаване, а кубинцы называют этого революционера не иначе как «отцом нации и первым президентом восставшего с оружием в руках народа».

Десятилетняя, или, как ее называют, Великая война 1868—1878 годов показала, что для руководства освободительной борьбой нужны другие деятели и другие методы. Для свержения многовековых колонизаторских устоев, для пробуждения кубинцев, замкнувшихся в себе, разьединенных, забитых, требовался не просто лидер, а человек, наделенный харизмой, исключительным политическим и интеллектуальным талантом.

И такой человек появился. Хосе Марти, поэт, прозаик, публицист, стал вдохновителем кубинской революционной партии и лидером второй войны за независимость Кубы от испанского владычества. Чилийская поэтесса Габриэла Мистраль справедливо назвала Хосе Марти «самым чистым образцом латиноамериканца». Тонкий ценитель изящного, он прожил большую часть жизни за границей. В конце 1880-х годов Марти представлял в качестве генерального консула в Нью-Йорке попеременно три латиноамериканские страны: Уругвай, Аргентину и Парагвай!

Влияние личности Хосе Марти, погибшего в бою под Дос-Риос 19 мая 1895 года, на продолжателей его дела, кубинских революционеров XX века, и конечно же на самого Фиделя колоссально.

«Для нас, кубинцев, Марти – это идея добра, о которой он писал. Мы, кто 26 июля 1953 года возобновили начатую 10 октября 1868 года борьбу за независимость, именно в год, когда исполнялось столетие со дня рождения Марти, получили от него все, прежде всего, этические принципы, без которых нельзя даже представить себе революцию. От него мы получили также его вдохновляющий патриотизм и такое высокое понятие о чести и человеческом достоинстве, которому никто в мире не смог бы нас научить, – говорил Фидель Кастро в январе 2003 года на закрытии Международной конференции „За равновесие мира“, посвященной 150-летию со дня рождения Хосе Марти. – То был действительно необыкновенный, исключительный человек. Сын военного, увидевший свет в семье родителей-испанцев, он превратился в пророка и творца независимости земли, где он родился; интеллигент и поэт, бывший подростком, когда началась первая великая война, он был способен позже завоевывать сердца, уважение, поддержку и почитание старых опытных военачальников, осенивших себя славой в той войне.

Пылкий сторонник мира, единства и гармонии между людьми, он не колеблясь подготовил и начал справедливую и необходимую войну против колониализма, рабства и неспра-

ведливости. Он первым пролил свою кровь и первым отдал свою жизнь как вечный символ альтруизма и личного бескорыстия»⁴.

Многие журналисты и исследователи до сих пор гадают, кем «больше» является Фидель Кастро: социалистом, коммунистом или просто ярким и убежденным антиамериканистом. Ведь в 1961 году Кастро провозгласил «социалистический характер кубинской революции», а в 1965–м – возглавил Центральный комитет компартии Кубы. Наконец, всю жизнь, как Давид с Голиафом, упрямо и иногда уперто, борется против могучей «северной империи». Некоторые из политологов – критиков Фиделя развивают это утверждение, называя Кастро и его соратников «фиделистами – радикальными революционерами, стремившимися к максимальной политической власти через постоянную борьбу с противниками, которым не хватало хорошо сформированной идеологии»⁵.

Социализм Фиделя Кастро конечно же совсем не тот, что существовал в СССР и Восточной Европе. Хотя бы в силу того, что Фидель жил народом и живет в гуще народа, в отличие от деятелей, укрывавшихся от него за кремлевской стеной и потерявших контакт с реальностью. Вдобавок, кубинский социализм не имеет большевистских корней. Политика Гаваны все время оставалась самостоятельной от Москвы, а Кастро вел свой революционный корабль по собственному фарватеру, не присоединяясь к каким-либо пактам и союзам социалистического лагеря. В 1999 году, в год 40-летия революции, выступая на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию, он сказал: «Наша революция не была импортирована, не была инспирирована извне, она была подлинная и только наша. Единственное, что мы действительно импортировали – это идеи или книги, которые помогли нам получить революционную политическую культуру, к ней мы добавили определенные идеи отечественного производства»⁶.

Что до антиамериканизма, то он действительно стал одним из главных постулатов политики Кастро, но не определяющим. Тут, помимо личностных факторов, большую роль сыграла реакция революционеров на враждебные действия Вашингтона в отношении Кубы.

Кубинская модель революционного развития прежде всего основана на идеях Хосе Марти, который в представлении марксистов и большевиков являлся либералом и ревизионистом. Кубинцы называют его апостолом революции. Сам Кастро однажды сказал, что Хосе Марти был не иначе как «святым и ясновидящим». Любопытно, что Фидель Кастро, будучи в изгнании, собирая средства для свержения диктаторского режима в середине 1950-х годов, проехал по Соединенным Штатам по тому же маршруту, что и Хосе Марти с аналогичными целями в XIX веке.

Фидель Кастро почти во всем повторил его путь, создавая единую кубинскую революционную партию. Он, как и Марти, тайно прибыл на Кубу со своими соратниками на небольшом суденышке, прошел все тяготы тюремного заключения. Выступая на суде после неудачного штурма Мон-кады, Фидель заявил, что интеллектуальным вдохновителем революционеров был Хосе Марти. Они – всего лишь исполнителями. Одним из главных жизненных постулатов Фиделя является знаменитое высказывание апостола кубинской революции о том, что «лучшая форма убеждать людей – это действовать». Кастро как-то признался, что глубокое, неизгладимое впечатление произвела на него одна фраза Марти, которая ему «много раскрыла» и которую он «всегда имеет в виду»: «Вся земная слава уместается в одном зернышке кукурузы». Фидель и его сподвижники с блеском осуществили то, что не удалось Марти, – добились подлинной независимости Кубы.

⁴ Размышления главнокомандующего. 2008. 31 января.

⁵ Сделка Кастро с советским дьяволом // Los Angeles Times. 2006. 14 августа.

⁶ <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1999/rus/f110699r.html>

О том, что для Фиделя идейным учителем был его соотечественник Хосе Марти, а не европейские теоретики социализма, свидетельствует и тот факт, что на Кубе нет памятников Марксу, Энгельсу, Ленину, и цитат из их произведений в главной кубинской газете «Гранма» не встретишь. Зато в каждом уголке страны есть памятники Хосе Марти, а в самой Гаване стоит памятник его матери, который, между прочим, еще в 1956 году установила «Масонская ложа Кубы».

Неистребимая жажда свободы кубинского народа нашла свое отражение и в кубинском флаге, который впервые был поднят борцами за независимость в 1850 году, почти за столетие до победы кубинской революции. Его три синие полосы означают департаменты, на которые делился остров в то время. Две белые полосы символизируют чистоту стремлений кубинского народа. Красный равнобедренный треугольник – идеалы равенства, братства и свободы, а также кровь, которую необходимо пролить для их достижения. Наконец, белая звезда – символ независимости Кубы.

Радикальных перемен жаждали не только непосредственные вдохновители войны за независимость и деятели кубинской революции, но и широкие народные массы, рабочие, крестьяне. Хосе Марти, положивший жизнь в борьбе с испанскими колонизаторами, предвидел, что страну в будущем ждут не менее серьезные испытания. Предупреждал, что главным врагом для новой Кубы станут Соединенные Штаты. В 1870–е годы он писал: «Американские законы дали Северу высокую степень благополучия и подняли его также на самую высокую ступень коррупции. Они монетаризировали его, чтобы сделать благополучным»⁷.

Пользуясь плачевным состоянием сахарной промышленности острова, пострадавшей во время войны за независимость, американцы грамотно воспользовались ситуацией и осуществили значительные инвестиции на Кубу. В 1883 году в руки американцев перешел первый сахарный завод, и через какие-то полтора десятка лет они уже фактически полностью контролировали производство сахара и табака, ключевые отрасли экономики острова.

Для кого-то «бизнес – есть бизнес». Для американцев бизнес – это влияние и политика. В конце XIX века они неоднократно пытались выкупить остров у испанцев, но, поняв тщетность своих усилий, решили, что кратчайшим путем к цели станет интервенция на Кубу. Испано-американская война стала первой крупной завоевательной акцией Соединенных Штатов за пределами страны.

Поводом послужил взрыв в феврале 1898 года американского крейсера «Мейн», стоявшего на рейде в Гаванской бухте. Они выдвинули версию, что причиной взрыва стала испанская мина. Истинные причины той трагедии не выяснены до сих пор. Но на Кубе убеждены, что это была американская провокация, что Белый дом, для того чтобы ввязаться в войну, пожертвовал жизнями 250 своих военных. (Важная деталь для понимания как отношений Кубы и США, так и национального характера кубинцев, не приемлющих лжи и несвободы. На революционном острове никогда не уничтожали памятников, за исключением одного, установленного при прежнем режиме «героическим морякам крейсера „Мейн“».)

Итог этого силового противостояния было нетрудно предугадать. Испания была не просто истощена войной. Образно говоря, она уже стала «уходить от Кубы». Моральный дух испанской армии был слабым, молодые рекруты, среди которых, кстати, был и отец Фиделя, не хотели воевать, они не понимали, зачем должны защищать остров, находящийся в тысячах километрах от их родины. Кроме того, в годы правления на Кубе испанского генерал-губернатора Валериано Вейлера-Николау, получившего прозвище «Вейлер-мяс-ник», градус ненависти кубинцев к метрополии достиг критической отметки. Тысячи местных жителей, в основном бедных крестьян, сгонялись в концентрационные лагеря, где умирали от голода и пыток.

⁷ <http://www.posolstvo-cuba.ru/cuba/josemarti.htm>

США умело воспользовались народным недовольством, формально выступив в роли освободителей Кубы. 25 апреля 1898 года США официально объявили Испании войну. Она закончилась, едва начавшись. Испания капитулировала 12 августа того же года.

Таким образом, испанцы, несмотря на почти трехсоттысячный воинский контингент, потерпели унижительное поражение, потеряв не только свою последнюю и самую прибыльную в прошлом колонию в Западном полушарии. В ходе боевых действий США также захватили принадлежавшие Испании Филиппины и Пуэрто-Рико. По так называемому Парижскому договору от 10 декабря 1898 года Испания отказывалась от прав на все эти колонии. Они были объявлены «свободными государствами». Но лишь формально, поскольку переходили под контроль США. И если, в конце концов, спустя годы Куба и Филиппины все-таки обрели независимость, то Пуэрто-Рико до сих пор подчинено США.

Ставленники испанского королевского двора спешно паковали чемоданы и отплывали в Европу. Это поражение Испании стало серьезным ударом по национальному самолюбию страны, когда-то владевшей едва ли не всей Южной Америкой. А «потерянное поколение» молодых людей, выросших в обстановке поражения, стало именоваться в Испании «поколением 98-го года».

Придя на Кубу, американцы почти полностью перекрыли местной элите «кислород», продвигая на все ключевые административные и политические должности своих ставленников. Как это неоднократно случалось в мировой истории, люди, бывшие на задворках политической жизни и получившие доступ к власти, занялись «делением портфелей» и быстро погрязли в коррупции.

Тут нельзя не упомянуть об одном важном моменте, который скажется на мировоззрении Фиделя Кастро, его отношении к Соединенным Штатам, и во многом объясняет природу его ярко выраженного антиамериканизма. Во времена испанской колонизации кубинская элита – креолы – благодаря своему положению и деньгам, в принципе, была если не допущена к власти, то могла, говоря управленческим языком, влиять на принятие решений. Американцы позволили местной аристократии сохранить собственность, но к власти ее не подпускали. Обосновавшись на острове, они оставили местной элите, к которой принадлежал и отец Кастро, довольно крупный землевладелец, возможность заниматься бизнесом. Но для этого ей нужно было дружить с янки. Последние же создавали местным собственникам такие условия, что им приходилось продавать свои земельные участки, чтобы не подвергаться травле и давлению.

Отец Фиделя оказался единственным из местных латифундистов, кто не продал свой участок «северным соседям», несмотря ни на денежные посулы, ни на угрозы.

Американцы распустили Кубинскую революционную партию и Армию освобождения Кубы и фактически установили на острове неокOLONиальный режим. И хотя в декабре 1901 года на Кубе прошли президентские выборы, победу на которых одержал Томас Эстрада Пальма, а 20 мая 1902 года была провозглашена независимая Кубинская республика, эта страна была связана с США кабальными законными актами.

Американцы отказывались покинуть остров до тех пор, пока не заставили избранный кубинский парламент в июне 1901 года включить в конституцию страны так называемую поправку Платта, устанавливающую над Кубой особую форму протектората США. Согласно этой поправке, власти Кубы могли заключать договоры с другими странами и получать иностранные займы только с санкции США. Правительство Кубы должно было признавать правомерными все действия американских военных на острове. Кроме того, Соединенные Штаты получили право на интервенции на Кубу в целях «защиты ее независимости». Поправка Платта легла в основу так называемого «постоянного договора» между США и Кубой, который был заключен 22 мая 1903 года. В том же году в рамках этих договоренностей Куба отдала США в бессрочную аренду Гуантанамо для строительства военной базы.

Поправка Платта формально была отменена в 1934 году, однако фактический протекторат США над островом сохранялся до победы кубинской революции, а из Гуантанамо американцы не ушли до сих пор.

В донесении в морской генеральный штаб России от 7 по старому стилю (20) января 1909 года агент А. К. Небольсин сообщал: «Американские войска заняли все стратегические пункты страны, но они никогда личного участия не принимали в восстановлении порядка. Эту трудную и неблагодарную работу проделывали 100–тысячная туземная армия и полиция. Вышеназванный двойной военный контингент привел к тому, что атаман разбойничьих банд, державший на откупе сотни помещиков и фермеров, явился к губернатору Магуну с повинною и предложил свои услуги и способности поработать в пользу своей страны. Говорят, что Ма–гун эту просьбу принял. Во всяком случае, поджоги плантаций и вымогательства разбойников в настоящее время достояние старины <...>

Из одного частного разговора я узнал, что хотя Америка оказала большую услугу Кубе, но она же зато стоила ей громадных денег. В тот момент, когда американцы взяли в руки управление островом, в кассе, несмотря на крупные хищения, был резервный капитал – 9 миллионов долларов. Американцы за два с половиной года израсходовали эти 9 миллионов долларов, да еще 60 миллионов сверх того, поэтому в финансовом отношении Куба должна сильно поприжаться. Впрочем, это ей не страшно, ибо она настолько богата от природы, что даже теперь, когда остров только начал благоустраиваться, все же таможенный сбор достигает 30 миллионов долларов в год и в скором будущем он, вероятно, удесятится»⁸.

В другой шифрограмме морской агент России в США А. К. Небольсин сообщал следующее: «Военный порт Гуантанамо не мог посетить ввиду того, что американское морское ведомство его держит в полном секрете, и насильственная поездка больше испортила бы отношения, чем принесла бы существенного интереса. Из частных источников узнал, что в Гуантанамо строится сухой док, но он еще не готов. Военный порт и береговые укрепления только в проектном состоянии. Сама бухта во всех отношениях прекрасное убежище для флота и со временем будет первоклассная морская база»⁹.

В Гаване в начале XX века строится копия вашингтонского Капитолия, призванного олицетворять «символ зарождающейся демократии молодой республики». В кубинском Капитолии, как и в Америке, должны заседать новоиспеченные конгрессмены. Лучшие фабрики, заводы, земли, банки, транспортная и коммунальная инфраструктуры переходят под контроль американских монополий. Фактически на их содержании находятся все четыре вида власти: исполнительная, законодательная, судебная и средства массовой информации.

Официальный Вашингтон уже вынашивает планы присоединения Кубы к США. Об испанской колонизации, ассоциировавшейся с работоторговлей, потихоньку забывают. На острове теперь правят бал неокolonизаторы – более практичные и изощренные, чем предыдущие хозяева Кубы – испанцы. Американские войска находятся во всех стратегически важных районах острова. О том, насколько Куба тех лет зависела от США, свидетельствует тот факт, что даже пресная вода вырабатывалась на горючем, которое привозилось из Америки.

Американские нувориши «оттягивались» на кубинских пляжах, в то время как простым кубинцам было запрещено купаться в море – пляжи являлись частной собственностью американских и местных богачей. По сути, Куба медленно, но верно превращалась не только в политический и экономический, но и «туристическо–бордельный» придаток Соединенных Штатов.

⁸ Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 23—24.

⁹ Там же. С. 21.

Сознание ни одного народа в мире, пожалуй, не ранено многовековым колониальным наследием так, как кубинского. Отсюда, на мой взгляд, и происходят истоки особой гордости, ранимости и обидчивости кубинцев.

Освободившись от рабства испанского, кубинцы попали под не менее жестокий и унижительный гнет. К ним относились как к людям второго сорта, а к их стране как к «американской сахарнице». В свое время все мировые газеты опубликовали снимок, на котором запечатлен пьяный солдат–янки. Давая себя фотографировать, он прилюдно, никого не стесняясь, мочится на памятник Хосе Марти в Гаване. А президент США Рузвельт, выступая на одной из панамериканских конференций, заявил: «У меня вызывает такое отвращение эта адская кубинская республичка, что хотелось бы стереть ее народ с лица земли. У нас нет иного выхода, кроме вмешательства. Это убедит подозрительных идиотов в Южной Америке в том, что при желании мы можем вмешаться и что мы жаждем земель»¹⁰. Какое еще объяснение нужно для того, чтобы понять, почему антиамериканизм является одной из основ философии и политики Фиделя Кастро?

К тридцатым годам XX века Гавана становится городом–казино, своего рода латиноамериканским прообразом Лас–Вегаса. После Второй мировой войны президент Кубы Фульхенсио Батиста предлагает американцам застроить всю западную часть города увеселительными заведениями для богатых туристов.

Новый протекторат, по сути, на десятилетия вперед определял уклад жизни, сводившийся к унылому и беспросветному существованию для большинства кубинцев. При испанцах простой человек, такой как отец Фиделя, приехавший на Кубу с маленькой котомкой и ставший землевладельцем, мог если не разбогатеть, то, благодаря таланту и трудолюбию, хотя бы вырваться из нищеты. При новых хозяевах жизни простому человеку была уготована участь бессловесной обслуги.

700 тысяч человек, треть трудоспособного населения Кубы, в первой половине XX века были безработными. А в поисках места рубщика тростника по стране с мачете в руках скитались тысячи сельскохозяйственных рабочих.

Улицы Гаваны были заполнены назойливыми попрошайками, проститутками, корабейниками и лотошниками, пытавшимися продать сигары, ворованные с табачных фабрик, лотерейные билеты или жевательную резинку.

В 1925 году Карлос Балиньо, Хулио Антонио Мелья и другие революционеры основали первую коммунистическую партию Кубы. Однако о каких–либо продуманных и активных действиях по изменению существующего на острове строя речи идти не могло. (Сегодня мемориал основателя марксистско–ленинской партии Кубы Хулио Антонио Мелья находится у Гаванского университета, на том месте, где часто происходили стычки студентов с полицией и войсками.)

Народ был озабочен только одним: как бы не умереть с голоду. А среди лидеров партии в те годы не нашлось такой личности, как Хосе Марти, кто мог бы повести его за собой. Коммунисты заметно уступали по авторитету в кубинском обществе двум другим движениям: «центристам», которые хотели добиться от США большей самостоятельности для острова, и правым буржуазным партиям. Те ратовали за присоединение Кубы к Соединенным Штатам и фактически находились на содержании американцев.

На Кубе сегодня хорошо знают историю о том, как в 1920 году американцы, подкупив президента Гарсиа Менокаля, разорили кубинские банки, а затем скупили их, установив полный контроль над финансами Кубы. В 1925 году президентом Кубы стал бывший министр внутренних дел генерал Херардо Мачадо, получивший в период своего правления миллионные займы от американцев. 80 процентов кубинского экспорта, львиную долю кото-

¹⁰ Хачатуров ЛГ. Уроки Карибского кризиса // Независимая газета. 2002. 21 октября.

рого составляли сахар и сигары, приходилось на США. (К слову, в 1933 году Мачадо не спасла дружба с американцами, которые организовали военный переворот, приведший к его свержению.)

Мачадо установил в стране диктаторский режим. Компартия была в полной изоляции, а частью политической жизни тогдашней Кубы стали аресты, убийства и пытки сотен партийных активистов и прогрессивных студентов. Не проходило и дня, чтобы на Кубе не находили истерзанный труп кого-то из них. (В музее, расположенном в бывшем президентском дворце в Гаване, посетителям демонстрируют один из самых ужасающих экспонатов той эпохи – машинку для вырывания ногтей.) Известный французский писатель Анри Барбюс в своей книге «Террор на Кубе» так охарактеризовал режим Мачадо: «...Мачадо впитал в себя все пороки, дефекты и преступления своих предшественников в президентском дворце. Он довел террор до степени безумия»¹¹.

¹¹ Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 88.

Глава вторая ДЕТСТВО КОМАНДАНТЕ

Благодаря телевидению, газетам и книгам Фиделя Кастро в мире больше знают как революционного лидера, нежели как человека. Досконально известны практически все этапы революционной борьбы главнокомандующего: неудачный штурм крепости Монкада, высадка с яхты «Гранма», партизанская борьба в горах, свержение режима Фульхенсио Батисты, Карибский кризис, наконец, строительство новой Кубы в условиях жесточайшей американской блокады.

Фидель Кастро еще в горах Сьерра-Маэстра, в годы своей партизанской борьбы, обрел свой «вечный» революционный образ – «барбудо» (в переводе с испанского – бородач). Тогда революционеры поклялись не бриться до победы над Фульхенсио Батистой. (Некоторые из них, в том числе и Фидель, и по прошествии десятилетий так и не сбрили бороды.)

Высокий, стройный, в неизменном темно-оливковом френче и фуражке цвета хаки, со своей легендарной бородой – таким запечатлело его в своей памяти не одно поколение людей во всем мире. (К слову, изображение Фиделя Кастро в военной форме, со сжатым кулаком, рядом с двумя «братьями по оружию» является логотипом главной кубинской газеты «Гранма».) Трудно представить себе его иным. Потому и кажутся нереальными кинокадры, снятые в больничной палате во время долгого послеоперационного периода реабилитации Фиделя Кастро. Дело даже не в физической слабости команданте, который во время болезни сбросил 20 килограммов веса. А в том, что он предстал перед миром не таким, как всегда. Кастро был одет в спортивный костюм цвета кубинского флага.

В многочисленных фотоальбомах и в монографиях «иллюстрированная история Кастро» начинается с того самого образа вооруженного бородача – «барбудо». Дело не в том, что он неохотно вспоминает о своем детстве и юности, как, кстати, и не любит статей и книг о себе, которые зачастую пестрят небылицами о нем. И не в том, что он ненавидит культ личности. Фиделю Кастро претит интерес к его личной и в особенности к закрытой для всех семейной жизни. Обсуждение этой темы является на Кубе табу. А сведения о состоянии его здоровья после операции 31 июля 2006 года и вовсе были переведены в разряд государственной тайны.

Но можно подметить одну интересную особенность. На самом деле, больше всего команданте эн хэфэ не любит, когда речь заходит о его *внереволюционной* жизни, прошедшей, образно говоря, в его родной, но еще не *его* стране. Той, в которой нет его пламенных многочасовых речей и его любимого лозунга «Родина или смерть!».

В свое время для многих людей в Советской России таким непривычным в сравнении с обычным образом «Ильича в кепке» казался маленький Володя Ульянов на октябрьском значке. Что и говорить о Сталине, который, кажется, и вовсе родился с трубкой в руках и маршальском мундире.

Кастро конечно же вспоминает о своем детстве и отрочестве, но с меньшим упоением, чем о годах славной революционной молодости, о втором доме – горах Сьерра-Маэстра, о десятках лет революционного созидания. Да и в силу возраста, в той немислимой череде пережитого – трагедий и счастливых побед – воспоминания детства представляются отрывочными фрагментами из, кажется, уже далекой жизни.

Ученые утверждают, что сознание ребенка формируется в возрасте от трех до шести лет. От «зерен, брошенных» родителями в эти годы на чистую детскую почву, зависит, какой урожай взойдет в зрелые годы, каким вырастет человек. Черствым, сухим, нервным, с гни-

лой сердцевиной, озлобленным на весь мир или полным жизненных сил, открытым миру и людям, способным к развитию и совершенствованию.

Бытует мнение, что формирование личности Фиделя произошло в студенческие годы, когда за считанные месяцы он, подававший большие надежды студент–юрист, ступил на путь революционной борьбы.

С этим нельзя не согласиться. Окончив знаменитый Гаванский университет и надев мантию адвоката, Фидель вскоре сбросил ее и, как говорил герой незабвенного «Бумбараша» Аркадия Гайдара, «пошел революцию делать». Учеба в лучшем вузе Кубы, основанном, страшно подумать, еще в рабовладельческие времена, в 1728 году; книги, а именно их Фидель Кастро считает наиболее ценным достоянием человечества; знание множества предметов; общение с прогрессивно мыслящими студентами и преподавателями; активное участие в манифестациях против диктатуры... Все это, безусловно, оказало колоссальное влияние на формирование революционного мировоззрения будущего главнокомандующего. Усиление репрессий на Кубе привело его к пониманию того, что борьба против диктатуры должна иметь только революционный, а отнюдь не юридический и парламентский характер.

Но вот вопрос: смогла ли бы начатая в молодые годы революционная борьба команданте, которая в итоге привела к триумфальному взятию страны под свой контроль, увенчаться успехом, если бы еще в детстве родители не посеяли в маленьком Фиделе семена «доброто, разумного и светлого»? Состоялся бы он вообще как личность без своих простых, скромных, трудолюбивых и уверенных в «правде своей» и внутренней силе родителей? Что было бы, если бы будущий лидер Кубы еще в детстве сам не сталкивался с несправедностью и унижением в окружающем мире, зародившем в нем обостренное чувство справедливости, а жил, как и полагается сыну латифундиста, размеренно и вольготно? Наконец, где бы еще он постиг природу и подноготную капитализма, как не в Биране, в имении своего отца – дона Анхеля, на которого трудились сотни наемных рабочих?

Изучая детские и юношеские годы кубинского лидера, я поражаюсь тому, как в ребенке начали формироваться те качества, которые спустя десятилетия станут частью огромной глыбы, особой планеты под названием «Кастро»: неприятие любой формы несправедливости, упрямство, несокрушимое желание идти к победе до конца, вера в праведность своего дела, неприятие проигрышей и поражений, феноменальная память. А также самая, пожалуй, его главная черта – способность всецело отдаваться тому, что его по–настоящему захватывает.

На первый взгляд в Фиделе Кастро больше отцовского. Даже внешнее сходство. Точнее сказать, в нем больше выражены отцовские негибкость, упорство, умение идти напролом, нежели материнские мягкость, мудрость и терпение. Действительно, от испанца дона Анхеля Фидель унаследовал предприимчивость, силу воли и храбрость, стремление покорять новые высоты и, не считаясь с преградами, идти вперед. Говорят, именно дон Анхель пристрастил Фиделя к табаку, по одним данным, дав ему прикурить в шесть, а по другим, в 13 лет. В рабочем кабинете Фиделя Кастро висит большая фотография отца в простой рубашке, старого, умудренного жизнью фермера.

Отец Фиделя, Анхель Кастро Архиз, был испанского происхождения (у всех кубинцев две фамилии – первая отца, вторая – матери. – М. М.). Он родился 8 декабря 1875 года на севере Испании, в отсталой малоземельной Галисии, в семье очень бедных крестьян. В 11 лет Анхель Кастро остался без матери, после чего его отец, дедушка Фиделя, женился вновь. Отношения у дона Анхеля с мачехой сразу не заладились, и детство его было крайне сложным и даже мучительным.

В 17 лет Анхеля Кастро призвали на военную службу. В 1895 году, когда ему исполнилось 20 лет, отправили воевать на Кубу. Так и осталось неизвестным, по каким причинам Анхель Кастро попал на Кубу только в 1898 году. Сам Фидель говорил, что отец никогда не

рассказывал ему об этом. К счастью для будущей кубинской революции, Анхелю Кастро не пришлось принимать участия непосредственно в боевых действиях, и он остался в живых.

После войны, закончившейся бесславной капитуляцией Испании и потерей ею Кубы, своей последней колонии в Западном полушарии, Кастро–старший вернулся в родную Галисию. Испания, изможденная войной, переживала тяжелейший экономический кризис и была в то время одной из беднейших стран Европы, и Галисия «плелась в хвосте» самых отсталых ее провинций. На родине Анхелю Кастро, как и большинству галисийских мужчин, было уготовано далекое от оптимизма будущее: в лучшем случае тяжелая работа поденщиком на полях местных землевладельцев.

Морально опустошенные, испанские солдаты возвращались в Испанию с надеждой, что она если не примет их в объятия, то будет рада их возвращению. Но на родине их никто не ждал: в стране царила безработица. А в Галисии сложилась и вовсе беспросветная для простого человека ситуация. Бал правили помещики и чиновники, на стороне которых было духовенство. Это стало настоящим потрясением для Анхеля Кастро, истового католика. И он вспомнил солнечную и приветливую Кубу с ее малозаселенными и плодородными землями и простыми, отзывчивыми людьми. Уже через год после возвращения с войны он вместе с несколькими товарищами – галисийцами принял решение снова уехать на Кубу. В декабре 1899 года эмигранты высадились на острове. Родной брат Анхеля – Гонсало продолжил путь дальше и впоследствии осел в Аргентине.

Но к тому времени ситуация на Кубе была далека от той, что Анхель Кастро видел в 1898 году. После окончания Испано–кубинской войны многие предприятия перешли под контроль американцев. Новые хозяева острова начали развивать на нем бурную деятельность, захватывая наиболее плодородные земли. Североамериканские плантаторы активно занимались вырубкой леса и использовали древесину в качестве горючего на сахароперерабатывающих заводах. В свою очередь на освобождающихся и весьма плодородных землях разбивались новые плантации сахарного тростника. Его промышленная переработка стала основным родом занятий американских деловых людей на Кубе.

Американцы внедряли на сахарных заводах передовые по тем временам технологии, что приводило к сокращению рабочих мест. К тому же массовый поток бедствующих эмигрантов, которые прибывали на Кубу из Европы, из Гаити, с Антильских островов и Ямайки в поисках счастья, сокращал возможности трудоустройства.

К счастью, Анхель Кастро быстро сориентировался в ситуации. Он отправился в один из самых бедных и еще относительно не освоенных для сельского хозяйства районов Кубы, в провинцию Ориенте. У него не было ни денег, ни связей, ни образования, но было огромное желание вырваться из нищеты. Первым местом работы Анхеля Кастро стали шахты Пануто и Дайкири. Он не спускался в забой, а устроился ночным сторожем. Ему потребовалось немного времени, чтобы понять – на Кубе можно выбраться из нищеты, только если иметь отношение к «земле и сахару». Но все плодородные тростниковые земли были скуплены или стремительно скупались новыми хозяевами. А у Анхеля Кастро не было накоплений, позволявших пустить их в оборот. Ему удалось устроиться рабочим на сахарный завод – небольшое подразделение американской фирмы «Юнайтед фрут компани», которой к тому времени принадлежала уже четверть (!) обрабатываемых земель острова. (С годами эта компания стала самой крупной американской монополией на Кубе.) Освоившись, Кастро попал в артель рабочих, строивших транспортную ветку, по которой срубленный тростник доставлялся на завод. Таким образом, шаг за шагом, отец Фиделя получил возможность на практике изучить все стадии сахарного производства.

В артели Анхель Кастро вскоре стал неформальным лидером. Как и все галисийские эмигранты, он был скромным и трудолюбивым. Его отличали большая сила воли и жесткий характер. Экономя на еде и отказывая себе в малейших удовольствиях, Анхель Кастро на паях со

своим товарищем, таким же галисийским эмигрантом, открыл небольшую закусочную для рабочих. На вырученные деньги купил несколько быков. Парнокопытные на Кубе были в то время основным транспортным средством. Они перевозили сахарный тростник с плантаций на заводы по производству сахара.

Теперь Кастро–старший мог перейти в совершенно другую категорию – в подрядчики по выполнению транспортных работ для сахарозаводчиков. Он сколотил свою группу рабочих, которые начали выполнять подряды по контракту с той самой американской фирмой, на заводе которой он начинал свою «сахарную» карьеру. Эта артель занималась вырубкой леса, чтобы на освобожденных площадях выращивать тростник, а также заготовливала древесину для заводов по его переработке. За короткое время бригада Анхеля Кастро увеличилась до 300 человек. На его предприятии работали в основном эмигранты: испанцы, выходцы из Гаити, Антильских островов и Ямайки. Позже самых трудолюбивых из них дон Анхель возьмет к себе на работу в усадьбу в Биране, и их чернокожие дети станут первыми друзьями Фиделя.

Поднакопив денег, Анхель Кастро наконец–то мог приступить к реализации своей давней мечты – обзавестись земельными угодьями. Ему удалось приобрести 900 гектаров земли в провинции Ориенте, а также арендовать два соседних участка земли – несколько тысяч гектаров – у двух отставных кубинских генералов, принимавших участие в последней колониальной войне. Плата за подобные участки в то время, как правило, составляла не больше пяти процентов от реализации продукции, которая выращивалась на них.

Таким образом, Анхель Кастро поднялся еще на одну ступеньку социальной лестницы. Теперь он попал в разряд «колона» – землевладельца, который выращивал на арендованных землях сахарный тростник.

Он приобрел усадьбу, на Кубе именуемую «финка», – поместье «Манакас». До его продажи оно не было объектом повышенного спроса, так как значительную его часть составляли не плантации тростника, а деревья, которые еще предстояло вырубить. Но теперь дону Анхелю вырубка представлялась пустяком. Тростник на этих землях начал давать такие обильные урожаи, что соседние сахарные заводы, до этого временами простаивавшие из–за недостатка сырья, наконец–то стали работать на полную мощность. А в целом количество сахарного тростника, получаемого с земель, принадлежавших Кастро, составляло от 75 до 80 тонн ежегодно, что являлось весьма внушительным показателем.

«В усадьбе основной культурой был сахарный тростник, а вторым по важности было животноводство, потом уже шли другие культуры, – рассказывал Фидель Кастро известному бразильскому теологу и философу Фрею Бетто. – Там выращивали бананы, корнеплоды, были маленькие поля зерновых, кое–каких овощей, аллеи кокосовых пальм, разных фруктовых деревьев и цитрусовых, к дому прилегало десять–двенадцать гектаров цитрусовых деревьев. Затем – поля сахарного тростника, подходившие к железнодорожной ветке, по которой тростник перевозили на сахарный завод»¹².

Уже значительно позже, в зрелом возрасте, словно чувствуя свою вину перед природой, Кастро–старший будет засаживать свою землю кедром. Любопытно, что первая книга о детстве и юношестве Фиделя Кастро вышла лишь в 2003 году к столетию со дня рождения его матери Лины Рус. В том, что такая книга крайне необходима, Фиделя Кастро убедил его друг – нобелевский лауреат Габриель Гарсиа Маркес. Эту идею он озвучил, когда приезжал в родное имение Фиделя на Кубу в 1996 году по случаю 70–летия команданте. Большой литературный труд почти в 500 страниц написала известная кубинская журналистка Катюшка Бланко, которая получила редкую возможность ознакомиться с десятками уникальных фото-

¹² Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. М., 1995. С. 466.

графий из семейного архива Кастро. Примечательно, что свое произведение Бланко назвала «Во времена кедров».

Впрочем, не «Манакас», а другому поместью «Сабаниль-яс» в Биране суждено было стать «родовым гнездом» Фиделя. Это место, в отличие от других угодий дона Анхеля, было более живописным. Помимо хвойных пород, там высаживались кокосовые и апельсиновые деревья, что являлось исключительным случаем и неким элементом роскоши, учитывая тотальную «сахаризацию» острова.

Именно в «Сабанильяс», в весьма необычном для Кубы галисийском стиле, был построен дом, в котором 13 августа 1926 года родился будущий лидер кубинской революции. Дом этот настолько необычен, что о нем нельзя не рассказать поподробнее. Во-первых, он стоял на сваях, которые делались из очень твердого дерева, на эти сваи стелили пол. Все потому, что в Галисии зимой крестьяне держали домашнюю птицу, скот под домом в своеобразных загонах. Но в тропических условиях Кубы не это обстоятельство повлияло на выбор дона Анхеля. Участок земли, на котором он поселился с семьей, был под уклоном, а дом, построенный на сваях, позволял не выравнивать местность при закладке фундамента. Кроме того, такая конструкция позволяла расширять жилище семьи без ущерба для планировки, при помощи мансард и дополнительных помещений. Так, с годами, в некогда квадратном доме появились несколько дополнительных комнат, а в одну из пристроек была перенесена кухня. В этом «галисийском доме» была даже отдельная «лекарственная комната», в которой размещались полки с медикаментами. Над главным, квадратным, домом был еще один этаж, который называли башней, там спали дети.

В конечном итоге под домом на сваях образовалось довольно большое пространство, которое дон Анхель оборудовал под коровник. Фидель вспоминал, что туда вечерами отец загонял по 20—30 коров. (Дом в Биране сгорел в 1954 году и был восстановлен по фотографиям и воспоминаниям четверть века спустя.)

«...Метрах в шестидесяти от дома и недалеко от пекарни стояла начальная школа, маленькая общественная школа, у главной дороги – так называли земляную грязную дорогу, которая соединяла центр муниципии с усадьбой и шла дальше на юг, – за большим развесистым деревом помещалась лавка, наш торговый центр, который тоже принадлежал нашей семье, а напротив лавки были почта и телеграф. Это были основные постройки»¹³, – описывал свое «родовое гнездо» Фидель Кастро.

К тому моменту, когда родился Фидель, Анхель Кастро Архиз, разменявший шестой десяток, владел 10 тысячами гектаров земли (в том числе арендованной), став крупным латифундистом. Пастбища в Биране считались одними из самых лучших в провинции Ориенте. Это позволило отцу Фиделя развести около трех тысяч голов крупного рогатого скота, в то время как его соседи использовали свои земли только для культивирования тростника и размещения сахарных заводов.

Будучи неграмотным, дон Анхель прилагал большие усилия, чтобы научиться всему. Именно у отца будущий революционер перенял способность идти вперед к осуществлению своей мечты, невзирая ни на какие трудности. Начав заниматься чем-то новым, Анхель Кастро полученную прибыль тут же откладывал для будущего дела. Поступательно двигался по социальной лестнице, при этом не позволяя себе послаблений.

В Биране проживало около тысячи человек, большинство из которых составляли выходцы из бедных латиноамериканских стран. Главным их развлечением, которое хоть как-то скрашивало беспросветное бытие, были петушинные бои, проводившиеся в Биране по воскресеньям, на Рождество и во время новогодних праздников. «В эти праздничные дни там собирались любители петушинных боев, некоторые приносили своих петухов, другие про-

¹³ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466.

сто делали ставки, – вспоминал Фидель. – Многие бедняки теряли там все свои скромные средства, если проигрывали, а если выигрывали, то немедленно спускали все без остатка, пропивали, проматывали»¹⁴.

Состояние позволило дону Анхелю построить не только дом в галисийском стиле, но и, как принято сейчас говорить, сопутствующую инфраструктуру: молочный заводик, мастерскую, скотобойню, свою хлебопекарню. Фактически весь поселок, носящий название Бيران, за исключением маленькой начальной школы и почты, которые были государственными, находился в собственности дона Анхеля Кастро. Вполне естественно, что отец Фиделя пользовался там непререкаемым авторитетом и был самым уважаемым человеком. Впоследствии многие из тех, кто анализировал жизнь главнокомандующего, поражались метаморфозе – как сын крупного сельскохозяйственного буржуа стал самым главным революционером на Кубе.

В 2005 году на конференции «Диалог цивилизаций» в Гаване, куда было приглашено много российских гостей, Фидель Кастро произнес многочасовую речь, в которой сообщил немало интересных подробностей из своей жизни. В частности, он сказал: «...Когда Карл Маркс говорил, что частная собственность существует только при условии, что ее нет у девяти десятых населения, я мог это понять, поскольку родился в месте, где моему отцу принадлежало всё»¹⁵.

При этом Анхель Кастро никогда не отказывал в помощи людям, которые обращались к нему. Особенно это касалось рабочих с принадлежавших североамериканцам предприятий и ферм, располагавшихся рядом с его усадьбой. Эти люди трудились в значительно более тяжелых условиях, чем рабочие у Кастро. Он принимал на работу эмигрантов, которым отказывали в трудоустройстве другие землевладельцы. Помня о своем тяжелом прошлом, давал участки земли в Биране беднейшим семьям, чтобы те могли прокормить себя. Поэтому кощунственными выглядят воспоминания внебрачной дочери Фиделя Алины Фернандес, плода его связи с Нати Ревуэльта в 1950–е годы, которая явно решила привлечь интерес к своей персоне. В своей книге Алина Фернандес, в 1993 году бежавшая с Кубы в Испанию, а затем в США, представляет своего дедушку, дона Анхеля, чуть ли не сатрапом, всячески унижавшим наемных рабочих.

В отличие от матери Фиделя дон Анхель не был религиозным человеком. По крайней мере, Фидель не помнит, чтобы его отец как–то проявлял свою религиозность. «Можно сказать, что этого почти не было, – вспоминал Фидель. – Я не мог бы даже ответить на вопрос, был ли он на самом деле верующим. Моя мать – да, помню, она была очень религиозной, и моя бабушка тоже»¹⁶.

Мать Фиделя, крестьянка Лина Рус Гонсалес, была моложе дона Анхеля на 28 лет и работала кухаркой в его поместье. Она стала его второй женой. Первой его супругой была Мария Луиса Арготе Рейес. Она родила ему пятерых детей, из которых в живых осталось только двое – Лидия и Педро Эмилио. С ними дети от второго брака дона Анхеля, по признанию самого Фиделя, «хорошо ладили». Именно с Лидией, а не с родными братьями и сестрами он постоянно переписывался, когда находился в тюрьме после неудачного штурма казармы Монкада.

Ситуация с младенческой смертностью в те годы на Кубе была просто катастрофической, и вовсе не случайно одними из первых шагов Фиделя Кастро по приходу к власти станет борьба с неграмотностью и детской смертностью.

¹⁴ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466.

¹⁵ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

¹⁶ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 89.

Полное имя команданте включает в себя фамилию отца и девичью фамилию матери и на самом деле звучит – Фидель Алехандро Кастро Рус, а не Фидель Кастро Рус, как его часто представляют официально. Второе, «дополнительное», имя – Алехандро, которое он добавил себе сам, является знаковым для Фиделя. Это был его псевдоним в 1950–е годы во время революционной борьбы. Кастро восхищался Александром Македонским, который, из иностранцев, наряду с Линкольном, является его любимым историческим персонажем. Примечательно, что имена всех пяти сыновей Фиделя от последнего, не афишируемого, брака начинаются также на «А».

Лина Рус была кубинкой, родилась на западе острова, в провинции Пинар–дель–Рио в семье бедных крестьян. Ее отец возил сахарный тростник на буйволах. В самом начале XX века он со своей женой, дочкой и двумя сыновьями – также возчиками тростника переехал в провинцию Ориенте, где и обосновался. И мама Фиделя, и его бабушка по материнской линии были очень набожными. Фидель вспоминал, как после победы революции, в 1959 году, приезжал в Биран их проведать. «Обе были дома, – рассказывал Фидель Кастро. – Бабушка болела, и комната была полна изображений святых, обвешанных дарами (речь, по всей видимости, идет о традиционных на Кубе оберегах и талисманах. – М. М.). Весь этот период борьбы, больших опасностей и моя мать, и моя бабушка давали самые разнообразные обеты, молясь за нашу (с Раулем. – М. М.) безопасность, и тот факт, что мы прошли через эту борьбу и остались в живых, несомненно должен был укрепить их веру. Я очень уважал их верования, они рассказывали мне о своих обетах, о их глубокой вере, все это было уже после победы революции, в 1959 году, и я всегда слушал их с большим интересом, с большим уважением. Хотя мое мировоззрение было иным, я никогда в жизни не спорил с ними на эти темы, потому что видел, какой опорой служили им религиозные чувства и вера, какие духовные силы, какое утешение они давали. Конечно, это была не строгая догматическая вера, а вера, им свойственная, семейная, традиционная, очень прочувствованная и глубокая, такими были их чувства»¹⁷.

Анхель Кастро уважал своего тестя и предложил ему переехать в новое, только построенное жилое здание в усадьбе в Биране. Бабушка нянчила грудного Фиделя.

Первый брак Анхеля Кастро дал трещину во многом из–за того, что его супруга сильно болела и категорически не хотела переезжать из местечка Гуаро в Биран, где Анхель Кастро затеял строительство новой усадьбы. В результате каждый день Кастро–старший, рискуя жизнью, так как это место пользовалось дурной славой из–за разбойников, был вынужден преодолевать на повозке 40 километров по разбитой дороге из Гуаро в Биран и обратно¹⁸.

Переезд Марии Луисы с двумя детьми еще дальше от Би–рана, в Сантьяго–де–Куба, способствовал окончательному разрыву отношений между супругами. Они уже давно не жили вместе, но первая жена дона Анхеля не давала ему развода, хотя Кастро–старший уже стал жить с Линой Рус Гонсалес. У дона Анхеля и Лины Рус родилось семеро детей: Анхела, Рамон, Фидель, Рауль, Хуанита, Эмма и Агустина. Хуанита не приняла революцию и в 1964 году эмигрировала в США, в Майами, где живут большинство выходцев из Кубы. После ее отъезда Фидель разорвал с сестрой всякие отношения.

Пять первых детей, в том числе Фидель – третий и Рауль – четвертый, родились, когда отношения дона Анхеля и Лины Рус не были скреплены узами брака, и считались незаконнорожденными. По этой причине церковь долгое время не хотела крестить Фиделя. Это произошло только в январе 1935 года. Священник принял во внимание, что и Лина Рус, и ее родители были очень набожными людьми.

¹⁷ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 98–99.

¹⁸ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 10.

Родители Фиделя Кастро вели довольно замкнутый образ жизни, отличавшийся от того уклада, который был свойствен представителям богатых сословий. Они почти никогда не ходили в гости и очень редко принимали гостей у себя дома. Все время работали по хозяйству. Напротив, дети дон Анхеля и Лины Рус часто общались с окружающими. Родители никогда не говорили им: «Дружи с тем, не дружи с этим». Фидель общался и с детьми гаитян, и с детьми креолов. Его главное воспоминание о детстве – чувство свободы, когда он мог делать все, что ему заблагорассудится. Мудрые родители предоставляли Фиделю много возможностей для саморазвития. При этом его воспитание не было пущено на самотек.

Фидель не любил говорить о знакомстве его отца и матери. Известно, что дон Анхель встретил свою будущую жену, молодую крестьянку, недалеко от имения, когда искал свою пропавшую лошадь. Лина Рус была неграмотна и, как отец Фиделя, научилась грамоте самостоятельно. Именно она привила маленькому Фиделю любовь к чтению. Лина, как настоящая мать и хозяйка, следила не только за тем, чтобы ее дети были одеты и накормлены, но и чтобы они получили достойное образование. Она была трудолюбива, прекрасно готовила, хорошо разбиралась в народной медицине. Соседи удивлялись, откуда у такой маленькой женщины столько энергии, как она успевает работать по дому, ухаживать за мужем и воспитывать детей. Лина Рус была довольно строгой, требовала от детей соблюдения порядка, дисциплины и гигиены.

В те годы на острове свирепствовали инфекционные болезни, самой распространенной и опасной была желтая лихорадка. Возбудитель ее, к слову, был открыт кубинским врачом в конце XIX века. Лина Рус боялась, как бы ее дети не заразились от детей бедняков. Нередко по возвращении домой ее отпрыски получали не только «дежурный, но мягкий подзатыльник», но и порцию народных средств, с тем чтобы промыть желудок. На одном из снимков из архива семьи Кастро Лина Рус, в очках, с весьма суровым видом держит в руках винтовку. Говорят, что, когда дети не слушались ее и запаздывали вернуться домой, выстрел «доброты мамы Лины» служил им сигналом для возвращения в усадьбу.

Лина Рус, несмотря на малообразованность и хрупкость, олицетворяла собой народную мудрость и основательность. Она молилась по четкам, повторяя «Аве Мария» и «Отче наш». Дом Кастро был полон изображений Пречистой Девы Милосердной, покровительницы Кубы, Иисуса Христа, святого Иосифа, других святых католической церкви. Молилась «истово, каждый день, всегда зажигая свечи перед Пречистой Девой». «Она просила их, – вспоминал Фидель Кастро, – молила при всех обстоятельствах, давала обеты, когда в семье кто-то заболел. В каждом трудном случае, и не только, давала обеты, но и выполняла их. Таким обетом могло быть, скажем, посетить храм Пречистой Девы Милосердной и поставить свечу, передать для кого-то определенную помощь, это бывало очень часто»¹⁹.

До того как ее дети, ставшие во главе новой Кубы, объяснили ей истинный смысл своей борьбы, Лина Рус считала революционеров и коммунистов чем-то вроде «нечистой силы». В своей книге «Гавана—Москва. Памятные годы» бывший посол СССР на Кубе Виталий Воротников вспоминает рассказ Рауля Кастро о материнском восприятии революции: «В одну из встреч Рауль, убеждая ее фактами наступивших на Кубе преобразований, улучшающих жизнь простых людей, что она воспринимала с одобрением, сказал, что это и есть реализация идей равенства, свободы, справедливости, проповедуемых коммунистами. И когда Рауль исчерпал все доводы, убеждая ее в обратном, то спросил: „Мама, как ты считаешь, я похож на тот образ, о котором вам прожужжали уши?“ Она ответила – ну что ты говоришь, сын? „Так вот, я и есть настоящий коммунист!“ Мама была в шоке, смеясь, закончил Рауль»²⁰.

¹⁹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 89.

²⁰ Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 57.

Для кубинцев не представляет никакого секрета то, о чем они боятся сказать вслух, – о связи Фиделя с религией сантерия – смесью католичества и африканских верований. На Кубе уже давно ходит легенда о том, что в детстве тяжелобольного Фиделя спасли местные колдуны – сантеро, последователи языческой веры, которую завезли на Карибы их африканские предки. Дескать, они попросили защиты для Кастро у бога войны Аягуна, который и взял будущего вождя Кубы под свое покровительство²¹. О «заговоренности» Фиделя речь пойдет в других главах. Но информация о том, что он действительно был «заговорен» в детстве, в возрасте шести лет, когда медики, разведя руками, отказались его лечить, повторяется в различных интерпретациях в нескольких источниках.

Действительно, несколько человек, те, кто покушался на Фиделя и уже держал его на мушке, по необъяснимым причинам отказывались от своих планов убить команданте едва ли не в самый последний миг. Одному из них, который собирался выстрелить в него с расстояния полуметра, Фидель усмехнулся в лицо, после чего развернулся и спокойно пошел в другую сторону. (Даже друг Фиделя Кастро легендарный Габриель Гарсиа Маркес однажды обронил фразу по поводу «заговоренности» Фиделя: «Существует какой-то особый фактор, ускользающий от компьютеров ЦРУ. Возможно, здесь существует какая-то карибская магия». Но, повторимся, покушения на Фиделя и его «заговоренность» – темы отдельных глав, в которых читатель найдет немало любопытных фактов.)

Анхель Кастро Архиз умер 21 октября 1956 года, через два месяца после того, как Фиделю исполнилось 30 лет. Ан-хель Кастро внимательно следил за гражданской войной в Испании в 1936 году, однако идеи испанских республиканцев не поддерживал. Он был сторонником испанского диктатора Франко.

В 1930–е годы у дона Анхеля возникло новое политическое увлечение, вызывавшее раздражение у супруги. Он приводил в дом собеседников и спорил с ними до хрипоты на глазах маленьких детей о сути мирового устройства и особенно о событиях на его родине, в Испании. Мало того, что это сказывалось на экономике его хозяйства, которому глава семьи теперь уделял меньше внимания, страдал семейный бюджет. В дом Кастро зачастили разного рода проходимцы, журналисты, которые пытались выбить у дона Анхеля деньги на липовые политические кампании или заказные статьи. Они знали, что у прямого и открытого дона Анхеля, который с пол-оборота заводился на разговоры о политике и уж тем более о родной Испании, при удачном стечении обстоятельств можно попросить энную сумму песо. Без возврата. Будь то на выборы или на абстрактную «политическую деятельность». На выборы отец Фиделя «отстегивал» действительно большие по тем временам суммы. К тому же политики пользовались тем, что дону Анхелю не составляло труда убедить сотни рабочих, трудившихся у него в усадьбе, проголосовать за нужного кандидата.

Фидель Кастро чтит своего отца, считал его очень умным, предприимчивым человеком. Но утверждать, что Фидель находился под отцовским влиянием, было бы не совсем верно. По мере того как Фидель вырос, он уходил из-под опеки семьи. Его соратники вспоминали, что, получив в эмиграции известие о смерти отца, Фидель тяжело вздохнул и сказал: «Ну что ж! Мы не имеем права на слезы!» И это в тот момент, когда расплакались многие из товарищей Кастро, лично знавшие дона Анхеля и переписывавшиеся с ним.

Дон Анхель услышал знаменитую речь Фиделя «История меня оправдает», писал ему письма в тюрьму, дождался его триумфального выхода из ее застенков, но до победы кубинской революции, к сожалению, не дожил.

Впрочем, неизвестно, какой была бы реакция отца на то, что свершили его сыновья Фидель и Рауль, придя к власти:

²¹ Фиделя Кастро пытались убить 638 раз // Комсомольская правда. 2006. 9 августа.

Фидель Кастро издал декрет о передаче народу земли, и в первую очередь – угодий, которые его отец нажил буквально потом и кровью. Когда революция победила, он, выступая на телевидении, заявил, что является сыном землевладельца, эксплуататора. В результате мать Фиделя, его брат Рамон, а также сестры Анхела и Агустина были вынуждены спешно уехать из Бирана. А Хуанита и вовсе покинула страну.

Фидель Кастро родился 13 августа, под самым «властным» астрологическим знаком – в созвездии Льва. Людей, родившихся под этим знаком, отличают упорство, мужество, целеустремленность, уверенность в собственной правоте.

Здесь уместно сделать небольшое отступление. В ходе работы над этой книгой ее автор получил возможность ознакомиться с личными записями легендарного советского разведчика и дипломата, посла СССР на Кубе с 1962 по 1968 год Александра Ивановича Алексева (Шитова). Именно этому человеку, у которого установились теплые товарищеские отношения с Фиделем Кастро с 1959 года, принадлежит заслуга в установлении и развитии дружественных отношений между Кубой и СССР. Об этом речь идет в восьмой и девятой главах этой книги. В записях А. И. Алексева я нашел удивительную и сенсационную деталь – признание посла в том, как ему удалось изменить дату рождения Кастро, под которой его знает сегодня весь мир: «При определении в начальную школу–интернат, когда Фиделю только исполнилось 5 лет, родители приписали ему лишний год, поскольку в школу принимались дети с 6–летнего возраста. Так появилась новая дата рождения – 13 августа 1926 года вместо 13 августа 1927 года, „состарив“ Фиделя на один год. Она стала переходить из документа в документ.

Мы в некоторой степени повинны в том, что способствовали утверждению этой даты. Впервые в официальной биографии Фиделя, опубликованной в советских газетах 28 апреля 1963 года по случаю его визита в Советский Союз, была названа дата его рождения: 13 августа 1926 года. Биография была подготовлена корреспондентом ТАСС Н.Чигирем и мной. Нам было известно о двух существующих версиях года рождения Фиделя. Так, в вышедшей в 1959 году книге писателя Г. Родригеса Морехона «Биография Ф. Кастро» утверждалось со ссылкой на церковную запись, сделанную при крещении, что Фидель родился 13 августа 1927 года.

При согласовании с Фиделем подготовленной нами биографии он проявил какую–то неуверенность и колебался точно назвать год своего рождения. Он начал вспоминать об одном из своих двоюродных братьев, который родился с ним в один год, и выходило, что вроде бы это было в 1927 году. Но, поскольку во всех документах, которыми пользовался Фидель, фигурировал 1926 год, как год его рождения, Фидель попросил оставить его и в подготовленной нами биографии для советских газет. Так утвердилась эта дата не только в Советском Союзе, но и во всех социалистических странах, и таким образом стала общепризнанной.

Фидель в молодости не обращал никакого внимания на возникшее недоразумение, так как никогда не отмечал своего дня рождения. Но вот после революции его положение изменилось. И когда в августе 1959 года возник вопрос о том, чтобы отметить предстоящий день его рождения в прессе, Фидель категорически запретил это делать, сказав, что день рождения – событие семейного характера и недопустимо использовать его публично для восхваления юбиляра. Надо учесть, что в 1959 году подавляющее большинство газет находилось в руках буржуазии, и Фидель понимал, что комплименты в его адрес от противников революции могут ввести в заблуждение массы трудящихся»²². А. И. Алексеев также отмечал, что после победы революции кубинская пресса не отметила ни одного дня рождения Фиделя Кастро, в том числе и пятидесятилетия.

²² Из личных записей А. И. Алексева.

Не менее интересна история, рассказанная самим Фиделем Кастро бразильскому священнику брату Бетто о том, как его крестили. Фидель признался, что до этого момента у него... вообще не было имени.

В те годы крещение было очень важной церемонией на Кубе. На острове на фоне высокой детской смертности была крайне низкой продолжительность жизни кубинцев в сельской местности. Поэтому тогда почти в каждой крестьянской семье считали, что крестный – это второй отец ребенка, который поможет ему, если родной отец умрет. И в качестве крестника детям подыскивали не только близких и надежных, но и обеспеченных людей. Причем нередко давая детям имена таких людей. Вот и для Фиделя подыскивали в качестве крестного друга его отца, миллионера. Тогда миллион был действительно миллионом – дневной заработок кубинского рабочего был меньше доллара. Этого человека звали Фидель. И именно это имя решили дать мальчику в честь «богатого дяди».

Но долгое время его не могли окрестить. Во-первых, второй сын донна Анхеля был незаконнорожденным. Во-вторых, в Биране не было церкви и священник приезжал туда по большим праздникам. Как правило, на Рождество, которое, как известно, как день рождения, отмечается один раз в год. В результате долгое время мальчик был не только некрещеным, но и человеком без имени. «Никак не получалось, чтобы тот богач и священник приехали в Биран одновременно, и в результате, в ожидании этого события, я жил некрещеным, и, помню, меня называли евреем – „худио“. Говорили: „Это еврей“. Мне было четыре–пять лет, и меня порицали, говоря, что я еврей. Я не знал, что такое еврей, но несомненно, мне говорили это в укор, было вроде как стыдно жить некрещеным, хотя я тут был совсем не виноват»²³, – рассказывал Фидель Кастро. В итоге среди всех братьев и сестер его окрестили самым последним. Это произошло, когда Фидель уже уехал из Бирана в Сантьяго–де–Куба.

Любопытно, что имя Фидель на испанском языке перекликается с двумя ключевыми понятиями: «фе» – вера и «фиделидад» – верность. «Одни верят в Бога, у других – иная вера, но я всегда был человеком, полным веры, доверия, оптимизма»²⁴, – говорил Фидель Кастро брату Бетто.

Судьба приготовила Фиделю Кастро первое испытание, когда ему еще не было и четырех лет. Впоследствии десятки раз он будет оставаться один на один с самыми тяжелыми обстоятельствами, не тушуясь и помня об уроках, полученных в детстве. Родители, которые весь день были заняты работой в усадьбе, отдали Фиделя, Рамона и Анхел в общественную школу Бирана, куда ходили 15—20 детей. Среди учащихся они оказались единственными выходцами из обеспеченной семьи. Другие школьники были детьми бедняков. Конечно, никому и в голову не приходило обижать сына крупного землевладельца и авторитетнейшего человека в округе. Наоборот, дети понимали, что Фиделю, самому маленькому из учеников, приходилось тяжелее всех. Фиделя посадили за первую парту, и он внимательно слушал и запоминал все, что говорила учительница Эуфросия Фелию. Он во всем брал пример со своих старших товарищей, но и не стеснялся заявлять о себе при случае. Эуфросия Фелию часто приходила к Кастро домой, обедала вместе с семьей и хвалила Фиделя. Спустя всего несколько месяцев, благодаря прилежанию и упорству, он стал одним из лучших учеников в классе.

В школе были строгие порядки. Детей часто наказывали за провинность, а злостных нарушителей дисциплины даже ставили на колени, предварительно насыпав на пол зерна кукурузы. Уже в раннем возрасте у Фиделя проявилось обостренное чувство справедливости. Он решительно протестовал, когда учителя чересчур строго наказывали детей из бедных семей, а ему делали поблажки.

²³ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 100.

²⁴ Там же. С. 95.

Несмотря на то, что Фидель был младше одноклассников, он ничуть не уступал им в выносливости и физической силе. В свободное от учебы и детских забав время Фидель любил играть с четырьмя своими собаками. Любопытно, что одну из них звали Наполеоном.

Уже в детстве Фидель проявлял интерес к военным сражениям. Когда ему было девять лет, он заинтересовался войной в Эфиопии, которую развязали там итальянцы, позже – войной в Испании. Фиделя очень притягивали личности Наполеона и Александра Македонского. В общем, как и многим мальчишкам, ему нравились удачливые полководцы.

Когда Фиделю было 13 лет, он присоединился к небольшому стихийному бунту, который подняли в Биране бедняки. Известный французский публицист и главный редактор журнала «Монд дипломатик» Игнасио Рамонет на основе бесед с Кастро в 2004—2005 годах написал книгу «Сто часов с Фиделем». Он спросил у команданте: «Выходит, что в свое время вы восстали против отца, так как он был сторонником капиталистических ценностей?» Кастро пояснил: «Я не восставал против отца. Это было трудно сделать, так как мой отец был очень добрым и сердечным человеком. Я восстал против власти». «Вы не выносили власть?» – «Чувство неприязни власти появилось, когда мне было шесть–семь лет»²⁵, – сказал Фидель.

Отвечая на вопрос Рамонета, что еще повлияло на формирование его личности в детстве, Фидель сделал одно весьма важное признание: «Мне повезло, что я был сыном землевладельца, а не его внуком. В противном случае, я бы уже родился в аристократической семье, где бы меня окружала атмосфера сытости, достатка и благополучия. А я вырос в обстановке, когда меня окружали представители бедноты, моими друзьями были дети из малообеспеченных семей, по линии матери все родственники были так же бедными, как и родственники отца, приехавшие к нам из Галисии. Наверное, на меня особенно повлияло то, что народ, окружавший меня в детстве, был беден и обездолен. Я вспоминаю неграмотных и безработных людей, которые стояли в очередях, чтобы устроиться на работу. И никто не предлагал им ни воды, ни еды. ... У многих из них не было даже обуви. Друзья, с которыми я в детстве играл в Биране, в основном были босоногой голытьбой. С ними я всегда делился едой, которую мне давали в доме. Мы вместе бегали на речку, катались на лошади, баловались, кидались камнями, охотились на птиц»²⁶.

«Я учился в религиозных школах. Так что я не родился в пролетарской колыбели, – рассказывал Фидель участникам конференции „Диалог цивилизаций“ в Гаване в 2005 году. – Если бы я не был сыном землевладельца, я не смог бы учиться, а если бы не смог учиться, тогда у меня не было бы убеждений, у меня не было бы дела, которое надо защищать. Я должен быть благодарен тому обстоятельству, что смог чему–то научиться, не быть политическим неграмотным. Свою политическую неграмотность я ликвидировал сам, потому что научился иметь идеи. Хотя нет, не так – потому что я был сыном, а не внуком землевладельца; мне не довелось вести буржуазную жизнь в аристократическом районе, где из меня сделали бы самого ярого реакционера из всех, когда–либо существовавших в этой стране, поскольку в том или ином направлении я бы не остановился на полпути»²⁷.

В шесть лет, по инициативе той самой учительницы Эуф–росии Фелию, которая приходила обедать в семью Кастро, Фиделя отправили учиться в Сантьяго–де–Куба. Ее отчий дом был в Сантьяго, а на время учебного года она переезжала в Биран. Она убедила родителей Кастро, что умный и смысленый мальчик, поражавший взрослых феноменальной памя-

²⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 76.

²⁶ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 78.

²⁷ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

тью, непременно должен развиваться. Учительницу поддержала мать, донья Лина, которая страстно желала дать своим детям достойное образование.

Обучение в начальной школе, которая больше напоминала «продвинутый детский сад», закончилось. На семейном совете было принято решение отправить в Сантьяго–де–Куба не только Фиделя, но и дочь Анхел. На содержание каждого из детей дон Анхель выделял по 40 песо в месяц. Позже к ним присоединился Рамон, и теперь отец выделял семье учительницы на пропитание и проживание детей уже 120 песо, что примерно соответствует, по словам самого Кастро, трем тысячам долларов в нынешнем эквиваленте²⁸.

И сам город (раньше Фидель никогда не выезжал за пределы Бирана), и нравы, царящие в нем, потрясли маленького мальчика. «Меня вырвали из моего мирка, где я жил без всяких материальных забот, и отвезли в город, где начались лишения и голод», – вспоминал об этом периоде детства Фидель Кастро²⁹.

В то время на Кубе были частыми ночные облавы, которые проводила полиция в поисках активистов из числа студентов и профсоюзных деятелей. Однажды в Сантьяго–де–Куба Фидель стал свидетелем жестокого избиения патрулем военных моряков группы студентов³⁰.

Поселились Фидель и Анхел у своей учительницы. Она жила вместе с вдовцом–отцом, имевшим гаитянские корни, и двумя сестрами. Одна из ее сестер давала уроки игры на пианино, другая была врачом. Вскоре последняя умерла. Жили эти люди в деревянном доме, в бедном районе Тива–ли. Домик был маленький и обшарпанный. Потолки были в трещинах, и когда начинался дождь, по словам Фиделя, «все ходили мокрыми, и воды было гораздо больше внутри дома, чем на улице». В доме было проведено электричество, но семья из–за недостатка средств была вынуждена использовать керосинки. «Было понятно, что в такой бедности, когда они (другие члены семьи. – М. М.) не получали жалованья и старались экономить, на еду оставалось очень мало. Нас там питалось пять человек, а позже шесть, потому что через несколько месяцев приехал мой брат Рамон... На каждого приходилось по горстке риса, фасоли, бататов, бананов и тому подобного. В середине дня покупали обед в судках, которого должно было хватить сначала пятерым, а потом шестерым, на утро и вечер. Тогда я думал, что у меня слишком большой аппетит, еда казалась мне замечательной, а на самом деле я был просто голоден. Да, мне пришлось нелегко»³¹, – вспоминал Фидель Кастро.

Правда, не все было так плохо. С балкончика дома, который находился неподалеку от бухты Сантьяго, открывался живописный вид на море и на горы Сьерра–Маэстра. Поблизости на небольшой площади была лавка, где продавали «туррон» – лакомство, похожее на халву с орехами. На другой стороне площади находился большой красивый дом, когда–то принадлежавший местному богачу, арабу Иди. Впоследствии в этом доме разместилась школа, которую во время диктатуры президента Мачадо заняли военные. В память Фиделя врезалась сцена, когда солдаты избили ни в чем не повинного прохожего. Такие случаи были нередки³². К слову, режим Мачадо оказался одним из самых тиранических, какие только знала Куба за всю свою многострадальную историю. Мачадо сам лично «поправил» Конституцию страны, «разрешив себе» переизбрание на новый срок.

Итак, семья, где жил Фидель, была малообеспеченной, экономила на еде. Такие условия были непривычными для ребенка, привыкшего жить в достатке. К тому же в стране во время диктатуры Мачадо в 1931–1932 годах разразился тяжелейший экономический кризис. Впоследствии Фидель признавался, что «впустую потерял эти два года своей жизни».

²⁸ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 94.

²⁹ 1 Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 100–101.

³⁰ Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 14.

³¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 101.

³² Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 82.

Единственным полезным занятием в то время для него стало самостоятельное изучение таблиц умножения. Сестра учительницы заставляла Фиделя заучивать таблицы сложения, вычитания, умножения и деления, напечатанные на обложке тетради. Это была обычная зубрежка. «Я знал их наизусть, похоже, выучил так крепко, что больше никогда не забыл. Иногда я считаю почти так же быстро, как на компьютере»³³, – говорил Фидель Кастро.

Однажды в дом учительницы приехал навестить своих детей дон Анхель. Он ужаснулся, увидев детей нестриженными, неухоженными, и это несмотря на то, что родители выплачивали учительнице солидную сумму на их содержание. Оказалось, что учительница тратила эти деньги на личные нужды: на туристическую поездку в США, на новую мебель и пр. Все это вскрылось, когда Фидель с братом и сестрой приехали на каникулы в Биран.

Лучше бы Фидель не знал об этом. Поступок учительницы до глубины души потряс мальчика. Они с Рамоном решили отомстить ей. Залезли на крышу дома, соседствовавшего со школой, и в течение получаса бомбили камнями оцинкованную крышу над кабинетом, где преподавала Эуфросия Фелию. Кастро невозмутимо признавался, что «сила ударов была такова, что криков испуганной учительницы было практически не слышно»³⁴.

В итоге мать и отец были вынуждены на время забрать Фиделя домой, но позже он сам и «раскаившаяся» учительница все же настояли на том, чтобы вернуться в Сантьяго-де-Куба и продолжить учебу. Рамон остался в Биране, так как врачи обнаружили у него астму.

Тем временем на Кубе пала диктатура Мачадо. Временным президентом страны стал доктор Карлос Мануэль де Сеспедес-Кесада, почти полный однофамилец «отца кубинской нации» Мануэля де Сеспедеса. Однако 4 сентября 1933 года группа молодых солдат и офицеров под руководством сержанта Фульхенсио Батисты и при поддержке студенчества осуществила еще один переворот, который они называли «революцией», а в народе именовали «заговором сержантов». Отстранив от командования старших офицеров, они свергли президента Сеспедеса. На его место пришел Рамон Грау Сан-Мартин, профессор физиологии Гаванского университета.

Позднее доктор Грау стал основателем Кубинской революционной партии. Но Соединенные Штаты наотрез отказались признать нового президента и правительство, что, в свою очередь, повлекло экономическую катастрофу для Кубы. 80 процентов сахарного экспорта страны приходилось на долю северного соседа, а сахар был основой экономики острова. Уже в начале 1934 года «король кубинских переворотов» и будущий главный враг Фиделя Фульхенсио Батиста добился того, что доктор Грау ушел в отставку, апеллируя к тому, что, пока тот будет оставаться на своем посту, сахарный рынок США будет недоступен для кубинцев. В отличие от Грау новый президент, полковник Карлос Мендьета Монтефур, был сразу же признан американцами. Именно при нем была де-юре отменена поправка Платта. Но это была чистая формальность, так как американцы и без нее практически полностью контролировали все сферы жизнедеятельности острова.

Когда Фиделю Кастро исполнилось семь лет, его определили в первый класс салезианского колледжа «Братьев Ла Саль». (Салезианцы – католический монашеский орден, избравший своим покровителем святого Франциска Сальско-го, который жил в конце XVII – начале XVIII века. Целью ордена являются образование и воспитание детей. Салезианцы придерживаются принципа, что грех проще не допустить в сердце ребенка, чем его потом искоренять во взрослой жизни.)

Теперь Фидель жил в семье посла Гаити на Кубе, Луиса Ибберта. Рано утром он шел в школу, находившуюся в шести-семи кварталах от дома, затем возвращался, обедал и шел опять в школу учиться во вторую смену. Уже в первом классе Фидель постиг основы рели-

³³ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 108.

³⁴ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 95.

гии, катехизис. Несмотря на всю серьезность предметов, учиться Фиделю нравилось, так как он теперь общался с людьми, а не сидел один дома перед тетрадкой с арифметикой.

Консул Гаити женился на сестре Эуфросии Фелию, той, что преподавала игру на фортепиано. Их роман завязался на глазах мальчика, еще когда тот проживал в доме своей учительницы. Консул взял в свой дом всю семью молодой жены. Вместе с ними переехал туда и Фидель.

Именно гаитянский консул и его жена повели Фиделя крестить в собор Сантьяго–де–Куба, когда тому исполнилось восемь лет. Таким образом, получилась интересная ситуация. Крестным Фиделя «по имени» стал близкий друг дона Анхеля, один из местных богачей, Фидель Пино Сантос, а реальными крестными были консул и его жена. День святого Фиделя приходится на 24 апреля, а Фидель Кастро родился 13 августа, которое считается днем святого Ипполита. «Справедливый случай может помочь получить человеку подходящее имя. Это было единственное справедливое из всего, что я получил в тот период»³⁵, – говорил впоследствии Фидель Кастро.

Фидель Кастро был в колледже так называемым приходящим учеником – не жил в интернате, как большинство других детей. В новом доме Фидель встретил три Рождества. Он называл этот день «Праздником волхвов».

«По эту сторону Атлантического океана, как во многих других местах мира, дети с нетерпением ожидали каждого 6 января, собирая достаточно травы для верблюдов волхвов. Я сам в течение первых лет моей жизни тоже разделял эти ожидания, прося невозможного у богатых волхвов, будучи во власти тех же иллюзий, что и некоторые соотечественники, ожидающие чудес от нашей напористой и достойной революции»³⁶, – вспоминал спустя много лет Фидель Кастро.

Он полюбил музыку, которая целый день звучала в доме в исполнении его крестной, но играть на музыкальных инструментах из-за нехватки времени так и не научился, о чем позже сожалел, ведь на каждое Рождество ему дарили новый музыкальный инструмент, причем все время это были корнеты разных моделей. В доме консула его поселили в коридорчике, который выходил на задний двор. По ночам в Сантьяго часто гремели взрывы, и Фидель, тогда еще не знавший, по какой причине это происходит, боялся, что одна из бомб угодит во двор дома или залетит в окно.

Консул требовал от Фиделя беспрекословного послушания, при малейшей провинности наказывал подзатыльниками, грозясь отправить в интернат, где порядки были еще строже. От Фиделя всегда требовалось быть вежливым, говорить только по делу, нельзя было повышать голос. Маленький бунтарь нарочно нарушал дисциплину и провоцировал крестного. Однажды пришел домой и стал нарушать все правила: говорил громко, да еще «неположенные слова». Это был самый первый «мятеж» юного Фиделя Кастро. И он добился своего.

В итоге консул отправил Фиделя в интернат. «Для меня было огромным счастьем жить в интернате, каждый день ходить к морю и чувствовать себя свободным, удить рыбу, плавать, гулять, заниматься спортом, и то же по воскресеньям. Все это меня больше интересовало, больше увлекало»³⁷, – вспоминал Фидель.

Позже в интернат приехал его брат Рамон, а через пару лет и младший – Рауль. История его появления там необычна. В «Ла Саль» Рауль поступил, когда ему было четыре с половиной года. Он приехал туда с матерью, чтобы навестить старших братьев, и устроил истерику, не желая возвращаться в Биран, – так ему понравилось в школе. Мать вынуждена

³⁵ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 103.

³⁶ Дар волхвов. Из цикла статей «Размышления главнокомандующего». 2008. 14 января.

³⁷ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 113.

была пойти навстречу младшему сыну. Его поселили в четырехместной комнате вместе с Рамоном, Фиделем, а также с сыном директора одной иностранной компании. Обычно над Раулем подшучивали другие ученики, и на первых порах за него заступался Рамон, который был старше всех.

Однажды, когда ребята вернулись на каникулы в Биран, Фидель попросил разрешения у родителей «быть ответственным за Рауля» в колледже. Получив отцовское согласие, Фидель стал своеобразным куратором младшего брата.

Помимо гуманитарных наук, к которым с раннего детства тяготел будущий команданте, Фидель проявил большой интерес к спорту. Именно спорт, а не музыка и танцы, стал главным увлечением Кастро в свободное время. В этом отношении он был «нетипичным кубинцем», который может провести день, танцуя и веселясь. Больше всего Фидель Кастро любил играть в футбол, баскетбол и конечно же бейсбол, который благодаря американцам стал самым популярным видом спорта на острове.

Впоследствии, в годы революции, Фидель Кастро будет уделять особое внимание развитию физической культуры и спорта, который считался элитным при прежнем режиме. «Что я действительно знаю – так это число медалей, полученных кубинскими спортсменами; в спорте Куба имеет самое большое число золотых медалей на душу населения, олимпийских медалей всех видов»³⁸, – говорил он.

Фидель выделялся во всем: и в игре в бейсбол, и в плавании, и в боксерских поединках. Его успехам способствовало то, что он рос на природе и, постоянно находившийся в движении, отличался физическими данными и выносливостью. Фидель по натуре не был задиристым, но, как известно, в подростковой среде драки с целью выяснения, кто прав, а кто виноват, обычное дело. Старшеклассники нередко пытались поставить на место непокорного Фиделя и часто провоцировали его, зная, что парень непременно ответит. Бывало, нападали на него исподтишка. Тогда Фидель на следующий день отлавливал обидчиков, предпочитая разбираться с ними по-честному. Вступался, если старшие обижали кого-то из младших, горю стоял за Рауля.

Сверстников поражало, что Фидель мог тренироваться до иступления, пока как следует не отработает технику удара или броска. Атмосфера среди подростков в самом колледже была отвратительной. Отпрыски из богатых семей любили бравировать друг перед другом положением и состоянием родителей. Фидель, которому претили высокомерие и бахвальство, всегда уходил от подобных разговоров.

Преподаватели, в свою очередь, относились к воспитанникам в зависимости от «благополучия их родителей». Зная о том, что отец Фиделя является крупным латифундистом, они пытались «подружиться» с братьями Кастро. Однажды Фидель упомянул, что его отец зарабатывает до 300 песо в день. Рауль Кастро вспоминал, что на следующий день отношение к нему и его братьям со стороны директората, учителей, учеников поменялось на 180 градусов: из презрительно-высокомерного превратилось в уважительно-подобострастное³⁹.

Два раза в неделю учеников вывозили на берег моря, где колледжу принадлежала специальная площадка. Увлечение подводным плаванием и подводной охотой Кастро сохранил на всю жизнь, погружался в глубины даже в преклонном возрасте. А в самом колледже был хороший плавательный бассейн. Во время первого посещения бассейна Фидель сразу решил отличиться. Забрался на самый высокий трамплин и сиганул с него ногами вниз, чем изрядно напугал окружающих. Позже он признавался, что в тот момент даже не подумал о том, что

³⁸ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

³⁹ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 15.

может разбиться. Он с детства не боялся воды, научился плавать еще в Биране. Вместе с детьми из бедных семей братья Кастро часто проводили время на речке.

Однажды тренер по подводному плаванию отстранил двух учеников от тренировки за какой-то проступок. Фидель спросил его: «Вы можете смягчить наказание, если я прыгну с самого высокого трамплина в воду?» Тренер, улыбнувшись, кивнул. Фидель забрался на самый высокий трамплин и прыгнул вниз. Когда Фидель, долго не появлявшийся из воды, показался на поверхности, то утонул в объятиях и овациях одноклассников, а двое наказанных ребят были прощены⁴⁰.

Но не все учителя были такими, как тренер по плаванию. Некоторые из них имели обыкновение бить учеников. Сам Фидель впервые столкнулся с подобными методами воспитания. И это повлияло на его учебу. «В первый раз в жизни брат инспектор, следящий за учениками, ударил меня и довольно больно, – вспоминал Фидель. – Он дал мне две увесистые пощечины, по одной и по другой щеке. Это было недостойно и грубо. Я был, кажется, в третьем классе. Обида затаилась у меня внутри. Позже, уже в пятом классе, он в двух случаях стукнул меня по голове, последний раз я не стерпел, и все окончилось яростной стычкой между инспектором и мною. После этого я решил не возвращаться в школу»⁴¹.

Проучившись в колледже салезианцев четыре года, Фидель перешел в школу «Долорес», принадлежавшую ордену иезуитов, школу более престижную, более высокого класса. Там учились только белые дети из обеспеченных семей. Сначала ему не нашлось места в интернате, и он был вынужден временно проживать в доме еще одного друга своего отца, тоже коммерсанта. Позже Кастро вспоминал, что часто сталкивался с непониманием членов этой семьи. Они не просто приютили мальчика. Отец Фиделя «отстегивал» им на содержание сына сумму отнюдь не меньшую, чем семье биранской учительницы. «Это была чужая семья, они не могли заботиться обо мне, как о своем, и устанавливали порою строгие, иной раз даже произвольные правила, – вспоминал Фидель Кастро. – Например, они не учитывали, что у меня были трудности в прежней школе, <...> не учитывали психологических факторов, того, что мне надо было привыкнуть к новой школе, к новым учителям, к новому заведению, где требования были выше, чем в прежнем, и хотели, чтобы я получал самые лучшие отметки, настаивали на этом, а если я не получал наивысших баллов, они не давали мне еженедельного минимума, а это были десять сентаво на кино, пять сентаво на мороженое после кино в конце недели и пять сентаво по четвергам, чтобы купить комиксы»⁴².

Едва начался новый учебный год, Фиделя, которому исполнилось одиннадцать лет, положили в больницу. У мальчика случился острый приступ аппендицита с осложнениями, и ему пришлось пролежать в больнице целых три месяца. В итоге он начал свой учебный год с конца первой четверти.

С шестого класса Фидель стал жить в школьном интернате. В «Долорес» нравы и порядки были строже, чем в колледже «Ла Саль», но ученики имели возможность изучать не только религию. «Ты приобретал там определенные этические нормы, определенные правила, не только нормы религиозные, там ты ощущал влияние в плане человеческом – престиж преподавателей, их мнения, их оценки всего вокруг. Они поощряли занятия спортом, экскурсии в горы, а я как раз любил спорт, экскурсии, походы, подъем в горы, все это очень привлекало меня. В иных случаях я заставлял всю группу ждать меня по два часа, потому что залезал на гору. Меня за это не бранили, если причиной моего опоздания было нечто, требовавшее больших усилий с моей стороны, они видели в этом доказательство предпри-

⁴⁰ Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 16.

⁴¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 116—117.

⁴² Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 119.

имчивого и упорного духа, если дело было рискованным и трудным, они не расхолаживали нас»⁴³, – рассказывал Фидель Кастро бразильскому священнику брату Бетто.

Гораздо позже Фидель по-другому говорил о годах обучения в колледже: «Я учился в религиозных школах, критиковал и все еще могу критиковать форму, в какой меня учили религии, очень догматически. Люди не рождаются одинаковыми, и у каждого есть свой характер, свой образ мыслей. Я отвергаю все, что мне пытаются навязать или во что меня заставляют верить, не убедив в том, во что меня хотели бы заставить поверить. Так каждый реагирует на свой лад»⁴⁴.

В те годы Фидель увлекся альпинизмом. Он нравился ему не только как вид спорта, но и как способ познания природы. Позже он скажет, что, когда видел гору, она словно дразнила его и им овладевала мысль влезть на эту гору, достичь вершины. Фиделя называли лучшим альпинистом–первопроходцем школы, и это было его первое «почетное звание» в жизни. Он также был признан лучшим спортсменом колледжа.

Но занятия спортом не мешали талантливому парню учиться. Он получал хорошие и отличные оценки на экзаменах. По-прежнему обожал книги, читал до двух–трех часов ночи, украдкой, под одеялом. И конечно же, как и у большинства подростков, доминирующей его потребностью было самоутверждение. Для Фиделя проблемный возраст – с 12 до 15 лет – проходил безболезненно, в первую очередь из-за того, что он пользовался большим уважением учеников школы. Хотя добиться этого было непросто. Его одноклассниками были не простые и доброжелательные дети бедняков, как в родном Биране, а выходцы из богатых семей, точнее не просто из богатых, а из исключительных семей, династий богачей.

В некоторых источниках говорится, что в школе Фиделя называли *loco* (по-испански – сумасшедший). Но не потому, что у него были проблемы с головой и какие-то экстремальные повадки. Просто иногда он решался на такие рискованные и отчаянные поступки, на которые не были способны другие ученики. Потому и говорили о нем не презрительно–высокомерно, а с уважением, мол, глядите, какой необычный парень, то, что сделал Фидель, никому повторить не под силу.

16 июня 2004 года одна из известных западных информационных корпораций Би–би–си выступила с сенсационным сообщением. Будто бы в 1940 году 14–летний мальчик по имени Фидель Кастро написал письмо президенту США Франклину Рузвельту с просьбой выслать ему на Кубу десятидолларовую банкноту. В те годы, перед Второй мировой войной, американский Белый дом часто получал письма от детей из бедных стран, содержащие какие-нибудь просьбы. «Я никогда не видел зеленую американскую банкноту в 10 долларов, но мне очень хотелось бы, чтобы она у меня была», – рассказывал Фидель. Архивисты, а следом за ними журналисты утверждали, что в письмо был вложен конверт с обратным адресом колледжа «Долорес» в Сантьяго–де–Куба, где Фидель в то время учился. Это письмо затерялось в американских архивах, спустя много лет на него совершенно случайно наткнулся один из исследователей.

Позже в беседе с Игнасио Рамонетом Фидель подтвердил, что действительно в 1939 году направил письмо президенту США Рузвельту. В нем он написал, что изучает английский язык, обычаи американцев, и попросил выслать ему «десятидолларовую зеленую купюру». Канцелярия президента США прислала ему формальный ответ, который тем не менее вывесили на школьном стенде в «Долорес». «Некоторые говорят в шутку, что если бы

⁴³ Там же. С. 122.

⁴⁴ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизации. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

тогда Рузвельт прислал мне десятидолларовую купюру, то я не создал бы столько проблем для руководства США»⁴⁵, – иронизировал Кастро.

В 1942 году Кастро переехал в Гавану, где поступил в иезуитский колледж «Белен». Это была самая сильная иезуитская школа страны, которая после победы революции превратилась в технологический институт. В «Белене», где обучалось около тысячи учеников и из них было около 200 приезжих, Фиделю предстояло провести три года, чтобы завершить обучение в средней школе и подготовиться к поступлению в Гаванский университет. Плата за обучение составляла около 50 долларов в месяц, что было значительно выше прожиточного минимума на Кубе тех лет. Здесь Фидель также быстро выдвинулся в число лучших учеников по всем видам спорта, возглавив «группу разведчиков». Так в то время в «Белене» называли ребят, которые занимались альпинизмом и которым учителя ставили задание исследовать незнакомые горные маршруты и вершины. Позже эти навыки пригодятся Фиделю Кастро во время партизанской войны в горах Сьерра-Маэстра.

Выпускники этого учебного заведения, которое курировалось лично архиепископом Гаваны, как правило, продолжали учебу в столичном университете. Именно здесь формировалась будущая элита Кубы. В «Белене» Фидель не был лучшим учеником, однако в его аттестате были «отличные» и «хорошие» отметки. Причем Кастро часто получал высшие отметки по самым трудным предметам. Так, например, был единственным учеником, который получил 90 баллов по географии – самую высокую оценку по предмету. Учителя часто приводили его в пример другим детям. В этой школе, а точнее в интернате, где он жил, у Фиделя была своя «ответственная должность». Он отвечал за комнату для самостоятельных занятий, где ученики оставались позаниматься до отбоя.

И в «Долорес», и позже в «Белене» ученикам нужно было каждое утро ходить к мессе. У Фиделя было много друзей среди священников. Один из них, отец Вьеренте, который во время войны в Испании служил санитаром, рассказывал Фиделю, что после войны там расстреливали десятки тысяч людей, и он должен был освидетельствовать их на предмет смерти. Фидель тогда сделал для себя вывод, что весь католический мир в Испании делился на тех, кто был за Республику и против нее, причем последних было немало. Все без исключения преподаватели в «Белене» были националистами, если не сказать прямо франкистами, и много рассказывали детям об ужасах Второй мировой войны, о расстрелянных франкистах и священниках, практически не упоминая об убитых республиканцах и коммунистах в Испании и Европе.

Любопытно, что Фидель Кастро, который слывет непревзойденным оратором современности, не сразу научился красноречию. В «Белене» была литературная академия, но, чтобы туда поступить, надо было говорить подряд 10 минут без бумажки. Тему ученикам давали за час до выступления. В это трудно поверить, но Фидель пробился в число слушателей литературной академии только на четвертый раз. Возможно, именно этот случай, в конце концов, подстегнул будущего главнокомандующего на ораторские подвиги.

Его многочасовые речи в середине повествования подчас производили впечатление потока сознания. Кажется, что Фидель как бы отталкивался от заданной темы и от главного тезиса и пускался в плавание по «водам бессвязного повествования». Но это не так. В конце своего выступления он обязательно возвращался к тезисам, озвученным в начале, и путем неоспоримых фактов многократно усиливал их.

«Патриа о муэрте! Родина или смерть!», «Венсеремос! Мы победим!» – так неизменно заканчивались выступления Кастро. Фидель, как пламенный глашатай революции, использует любимый многими поэтами прием – играть на контрастности, на противоречиях, на извечном противостоянии любви и ненависти, жизни и смерти.

⁴⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 119.

В «Белене» главными спортивными увлечениями Фиделя стали бейсбол и баскетбол. Однажды, приехав на каникулы в родной Биран, он привез с собою несколько баскетбольных мячей, комплекты спортивной формы и умудрился создать из числа сверстников–приятелей настоящую баскетбольную команду! На последнем году обучения в «Белене» Фидель был включен в сборную команду всех колледжей Кубы, которая носила громкое название «Звезды баскетбола».

В то время на Кубе курс среднего обучения составлял тринадцать лет. По его окончании, в 19 лет, Фидель Кастро получил в «Белене» следующую характеристику: «Отличался во всех дисциплинах. Его успехи блестящи. Великолепный атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа на соревнованиях. Сумел завоевать любовь и восхищение своих товарищей. Он намерен изучать юриспруденцию, и мы не сомневаемся, что он заполнит блестящими страницами книгу своей жизни. Фидель – это великолепный материал, а художник для работы с таким материалом обязательно найдется»⁴⁶.

Подводя итоги детско–юношеского периода жизни будущего кубинского лидера, можно сделать главный вывод. Сначала в салезианском, а затем в двух иезуитских колледжах Фиделю Кастро привили умение находить выход из сложных ситуаций и дали необходимые знания для поступления на юридический факультет Гаванского университета. Именно в эти годы сформировались такие качества будущего команданте эн хэфэ, которые с блеском проявятся в будущем: несокрушимая вера в успех своего дела и обостренное чувство справедливости.

⁴⁶ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 23.

Глава третья

ДОН КИХОТ ИЗ ГАВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гаванский университет был не только кузницей кадров для политической и экономической элиты Кубы. С середины 1920-х годов в условиях резкого «закручивания гаек» и политических репрессий он стал своеобразным островком вольнодумства и свободолюбия. Но считать всех студентов тогдашнего главного учебного заведения Кубы диссидентами и радикалами было бы неверно. В Гаванском университете учились отпрыски богачей и людей состоятельных, как, например, отец Фиделя. Ведь за обучение надо было платить большие деньги. Для детей рабочих и крестьян не то что высшее, среднее образование было недоступно.

Гаванский университет является одним из старейших вузов Западного полушария. Он был основан в 1728 году по указу папы Иннокентия XV как Королевский католический университет святого Иеронима. В 1842 году был реорганизован и переименован в Королевский университет гуманитарных наук. В 1871 году университет закрылся. А в 1883 году, когда был построен комплекс университетских зданий, открылся вновь и получил название Гаванского университета. К моменту окончания испанского владычества на Кубе, в 1898 году, университет имел пять факультетов: естественных наук, фармацевтический, медицинский, филологии и литературы, права. В 1930 году, из-за политических волнений на Кубе и участия в них студентов, университет, по распоряжению тогдашнего кубинского диктатора Мачадо, закрылся опять – на этот раз на три года.

Когда в Гаванский университет поступил Фидель Кастро, там было одиннадцать факультетов: философии и литературы, сельскохозяйственный, с особым уклоном на «обучение переработке сахарного тростника», строительный, архитектурный, медицинский, фармацевтический, одонтологии, ветеринарный, естественных наук, педагогический, государственного права. На этот факультет, также именуемый юридическим, и поступил 19-летний Фидель Кастро осенью 1945 года.

Студенты именно юридического факультета слыли самыми продвинутыми и прогрессивно мыслящими молодыми кубинцами, готовыми противостоять режиму политических репрессий в стране.

В 1922 году в Гаванском университете произошли первые волнения. Во время студенческой конференции выступавшие, среди которых выделялся девятнадцатилетний Хулио Антонио Мелья, говорили о необходимости реформы образования и предоставлении университету автономии от правительства, об обострившихся на Кубе социальных проблемах. Основной лейтмотив их речей сводился к тому, что причиной всех бед и проблем в стране является политический строй – фактическая диктатура, поддерживаемая неокOLONIZаторами. Многие преподаватели разделяли тревоги студентов. Один из профессоров прямо заявил, что «студенческие волнения – это следствие коррупции и мошенничества за стенами университета». Окружение тогдашнего президента Кубы Альфреда Сайаса-Альфонсо решило принять меры против смутьянов.

Студенты, узнав, что их альма-матер могут закрыть, соорудили баррикады у входа в комплекс университетских зданий. Отряды полиции готовились к штурму. Однако в последний момент, во многом благодаря упорству студентов и преподавателей, не желавших покидать университет, правительство Кубы пошло на компромисс. Оно предложило администрации университета начать переговоры со студентами с тем, чтобы удовлетворить их требования. А кубинские конгрессмены приступили к подготовке законопроекта о предоставлении Гаванскому университету автономии.

Однако это был отвлекающий маневр властей. Когда студенческие волнения стихли, а конфликтующие стороны уже были готовы сесть за стол переговоров, на пост ректора университета был назначен Хосе Антолин дель Куэто. Он имел репутацию «человека властей» и был известен своими консервативными взглядами. Узнав об этом назначении, студенты собрались на митинг и потребовали немедленной отставки Антолина дель Куэто. «Хулио Антонио Мелья – в ректоры!» – скандировали молодые люди.

Правительство в ответ предложило создать комиссию из преподавателей и студентов, которая должна была бы подготовить предложения по реформированию к концу учебного года. На самом деле правительство хотело отвлечь студентов от участия в политической борьбе. Дело в том, что на одном из стихийных митингов они выдвинули совершенно не «студенческие требования», приняли резолюцию с резким осуждением политики США по отношению к Кубе и другим странам Латинской Америки, территория которых или ее часть (Пуэрто-Рико, Мексика, Панама) была фактически оккупирована или захвачена Соединенными Штатами. После митинга лидер студенческих активистов Хулио Антонио Мелья был жестоко избит полицией. Позже он сказал журналистам: «Народ Кубы, видимо, понял смысл нашей социальной системы, которая обращается с гражданами как с рабами или рабочим скотом».

Мелья предложил созвать в октябре 1923 года первый конгресс студентов Кубы. На нем присутствовало 128 делегатов от 53 учебных заведений, а председательствовал на собрании 19-летний Мелья. Опасения правительства подтвердились. Разговор на конгрессе вышел за рамки обсуждения вопросов административной реформы вуза. Студенты все резче критиковали сложившийся в стране режим, приняли несколько резолюций, в частности, осуждающие поправку Платта, «существующий на Кубе международный капитализм». А настоящий взрыв негодования властей вызвала резолюция, в которой содержалось требование признать... «Социалистическую республику Соединенных штатов России». Кубинские студенты хотя и не смогли дать точного определения далекой страны из Восточного полушария, но были наслышаны о тех переменах, которые происходили в большевистской России. Тогда власти объявили о роспуске конгресса.

Но не зря в первых рядах активистов студенческого движения были именно юристы. Они создали комиссию, которая доказала, что декрет президента страны о роспуске вузовского конгресса и запрете на проведение публичных мероприятий является неконституционным и студенческое собрание вправе продолжить свою работу. Впоследствии Фидель Кастро, будучи сам студентом факультета права Гаванского университета, путем умело выстроенной юридической защиты, будет неоднократно «разбивать» неконституционные и противоречащие законодательству «доводы» приспешников Батисты как в статьях, так и в публичных выступлениях.

Хулио Антонио Мелья и Фиделя Кастро объединяла не только учеба на факультете права, но и любовь к национальному герою Кубы Хосе Марти. На том самом первом студенческом конгрессе Мелья предложил создать Народный университет имени Хосе Марти, который должен был стать центром вечернего обучения малообразованных рабочих. Мелья стоял у истоков создания в 1925 году Коммунистической партии Кубы. Вместе с единомышленниками он издавал журнал «Хувентуд» («Молодежь»), где печатались статьи леворадикального толка. После опубликования своей статьи «Мачадо – тропический Муссолини» о вступлении Херардо Мачадо в должность президента Кубы Мелья был вынужден эмигрировать в Мексику, где в качестве юриста Национальной крестьянской лиги отстаивал интересы крестьян, выступавших за проведение аграрной реформы, разоблачал диктаторский режим Херардо Мачадо на Кубе. Мелья создал в Мексике Ассоциацию новых революционных кубинских эмигрантов, издавал газету «Свободная Куба», вынашивая, как Хосе Марти, идею вооруженного свержения режима Мачадо.

То, что не удалось ни Марти, ни Мелья, убитому в возрасте 26 лет в Мехико 10 января 1929 года двумя агентами мачадовской полиции, осуществит Фидель Кастро. Спустя менее чем три десятилетия он начнет борьбу с новым, еще более жестоким диктаторским режимом.

В ноябре 2005 года ЦРУ, на основании анализа телевизионных записей и консультаций с американскими светилами медицины, подготовит секретный доклад. В нем утверждается, что уже на протяжении нескольких лет Фидель страдает тяжелой формой болезни Паркинсона. Спустя несколько дней, после утечки информации из ЦРУ в американские СМИ, Фидель Кастро придет в альма-матер. В Гаванском университете 17 ноября 2005 года в полном разгаре торжества по случаю 60-летия поступления в этот вуз Фиделя. Команданте поднимается на сцену в главной аудитории и в течение пяти часов без перерыва, стоя (!), выступает перед преподавателями и студентами. Он много шутит по поводу своей «тяжелой болезни». Иронизирует над теми, кто думает, что после его смерти кубинская революция закончится.

Обстановка на Кубе первых послевоенных лет ничуть не отличалась от времен, когда в стенах Гаванского университета начались волнения молодежи под руководством Хулио Антонио Мелья. В 1944 году покинул Кубу и уехал в США, в Майами, где он окончательно сблизился с американской мафией, правивший на острове с 1940 года лидер «заговора сержантов» 1933 года Фульхенсио Батиста⁴⁷. Согласно новой Конституции Кубы 1940 года, он мог выдвинуть свою кандидатуру на выборах президента страны лишь через восемь лет. Именно Батиста станет главным врагом Фиделя в 1950-е годы, установив поистине беспроектный для простого человека режим. Но об этом речь позже.

В 1944 году на очередной президентский срок на Кубе был совершенно неожиданно для многих избран бывший союзник, а теперь лидер оппозиции Батисте, профессор медицинских наук Гаванского университета Рамон Грау Сан-Мартин. Он победил сторонника Батисты, тогдашнего кубинского премьер-министра Карлоса Саладригаса. Саладригас был особенно непопулярен среди женщин, так как, в бытность премьер-министром, он, чтобы расстаться с не дававшей ему развода надоедливой женой, провел в парламенте «Закон об одностороннем разводе на Кубе». Вот какая характеристика Саладригасу давалась в разведывательном сообщении, посланном из Гаваны в Москву в конце 1943 года: «На сегодня есть один кандидат – член демократической партии Саладригас. Ему оказывают поддержку все группы, являющиеся сторонниками Батисты. Братская компартия также решила отдать все свои голоса ему, предупредив его о том, что он будет неуклонно проводить в жизнь конституцию страны.

Саладригас является ближайшим соратником Батисты и находится под полным его влиянием. Считают, что вся его работа, если он будет президентом, будет проходить под руководством Батисты, который сохранит за собой руководство вооруженными силами.

О Батисте следует сказать, что он пользуется большой популярностью своими демократическими действиями. Хотя его демократические действия не помешали ему «скопить» за три года 20 миллионов долларов чистенького капиталца за счет казны⁴⁸.

Накануне выборов правительство Саладригаса допустило глупейшую и грубейшую ошибку. Аккурат перед голосованием оно, по неизвестной причине, прекратило снабжать население продовольствием – мясом, молоком, маслом. В итоге Карлос Саладригас вчистую проиграл эту схватку популисту Грау Сан-Мартину, который шел на свои вторые в карьере выборы президента под лозунгом «Куба для кубинцев». Батиста, который в день выборов заявил: «Народ, я с вами и в любую минуту готов к вашим услугам», не помешал избранию Грау, потому что хотел создать себе славу человека, обеспечившего «свободные выборы».

⁴⁷ Куба. М., 1979.

⁴⁸ Из архива СВР России, Гавана—Москва.

Действительно, и Грау, и американская пресса назвали эти выборы 1944 года «самыми честными и справедливыми в истории Кубы». Во время инаугурации 4 июня 1944 года Грау заявил, что его основная задача – борьба против коммунизма. Это вызвало волну возмущения в стране, и Грау сменил тон выступлений, обещая добиваться прежде всего национального единения.

Грау Сан–Мартин и Батиста были злейшими врагами. Именно из–за «заговора сержантов», возглавляемого бывшим сержантом–стенографистом Батистой, Грау был вынужден уйти со своего поста в 1933 году. Теперь он взял реванш и вроде бы получил сатисфакцию. Тем не менее до Грау доходили разговоры о том, что в высших военных кругах Кубы готовится переворот, цель которого снова объявить военную диктатуру, убрать Грау и провести на новых выборах в президенты Батисту. В июне был снят с поста начальника полиции и генерального инспектора армии и выслан в Майами генерал Мануэль Бенитес. Официальная версия гласила, что Бенитес замыслил переворот с целью объявить себя президентом Кубы. Между тем неофициально получила распространение версия о том, что Бенитес готовил этот переворот для Батисты, личным другом которого он являлся много лет.

Физиолог Грау Сан–Мартин был основателем и лидером так называемых «аутентиков» – Кубинской революционной партии (КРП). В 1944 году ему удалось сыграть на чувствах электората, уставшего от власти военных, и понравиться избирателям прежде всего хорошо поставленной речью и манерами. Однако вскоре кубинцы поняли, что к власти пришел обычный демагог. В декабре 1944 года в донесении советской резидентуры в Гаване отмечалось следующее: «Правительству Грау грозит политический кризис, признаки которого усиливаются. После Мачадо Куба не знала столь реакционного правительства, как кабинет Грау. Становится ясно, что президент не в состоянии выполнить обещаний, которые он дал народу в период выборной кампании. Действительность разоблачает всю демагогию граусистов. Вместо улучшения экономического положения наблюдаются перебои в снабжении хлебом, углем и другими продуктами, повышается квартирная плата. Грау уволил с постов в правительстве ряд известных деловых людей. Аутентики (члены партии Грау. – М. М.) сотнями просят о назначении на пост шефа не менее <...> Среди членов правительства наблюдаются страх и растерянность <...> Часть военных бежала в Мексику, где они якобы будут ждать приезда Батисты»⁴⁹.

Первые два года президентства Грау прошли под знаком его политической борьбы с парламентом, большинство в котором пока что составляли сторонники прежнего президента. И лишь в 1946 году «аутентики» получили большинство мест в обеих палатах парламента.

Грау оказался слабовольным политиком – зависимым от американцев и бессильным перед мафиозными группировками, рвавшимися во власть. Именно при Грау Сан–Мартине на Кубе начали процветать казино и бордели, коррупция и подкуп пронизали все общество. Уровень казнокрадства и расхищения превысил все мыслимые размеры. Удивительно, что на этом фоне из года в год экономика Кубы набирала темпы. Но объясняется это во многом тем, что в 1940–х годах под контролем американских компаний оказалась вся горнодобывающая промышленность Кубы, все предприятия по выработке электроэнергии, средства коммуникации и три четверти предприятий сахарной отрасли. Не меньшую роль в этом сыграло и то, что именно в эти годы янки «обрушили» на Кубу целый вал капиталовложений, фактически парализовав самостоятельное развитие экономики этой страны. Фидель как–то метко заметил, что на Кубе тех лет существовала еще одна религия – религия уважения и благодарности по отношению к Соединенным Штатам.

⁴⁹ Из архива СВР России, Гавана—Москва.

«Чистка государственного аппарата» по Грау свелась к избавлению от большей части военных, сторонников Батисты. Но самое главное состояло в том, что с началом холодной войны и охоты на ведьм в США на Кубе, следовавшей в «американском фарватере», начались нападки на инакомыслящих, левых и особенно коммунистов. Слово «коммунист» стало самым страшным ярлыком и ругательством в кубинском политическом лексиконе тех лет. Социалисты и коммунисты на Кубе во второй половине 1940-х годов, несмотря на то, что сумели укрепиться в рабочем движении, были фактически изолированы от общества. Официальная пропаганда представляла их чуть ли не главными врагами человечества и религии.

После окончания Второй мировой войны вслед за США и Великобританией резко изменило свое отношение к СССР и кубинское правительство. С антисоветскими заявлениями стали выступать видные государственные деятели Кубы. А в разгар холодной войны на Кубе по отношению к Советскому Союзу был совершен ряд провокационных актов. В январе 1947 года в одном из залов фотовыставки «Москва – столица СССР» некий Гонсалес попытался подложить бомбу, но был задержан. 21 августа 1947 года неизвестные попытались бросить бомбу в здание советской миссии на Кубе, но она разорвалась на каменной ограде миссии. 20 апреля 1948 года неизвестные лица с проезжавшей машины обстреляли здание советской миссии. 17 августа того же года во двор миссии была брошена бутылка с зажигательной смесью, вызвавшая пожар на веранде здания. Когда сотрудники миссии пытались потушить пожар, они подверглись обстрелу. Несмотря на неоднократные протесты советского дипломатического представительства, никаких мер для наказания виновных кубинскими властями не принималось.

На Кубе, как и в США, и в западноевропейских странах, началась так называемая «охота на ведьм», то есть на граждан, имевших левые взгляды. Вот что сообщал об этом в 1945 году источник советской разведки в Москву: «<...>сек-ретная служба американского посольства на Кубе наняла к себе на службу известного кубинского криминалиста и совместно с ним составляет списки на всех членов и лиц сочувствующих братской (кубинской) компартии. – М. М.). Предполагается, что такая работа проводится во всех странах Южной Америки»⁵⁰.

Возглавляемая новым президентом Кубинская революционная партия стала отступать от революционных идеалов. К парламентским и президентским выборам 1948 года в КРП произойдет раскол, и из ее рядов выйдет группа во главе с популярным в народе сенатором Эдуардо («Эдди») Чибасом, так называемые «ортодоксы». Они создадут Партию кубинского народа (ПКН), в ряды которой позже вступит и Фидель Кастро.

На первом курсе университета Кастро был избран в руководящий комитет студенческой организации факультета государственного права. В 1946 году он получил 181 голос «за» и 33 «против» на выборах в состав студенческого актива. А вскоре он стал старостой курса.

Укреплению его личного авторитета среди студентов способствовали не только врожденные качества лидера, невероятная энергичность, неподражаемое красноречие и эрудиция (книги он буквально поглощал), но и великолепные данные. Правда, некоторые высокомерные студенты называли его гуахиро – крестьянин, потому что он был выходцем из Бирана.

Фидель стал членом баскетбольной и бейсбольной команд факультета, а потом и всего университета. В бейсбольной команде Фиделя определили на ответственную позицию питчера – подающего. Питчер должен бросить мяч в сторону своего принимающего так, чтобы соперник не отбил его по пути своей битой. Вот почему эту роль отдают игроку мыслящему и нестандартному, который способен угадать, уловить действие отбивающего соперника. Идеальный игрок на этой позиции должен иметь рост больше 180 сантиметров и сильные руки. Все эти качества снискали Фиделю внимание представительниц слабого пола.

⁵⁰ Из архива СВР России, Гавана—Москва.

И хотя его мятежный, бунтарский дух еще не «обрел пристанища» – политическое мировоззрение еще не сформировалось, уже в первые месяцы учебы в университете определились его идеологические пристрастия. «Если в тебе есть черты бунтаря, если у тебя есть определенные этические нормы и ты обнаруживаешь идеи, которые тебе все прояснят – как те, что помогли мне понять мир и общество, в котором я жил, которое видел вокруг, – как не ощутить воздействия настоящего политического откровения»⁵¹, – позже говорил он о годах своей молодости.

Именно в университете началась эволюция взглядов Фиделя, которая будет продолжаться на протяжении всей его жизни, вплоть до зрелого возраста. Когда он поднимет свое первое восстание, а позже станет во главе новой революционной Кубы, когда будет ломать устои старого несправедливого общества и учить свой народ жить по справедливости. Когда после распада СССР Куба останется фактически один на один с окружающим миром.

Таким образом, если главный нравственный выбор Фиделя Кастро – борьба с любой формой несправедливости и унижения человека – был сделан им еще в школьные годы, то во время обучения в Гаванском университете он сделал свой мировоззренческий и политический выбор. Происходило это по мере знакомства с марксистской литературой. Именно она объяснила Фиделю Кастро многие процессы, происходящие в обществе. «Довольно быстро я стал превращаться в человека, которого называли утопичным коммунистом, – рассказывал Кастро. – И именно в этом университете я стал революционером, так как мне попались соответствующие книги. Но даже до их прочтения я интересовался капиталистической экономикой, и она мне казалась иррациональной. На первом курсе моим преподавателем по экономике был профессор Портель. Он был очень требовательным и заставлял нас учить именно его предмет. Мне повезло. На устном экзамене я ответил без запинки и получил довольно высокую квалификацию по предмету политическая экономия. Чем больше я занимался политической экономией, изучая капитализм, тем больше у меня возникали сомнения в правильности его сущности»⁵².

На самом деле строгий «буржуазный» преподаватель Пор–тель оказал неоценимую услугу делу революции. Когда Кастро познакомился с основами политэкономии, марксистским учением, он начал вырабатывать собственные идеи по изменению общества.

«Это была такая политическая экономия, которая преподавалась молодежи от буржуазии, – рассказывал Кастро. – Уже тогда я стал задавать себе много вопросов. Я сам по себе своим умом пришел к заключению, что капиталистическая экономика была абсурдной. Еще до моего знакомства с материалами марксизма–ленинизма я превратился в утопического коммуниста, такого человека, который не является частью какого–то социального или политического движения, но которому кажутся несправедливыми: неравенство, нищета, непреодолимые противоречия между обществом и развитием. Для осмысления моего политического кредо мне очень помогла моя собственная жизнь, которую я уже прожил к тому времени, и жизнь других, окружавшая меня. Когда мне говорили о кризисе перепроизводства, безработице и других проблемах, я сразу понимал, что эта система неспособна решить данные проблемы <... >

Одним из первых материалов Маркса, которые я прочитал, был «Коммунистический манифест». На меня он произвел большое впечатление. Я начал понимать и находить объяснение многим вещам. Ведь я родился в семье землевладельца, меня окружали другие землевладельцы. Позже я испытал на собственной шкуре, что такое империализм, угнетение, коррупция, репрессивные правительства»⁵³.

⁵¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 155.

⁵² Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

⁵³ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

Здесь необходимо сделать одно весьма важное уточнение. Фидель, приезжая в родной Биран на каникулы и, кстати, привозя туда из Гаваны мячи и комплекты спортивной формы, купленные на свои деньги для бедных друзей детства, попадал в «капиталистическое» имение отца, где, образно говоря, на практике мог проверять истинность марксистской теории. Именно в Биране впервые и произошел у Фиделя своеобразный внутренний конфликт – между семейными привязанностями и формирующимся мировоззрением. Безусловно, почти все бедняки в Биране искренне любили дону Анхеля и его сына Фиделя, потому что они никогда не отказывали обездоленным. Но в соседних землевладениях, принадлежавших североамериканским компаниям, социальные проблемы рабочих и тем более их личные просьбы о помощи не принимались во внимание. Фиделя тяготы беспроблемного существования бедных, а не семейные проблемы волновали с каждым годом все больше.

После победы революции Фидель назовет умершего к тому времени отца «эксплуатором и землевладельцем». Показательно передаст одним из первых в государственное пользование имение в Биране. Остается догадываться, как бы отреагировал на это сам Анхель Кастро Архиз, которому Фидель всецело обязан возможностью получить образование в колледжах и Гаванском университете и, по логике вещей, революционным мировоззрением.

Некоторые авторы приклеивают к Фиделю ярлык ярого коммуниста. Складывается впечатление, что коммунистом тот чуть ли не родился и уже с детских лет боролся с «эксплуатацией и буржуазией». Между тем первый съезд кубинской компартии, на котором Кастро стал ее генеральным секретарем, состоялся лишь в 1975 году, спустя целых шестнадцать лет после победы кубинской революции. А сам он впервые признался, что имеет коммунистические убеждения, только в ноябре 1960 года – до этого его политическая ориентация оставалась загадкой даже для соратников.

Точнее будет сказать, что он всегда был бунтарем. А каждое из проявлений бунтарства – антиколониализм, коммунистические убеждения, ярко выраженный антиамериканизм – выходило на первый план в разные периоды жизни.

Вспоминая о своих студенческих годах, Кастро не случайно уточняет, что в то время он был «утопичным коммунистом». «Утопичность» мировоззрения Фиделя заключалась в том, что он ненавидел любую, в том числе социальную, форму несправедливости. Но у него не было «марксистского» понимания того, как с ней бороться.

«Коммунистический манифест» Маркса понравился ему не из-за своей «агитационности или идейности», а, как он сам говорил позже, «в силу простоты, ясности, той прямой формы, в которой дается объяснение нашего мира и нашего общества»⁵⁴.

«Несмотря на имеющиеся амбиции и тщеславие, которые мы должны проявлять во время нашей революционной жизни, мы всегда должны не забывать, что находимся на постоянном боевом дежурстве. И я принял данную этику, ибо руководствоваться этическими ценностями – это очень важно. От Маркса – мы получили концепцию того, что из себя представляет человеческое общество. Маркс нам показал, каким было общество и историю его развития. Без Маркса вы не можете привести никакой аргумент, который бы смог обосновать исторические события, а также тенденции развития человечества, процесса, который еще не завершился в обществе <...> Если бы Христофор Колумб не имел компаса, то он бы никуда не приплыл. И у меня был компас, который я нашел в мыслях и идеях Маркса и Ленина, а также этика, которую я встретил в идеях Марти»⁵⁵, – объяснял истоки своего мировоззрения лидер кубинской революции.

Итак, марксистские труды показали Кастро путь, по которому, по его мнению, должно идти общество. Он нашел в них теоретическое объяснение многим скрытым социальным

⁵⁴ Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 61.

⁵⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 142, 144.

и экономическим процессам. У Маркса же он научился главному практическому революционному постулату «первый этап революции – это взять власть», который с блеском воплотит в жизнь на стыке 1958—1959 годов. Марти и Маркс повлияли на его решение перейти от теории к практике. (Правда, произошло это лишь со второй попытки. Как известно, победе революции предшествовал неудачный штурм Монкады.)

«В то время когда я должен был перейти в университете со второго курса на третий, у меня было много идей, я был антиимпериалистом и антиколониалистом, – вспоминал Фидель Кастро, – я выступал за доминиканскую демократию, независимость Пуэрто-Рико, возвращение Панамского канала панамцам, возвращение Мальвинских островов Аргентине, ликвидацию европейских колоний в Латинской Америке, таковы были мои знамена. Да, но то не было еще социалистическое знамя»⁵⁶.

Фидель считал себя плохим студентом. Ему больше нравилось болтать со сверстниками в парке, читать книги, спорить на разные интересные темы. Его часто видели на университетской площади Каденас в компании других студентов. Говорили, что Фиделя было почти невозможно переспорить. Более того, часто он начинал «дискутировать» с тезисами, которые сам же и выдвигал! Сила его убеждения была такой, что студенты мгновенно попадали под его влияние и слушали его буквально с открытыми ртами. Фидель, уже после победы революции, на одной из встреч с трудящимися честно признавался, что в те годы студентов больше интересовала «стихия улицы», чем сама учеба. «На этой площади Каденас я провел пять лет, а на занятия почти не ходил, – вспоминал Фидель Кастро. – Перед экзаменами занимался три–четыре дня и сдавал предметы, как это делали все. Таковы были экзамены, и я думаю, что никто серьезно не готовился к тому, чтобы стать хорошим специалистом»⁵⁷.

В личном деле Фиделя Кастро, найденном в Гаванском университете после революции, есть пометка куратора из администрации вуза: «Был постоянным возбудителем и агитатором студенческой массы»⁵⁸.

На третьем курсе Кастро уже не мог быть студенческим старостой, потому что выбрал свободное посещение лекций и редко бывал в университете, предпочитая самообразовываться по книгам. Это также означало, что он мог сам выбирать, какие предметы сдавать. Таких предметов у Фиделя набралось целых пятьдесят! Успешная сдача их была необходима Кастро для получения, кроме диплома и степени доктора по административному праву, также степени лицензиата по дипломатическому праву и доктора социальных наук. Те, кто успешно сдавали эти предметы, имели возможность получить «бекарио» – грант на продолжение учебы в Европе или в США. Когда Фидель понял, что сможет получить «бекарио», он начал посвящать учебе 15—16 часов в сутки. «Я завтракал, обедал и ужинал с учебником, не отрывая взгляда от книги»⁵⁹, – рассказывал он. Ему оставалось сдать только два предмета из пятидесяти, чтобы получить грант. «Но нетерпение и реальная ситуация подтолкнули меня к тому, чтобы начать действовать, – признавался Фидель годы спустя. – <...> Уже достаточно хорошо вооруженный главными, основными идеями и революционной концепцией, я решаю применить их на практике»⁶⁰.

Как уже говорилось, в Гаванском университете учились отпрыски богачей, и потому студентов с левыми, прогрессивными убеждениями было немного. В 1945 году – не больше 50 человек. К тому же, когда на Кубе в самом разгаре была «охота на ведьм», прогрессив-

⁵⁶ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

⁵⁷ Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем.

⁵⁸ Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 50.

⁵⁹ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 132.

⁶⁰ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 156.

ные студенты объявлялись «коммунистами» и рисковали быть отчисленными из университета и стать безработными. Левые идеи, безусловно, привлекали молодежь, но о том, чтобы бороться за радикальное изменение общества, речи не шло.

Университетский друг Фиделя Кастро Альфредо Гевара, который в те годы возглавлял студенческую организацию факультета социальных наук, рассказывал: «Фидель был искателем справедливости. Это был юноша очень умный, с чистым сердцем, чрезвычайно добрый, но заряженный такой жаждой деятельности, что из него мог получиться второй Хосе Марти. Но не дай бог, если этот сгусток энергии выйдет из-под контроля»⁶¹.

В то время перед ним стояла дилемма: продолжить ли учебу в университете, или уйти из него. «Я продолжал оставаться в университете потому, что отец посылал мне сто песо каждый месяц для поддержания моего пребывания в Гаване, – рассказывал Фидель. – Я часто оставался без гроша в кармане и, несмотря на получаемые сто песо, жил очень плохо, потому что жил я в пансионе, и спали мы в одной комнате вчетвером, и зажженный свет не давал никому спать. Было много шума и суматохи, питание было тоже плохим»⁶².

Первое «боевое крещение» произошло уже через несколько месяцев после поступления Фиделя в университет. Ему предстояли выборы в Федерацию университетских студентов, ту самую, которую создал национальный герой Хулио Антонио Мелья. Кандидатуру Кастро, не принадлежавшего в то время ни к какой партии, выдвинул студенческий союз «Католическое действие». К середине 1940-х годов когда-то независимая и вольнодумная федерация студентов забюрократизировалась, стала подконтрольной университетской администрации и правительству. На выборах Фиделю противостоял кандидат, поддержанный администрацией университета. «Я рисковал столкнуться с мафией, которая правила в университете, – рассказывал Фидель Кастро Иг-насио Рамонету. – Мне угрожали физически и „прессовали“ морально. Все кончилось тем, что, когда я был на втором курсе школы права, как раз накануне выборов, эта мафия, после многочисленных предупреждений, сделала очень сильный ход – мне запретили появляться в школе права, дорога туда мне была закрыта. Я плакал, даже ушел на пляж, чтобы успокоиться и прийти в себя, зарылся в песок, из моих глаз текли слезы. Я понял, что противостояю всем властям, и мои противники были сильны, вооружены, пользовались поддержкой коррумпированного правительства Грау. Единственным светлым моментом в этой истории была моральная поддержка моих сторонников. Я решил вернуться, чтобы дать последний бой тем, кто противостоял мне»⁶³.

Атмосферу вокруг выборов иллюстрируют воспоминания студенческого друга Фиделя, выходца из семьи русских эмигрантов Алексиса де Бернарда Куракина: «В 1946 году я был слушателем Гаванского университета. И мне передали, что со мной хочет переговорить Фидель. Я и еще один мой товарищ встретились с Фиделем в кафе, что находится под факультетом права. Проговорили полтора часа. Он просил нас поддержать его кандидатуру в борьбе за пост лидера Федерации студенческой молодежи. Говорил, что надо оздоровить общество и начать с университета. Мне было тогда 18 лет, ему 20.

И он меня поразил. «О чем он говорит?» – думал я тогда. Для многих учащихся студенческая борьба была своего рода авантюрой, приключением. Они были не прочь поучаствовать в потасовках, забросать камнями полицию. Кастро воспринимал эти действия как политические акции.

«Он сумасшедший, – сказал после встречи мой друг. – Его убьют». Но мы решили поддержать его, потому что он нам показался честным человеком. И мы «бросили камни» –

⁶¹ Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 27.

⁶² Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 236.

⁶³ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

проголосовали за него. За это нас исключили из университета, и отец послал меня учиться в Штаты, в Беркли»⁶⁴.

Атмосфера вокруг Фиделя Кастро, который все же решил участвовать в выборах, была настолько тревожной, что один знакомый одолжил ему для самообороны браунинг на 15 патронов. Из такого типа оружия Фиделю уже доводилось стрелять. Он был обучен стрельбе с детства, пользовался арсеналом отца, даже иногда не спрашивая у него на то разрешения. Несколько раз Фидель в Биране лично отстреливал диких животных, которые пытались напасть на принадлежавшие его семье стада. У него была своя полуавтоматическая винтовка на четыре заряда. Фидель научился выпускать эту обойму за две секунды.

К счастью, во время учебы ему не пришлось воспользоваться браунингом. Но противостояние на выборах было первым настоящим актом его борьбы с правительством и государственной властью. Фидель неоднократно рисковал быть арестованным полицией за незаконное ношение оружия. Однажды он даже пришел в университет в компании с пятью вооруженными друзьями. Им повезло, что на их пути не встретились многочисленные стукачи и доносчики, которые вполне могли сдать их администрации и полиции. Вообще, гангстерская атмосфера того времени сказывалась и на гаванских студентах. Многие из них, подражая американским мафиози, ходили в черных костюмах и широкополых шляпах, бравируя при удобном случае оружием. Но Фидель и его товарищи носили оружие не для бравады, а в целях самообороны, что называется, «для защиты убеждений».

Неудачно закончившиеся выборы в Федерацию университетских студентов, когда Фидель впервые столкнулся с подтасовками и кознями администрации, стали решающим моментом в формировании революционных взглядов будущего кубинского лидера. Он понял, что в одиночку не сможет бороться с «ветряными мельницами». Впоследствии Фидель так говорил об этом периоде жизни: «Я был Дон Кихотом университета, и мне всегда доставалось на орехи. То, что я пережил в университете, имеет большую ценность, нежели мой опыт, приобретенный в Сьерра-Маэстра»⁶⁵.

Теперь его окончательно увлекает уличная стихия: он принимает активное участие в громких политических акциях обличителей режима на Кубе. Его «берут на карандаш» в администрации университета и в полиции. Поводом для этого послужило его публичное выступление на митинге 27 ноября 1946 года, посвященном 75-й годовщине казни студентов Гаванского университета. Осенью 1871 года по приказу испанских колониальных властей за участие в акциях протеста против них были расстреляны семь студентов-медиков. Фидель Кастро в своем выступлении отдал дань памяти своим предшественникам, а потом обрушился с резкой критикой на правительство Грау, которое, по его убеждению, «довело народ до голода и нищеты и забыло о своих предвыборных обещаниях».

Смелая речь 20-летнего студента произвела настолько сильное впечатление на присутствующих, что отрывки из нее процитировали некоторые кубинские газеты. Именно тогда Фидель Кастро понял, что прямое и страстное обращение к людям является наиболее эффективным средством воздействия на них.

В январе 1947 года он входит в состав специальной комиссии университетских студентов, которая ставит цель – убедить общественное мнение Кубы воспрепятствовать избранию Грау на второй президентский срок. Затем Фиделя избирают председателем «Комитета за доминиканскую демократию», позже председателем «Комитета за независимость Пуэрто-Рико». Фидель с большой ответственностью относился к этим назначениям. Проанализировав опыт кубинской борьбы за независимость и других мировых конфликтов, он, по его

⁶⁴ Фидель Кастро любил драться и не любил проигрывать // *Время новостей*. 2006. 2 августа.

⁶⁵ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 50.

собственному признанию, пришел к выводу о возможности ведения партизанской борьбы против диктаторских режимов с их регулярными армиями.

Идеализм, романтика, азарт, жажда справедливости привели Фиделя Кастро в экспедицию молодых людей, планировавших тайно прибыть в Доминиканскую Республику и свергнуть диктатора Рафаэля Молина Трухильо. Формально занимая пост президента Доминиканской Республики с 1930 по 1938 год и с 1942 по 1952 год, он фактически правил этой страной с 1930 по 1961 год, когда был убит. (Трухильо, панически боявшийся покушений, окружил себя целой армией телохранителей. Пуля в 1961 году «найдет» диктатора в тот самый момент, когда охрана допустит единственную промашку. Как только чуть-чуть приоткроется стекло его лимузина, снайперу будет достаточно секунды, чтобы сделать точный выстрел...)

Ставленник США, бригадный генерал Трухильо в 1927 году занял пост главнокомандующего доминиканской армией, а в мае 1930 года в результате переворота захватил власть в Доминиканской Республике и установил там военный режим.

Экспедиция в Доминиканскую Республику, к которой примкнул Фидель Кастро, поначалу даже получила одобрение правительства Кубы, члены которого были возмущены политикой Трухильо. Она получила название «Кайо–Конфи–тес». Фидель вступил в отряд в июне 1947 года. Но у него было свое мнение о том, как свергнуть диктатора: «Я считал, что надо развернуть партизанскую борьбу в горах Санто–Доминго, а не идти на прямое столкновение с регулярной армией Трухильо»⁶⁶. Но, увы, «командовал парадом» тогда не он.

Подобных идеалистов, революционеров–мечтателей в экспедиции набралось немало. Они верили, что, приплыв к доминиканским берегам, без преград доберутся до резиденции «кроважского диктатора» и смогут уничтожить его, сразу же к ним присоединятся народ и военные. Однако к отряду молодых идеалистов примкнули проходимцы, уголовники, беглые преступники, которым нечего было терять и которые искали лишний повод для кровопролития. О конспирации и дисциплине в таком отряде не могло быть и речи.

«Хотя в экспедиции участвовали мои враги, я все же поехал, – вспоминал Фидель. – Мне исполнился 21 год на островке, где организовывалась экспедиция под руководством группы тупых кубинцев, очень много о себе мнивших, которые помогали доминиканцам и намеревались сделать все сами»⁶⁷.

Фидель Кастро, который попал в группу доминиканских эмигрантов, вначале готовился к отплытию недалеко от родного Бирана, на севере провинции Ориенте. Он был принят в отряд как рядовой, но через несколько недель, благодаря лидерским качествам, стал командиром отделения, а потом и роты, получив звание лейтенанта. Вскоре отряд численностью 1200 человек перебросили на пустынный песчаный остров Кайо–Конфитес, где, изнемогая от жары и жажды, экспедиционеры должны были продолжить обучение огневой подготовке и терпеливо ждать начала операции. Но «час икс», по непонятным причинам, все откладывался и откладывался, а бойцы с каждым днем теряли уверенность в своих силах и падали духом.

К тому же, благодаря утечке информации из кубинского правительства, а также агентурной работе американских спецслужб, о «планах революционеров» узнали не только на Кубе, но и в США и, естественно, Трухильо. Было упущено время, а самое главное, потерял эффект внезапности. Над будущими повстанцами уже откровенно потешались некоторые американские газеты.

⁶⁶ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 137.

⁶⁷ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

Понимая, что тайно высадиться на территории Доминиканской Республики теперь невозможно, многие из одержимых этой идеей смельчаков все же решили отправиться к ее берегам и вышли на нескольких судах в Карибское море. Видя хаос и дезорганизацию, которая царилла при формировании и подготовке экспедиции, Фидель намеревался отбиться от них и уйти в горы со своим небольшим отрядом, когда они прибудут на территорию Доминиканской Республики. Однако этим планам не суждено было сбыться. Министр военных дел Кубы полковник Дамера отдал приказ кубинской армии и военно–морскому флоту: арестовать участников экспедиции и доставить их для проведения судебных действий в Гавану. Несостоявшихся повстанцев, едва те отплыли от берега, перехватили не доминиканцы, а кубинские военные корабли, вынудили их сдать и сложить оружие. «Революционеров» погрузили на три корабля и под конвоем отправили в ближайший кубинский порт, чтобы затем переправить в столицу. Вот как вспоминал сам Кастро о тех событиях: «Дорогу экспедиции преградил огромный фрегат. Никогда мне не казались такими длинными орудия фрегата, потому что с них сняли чехлы, показали и сказали: „Назад!“ – и у руководителей экспедиции не оставалось другого выхода. На том судне со мной плыл Пичирило, доминиканец. Какой он решительный и смелый! Годы спустя он был нашим помощником капитана на „Гранме“. Мы стали братьями, потому что в тот день я взбунтовался против экспедиции, против роты, где я командовал взводом, и сказал: „Я против возвращения в этот порт, на Кубе сейчас определенная ситуация, вас всех арестуют, я не согласен“.

Я был сторонником того, чтобы сохранить оружие в горах, я собрал оружие, и у меня была масса сторонников, в их числе капитан судна. В те дни мы подружились, он стал моим сообщником в той сложной ситуации, когда я взбунтовался против кубинских и доминиканских командиров <...> Вначале я даже подумал, что фрегат, преграждавший нам путь, был доминиканским. Но скоро понял, что он кубинский <...> Фрегат следовал за нами по пятам. Мы ждали темноты»⁶⁸.

И тут случилось первое из череды десятков событий, позволяющих утверждать, что судьба непостижимым образом берегла Фиделя. Из всей экспедиции, из более чем тысячи человек, от наказания спаслись только Фидель Кастро и три его товарища! «При содействии капитана скорость убавили больше чем наполовину. Но это ни к чему не привело, было лето, темнело позже. Я продолжал бунт, пока не покинул судно на надувном плоту, – я и еще трое, только четверо из тысячи с лишним, которых не арестовали. <...> Я был авантюрист, должен это признать. Все думали, что меня съели акулы, но в один прекрасный день я всех удивил, я воскрес. Я воскресал много раз, несколько раз»⁶⁹, – рассказывал Фидель Кастро.

Несмотря на провал, экспедиция дала бесценный опыт будущему команданте эн хэфэ. Он перешел от теории к практике. Первый раз «понюхал пороха», пройдя, благодаря своим исключительным качествам, хоть и за короткий срок, путь от рядового до командира. Наконец, он, рискнув, принял правильное решение и избежал ареста, уцелел, спасся. «Я отдавал себе отчет, что экспедиция закончится провалом <...>, – рассказывал Кастро. – Я уже тогда думал о новой нестандартной войне, потому что наши отряды не были армией. У нас не было даже самолетов, и мы думали просто высадиться на берегах Санто–Доминго, где бы мы столкнулись с доминиканской армией, с тысячей людей, хорошо организованных, обученных и вооруженных североамериканским правительством, армией, которая обладала военной авиацией. Та экспедиция была обречена на провал. Это был вопрос нескольких часов – уничтожить наш только что высадившийся отряд»⁷⁰.

⁶⁸ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 137, 156.

Это признание говорит о многом. Дело в том, что история многочисленных переворотов в Латинской Америке в первой половине XX века убеждала многих тамошних мятежников и повстанцев в том, что сильную армию можно либо склонить на свою сторону, либо победить при помощи более сильной армии, поскольку практически все подобные перевороты не происходили без участия военных. А Фидель уже в 20-летнем возрасте понял, что врага можно победить не числом, а умом и хитростью.

Конечно же о «приключениях Фиделя» знали в университете. Теперь он уже числился в «черных списках» администрации и местных спецслужб как один из наиболее радикально настроенных студенческих активистов. Теперь его решительность и революционный азарт представляли серьезную угрозу. Но администрация университета и полиция даже не предполагали, что на их глазах растет лидер, который пойдет дальше неистового студента-мятежника 1920-х годов Хулио Антонио Мелья. Новоявленный бунтарь Фидель Кастро смелел, даже дерзил, постепенно превращался в непримиримого, убежденного и сильного противника властей, говоривших об «экономическом росте» и о «политическом спокойствии» в стране. Но о каком спокойствии на Кубе могла идти речь?

Фиделю в конечном итоге оказались более близки идеи «ортодоксов». В 1946 году группа недовольных «аутентиков», во главе с сенатором Эдуардо Чибасом, откололась от партии, возглавляемой президентом Грау, и образовала Партию кубинского народа – партию «ортодоксов». Название этой партии не имело ничего общего с религией, как может показаться на первый взгляд. Ортодоксы главный акцент делали на борьбе не с политическими противниками, а с пороками, присущими тогдашнему кубинскому обществу: взяточничеством, коррупцией, воровством. То есть с различными формами несправедливости, что, собственно, и привлекало в ее ряды студентов.

В те годы почти все кубинские политические партии и деятели при каждом удобном случае пытались «всуе» упомянуть имя легендарного кубинского борца за свободу Хосе Марти, спекулируя на его памяти, «наполняя» свои политические программы его цитатами, заявляя, что только их партия или движение «следует его заветам».

Отколовшись от «аутентиков» и создав партию «ортодоксов», популярный в народе политик, бывший журналист Эдуардо Чибас давал понять, что ее «ортодоксальность» как раз и будет состоять в четком и искреннем следовании идеям Марти. Основной идеологической задачей партии было освобождение наследия Марти от искажений и наслоений, возвращение ему изначального духа революционного национал-демократизма. В программе партии Эдуардо Чибаса одним из основных пунктов, кроме борьбы с коррупцией, было также требование провести национализацию электроэнергетики Кубы. Почти каждую неделю Чибас, обладавший большим досъем на правительственных чиновников, выступал по радио с разоблачительными материалами, вызывавшими бурные отклики и полемику в стране. Выражаясь современным языком, эти радиопрограммы имели самый высокий рейтинг. Чибас мечтал о том, чтобы Куба была по-настоящему независима от США, что, собственно, и привлекло в ряды «ортодоксов» в начале 1950-х годов Фиделя Кастро, впоследствии возглавившего ее молодежное крыло.

Эмблемой новой партии, в которую с каждым днем вступало все больше кубинцев, стала метла. А на свои митинги и шествия «ортодоксы» – своеобразная «партия очищения» – выходили, вооружившись вениками, щетками и метлами.

Фидель Кастро еще официально не вступил в ряды этой партии, но симпатизировал ей и особенно ее лидеру – харизматичному и убежденному в своей правоте Эдуардо Чибасу. Кастро продолжал выступать на разного рода митингах и акциях, причем тон его заявлений в отношении существующей власти становился все жестче и даже агрессивнее, несмотря на угрозы и предупреждения, раздававшиеся в его адрес.

Именно в эти годы начал формироваться один из самых важных жизненных принципов Фиделя Кастро, который можно сформулировать так – «не отступать, не сдаваться». Чем больше давили на него, чем больше начинали «прессовать», тем нерушимей была «защита Фиделя», тем яростней были «ответы Кастро». Уже тогда стало ясно, что его лучше не дразнить и не пытаться заставлять играть по правилам, которые он не приемлет.

6 ноября 1947 года на митинге, посвященном очередной годовщине начала национально–освободительной войны кубинских патриотов XIX века против испанского колониального господства, 21–летний Фидель Кастро поднялся на трибуну и произнес такую речь, которая сразу же затмила собою выступления других ораторов. Воспоминания о борцах за независимость Кубы стали лишь прелюдией его эмоциональной словесной атаки на власть. «Президент Грау стал чуждым народу, – говорил Фидель. – Он обманул всех тех, кто поверил его предвыборным обещаниям. Он обещал земельную реформу крестьянам, школы детям, улучшение социального законодательства рабочим и достойный уровень жалования учителям. Но ни одно из этих обещаний не было выполнено. Революцию, о которой он говорил, будучи кандидатом на пост президента, предали. Богатства страны находятся в чужих руках <...>»⁷¹.

Выступление Кастро шокировало присутствующих, особенно людей, близко его знавших. На их глазах происходило рождение и стремительное становление нового трибуна, которому через десять с небольшим лет было суждено изменить жизнь в стране...

⁷¹ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 32.

Глава четвертая ВЫЗОВ МАФИИ И МАРИОНЕТКАМ

В 1947 году в стенах Гаванского университета Фидель встретил девушку, которая станет его первой и единственной официальной женой, – Мирту Диас–Баларт. Она происходила из богатой и влиятельной кубинской семьи, так же, как и Фидель, выходец из провинции Ори–енте. Познакомил их ее брат Рафаэль Диас–Баларт, университетский приятель Кастро. Эта привлекательная зеленоглазая блондинка изучала философию и литературу. Говорят, что, увидев Мирту, Кастро заявил: «Я непременно женюсь на ней!» Отец Мирты был другом Фульхенсио Батисты, еще с тех времен, когда тот пришел к власти в результате «переворота сержантов».

Если Фидель резко выступал с критикой тогдашних властей, то Рафаэль Диас–Баларт, напротив, отрицал леворадикальные взгляды и примкнул к партии сторонников будущего кубинского диктатора Фульхенсио Батисты «Народное действие», которую тот организовал и содержал, находясь за границей. Вскоре Диас–Баларт возглавил молодежную секцию батистовской партии. Позже он сыграет роковую роль в разрыве официальных отношений своей сестры и молодого революционера Фиделя Кастро, так и не простив себе, что когда-то познакомил их. Против этих отношений и брака была вся семья Диас–Баларт. Знал бы Фидель тогда, в 1947 году, как резко разойдутся его пути с Рафаэлем, какими непримиримыми врагами они станут, как и с кузеном Рафаэля и жены Мирты – Линкольном Диас–Балартом, конгрессменом–республиканцем от американского штата Флорида!

Но Мирта безумно влюбилась в Фиделя. Это была удивительно противоречивая пара. Скромная Мирта, далекая от политики, и азартный, решивший посвятить себя революционной борьбе Фидель. Его страсть – митинги, акции, выступления. Она любит танцевать, готова кружиться в танце часами.

Они поженились 12 октября 1948 года. Свадьба была роскошной. Родители новобрачных оплатили им свадебное путешествие в Америку, в Нью–Йорк.

Новый, 1948 год обещал быть более жарким в политическом отношении, чем предыдущий. На 1 июня были назначены выборы президента Кубы. В стране кипели предвыборные страсти, резко обострилась криминогенная обстановка. Куба снова вспомнила о заказных убийствах популярных деятелей. В начале января выстрелом в спину был убит один из наиболее популярных в народе профсоюзных лидеров, руководитель Федерации рабочих сахарной промышленности Хесус Менендес. Проститься с ним пришли десятки тысяч человек. Власть, словно отрещиваясь от происшедшего и желая снизить накал народного гнева, предоставила для этой церемонии здание кубинского Капитолия.

Известный кубинский журналист тех лет Марио Кучи–лан вспоминал, что Фидель, пришедший на кладбище вместе с товарищами почтить память Хесуса Менендеса, был очень разъярен и обронил фразу: «А что, если я сейчас поднимусь на могилу и призову народ идти к президентскому дворцу?»⁷²

А вскоре произошла и первая серьезная провокация в отношении быстро набирающего популярность студенческого лидера: Фиделя Кастро обвинили в убийстве. 22 февраля 1948 года на одной из улиц в Гаване был убит однофамилец Фиделя, бывший руководитель Федерации университетских студентов Маноло Кастро, выходец, как и Фидель, из семьи галисийских эмигрантов. Как удалось установить позже, к этому грязному делу оказалась причастна местная мафия. Между тем в университетской среде был запущен слух, будто бы устранение

⁷² Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 33.

студенческого активиста могло быть на руку студентам из союза «Католическое действие» и Фиделю, который таким образом облегчает себе путь к лидерству в Федерации студентов.

Узнав об этом, Фидель немедленно явился в полицейский участок и потребовал снять у него отпечатки пальцев, сделать пробы на дактилоскопию, которые позволили бы определить, стрелял ли он из пистолета, найденного на месте преступления. Следствие установило непричастность Фиделя к убийству Маноло Кастро. Выйдя из участка, Фидель первым делом направился к поджидавшим его репортерам и заявил, что случившаяся провокация является мезью лично ему за разоблачительные выступления против власти и гангстерского режима на Кубе.

Вокруг него сложилась невыносимая обстановка. Он даже вынужден был уехать на время в Биран готовиться к экзаменам. Фидель сильно переживал слухи о себе, а также то, что студенты из католической организации вовсе не стремились его защитить. Это и стало причиной разрыва Кастро с ними и привело в конечном итоге к сближению с партией «ортодоксов» и лично с сенатором Чибасом. Весной 1948 года Фидель включился в предвыборную кампанию Чибаса, который баллотировался в президенты Кубы.

Между тем казнокрадство в высших эшелонах власти и гангстеризм на улицах стали обычным явлением кубинской жизни тех лет. Чего стоит одна трагикомическая история того времени, которую до сих пор помнят в Гаване. В гаванском Капитолии, той самой копии Капитолия вашингтонского, в главном его зале под центром купола, охраняемый самой современной сигнализацией, покоился большой бриллиант. В свое время, при постройке здания в конце 1920–х годов, он специально был куплен в Гаване по личному поручению «антильского диктатора» Херардо Мачадо. В Капитолии он должен был символизировать своеобразное «сердце Кубы» – отсюда происходил отсчет километров от ее столицы до различных ее уголков. Бриллиант лежал на своем месте пару десятков лет и... однажды исчез. Следователи пришли к выводу, что, кроме законодателей и их окружения, никто его своровать не мог. На Кубе многие знали, что в Капитолии «берут» и, образно говоря, отнюдь «не борзыми щенками». Но чтобы украсть национальную святыню – это было уже слишком. Ситуация разрешилась просто. «Муки совести» замучили вора. Он избавился от бриллианта. И подбросил его не абы куда... а на стол президента страны!⁷³ (Теперь под куполом 62–метрового кубинского Капитолия, на возведении которого в течение более чем трех лет трудилось около пяти тысяч рабочих, в пол вмонтирована копия этого 24–каратного бриллианта. После победы революции в 1959 году в этом здании вместо конгресса разместились министерство науки, техники и экологии Кубы, Национальная научно–техническая библиотека и музей. Внутри также находится бронзовая статуя, третья по величине в мире после статуи Будды в Японии и Мемориала Линкольна в Вашингтоне, весом в 49 тонн и высотой 17 метров статуя Республики Куба с мечом и копьем.)

О том, что человеческая жизнь «не стоила и нескольких песо», говорит и тот факт, что за два последних года правления Грау было убито более ста политических противников его режима. Что говорить, если хозяевами «закулисной» жизни страны были даже не кубинские гангстеры, а «филиалы» «классической» американской мафии, той, что зародилась в 1920–е годы в США.

Свои огромные состояния американская мафия на Кубе сделала в конце 1920–х – начале 1930–х годов во времена действия в США сухого закона. С острова, находившегося в сотне миль от Флориды, нелегально поставлялся в США знаменитый кубинский ром, а дельцы, быстро осознав преимущества райского отдыха на Кубе, скупили там все лучшие участки на побережье. «Всего два часа полета и вы будете купаться в роме», – зазывала потенциальных клиентов специально созданная в начале 1930–х годов для полетов на Кубу

⁷³ Куба. М., 1979.

и в другие карибские страны авиакомпания «Пан–Амери–кэн». Вскоре Куба стала местом, где богатый американец мог по полной программе удовлетворить свою прихоть и похоть.

К моменту прихода к власти в результате переворота в 1952 году Фульхенсио Батисты количество публичных домов в Гаване, где проживало 700 тысяч человек, достигло почти восьми с половиной тысяч, в которых трудилось более 22 тысяч девушек! Для пополнения борделей «свежим товаром» по Кубе шныряли гангстерские группировки, похищая девушек прямо на улицах. А когда жрицы любви старели и оказывались невостребованными, они в один прекрасный день пропадали. Некоторые американские блюстители морали любят рассуждать о так называемом «трафике» – торговле людьми, в том числе женщинами для работы в борделях. Но почему бы не вспомнить о том, что поставленная на поток торговля, в том числе и детьми 12—13 лет, началась еще много лет назад, в их вотчине, на Кубе?

Среди мафиози особо выделялся Мейер Лански, подельник и компаньон знаменитого крестного отца американской мафии Лаки Лучиано. Этот выходец из России был своего рода «смотрящим за Кубой». Он стал прототипом главного героя Макса в исполнении Джеймса Вудса в легендарном гангстерском фильме Серджио Леоне «Однажды в Америке».

Лански принадлежало самое знаменитое казино Кубы, которое находилось в роскошной гостинице «Националь». Его родной брат Джек Лански владел казино в гостинице «Хилтон». На Кубе существовала хорошо разветвленная гангстерская сеть, со своими «солдатами» и «чистильщиками», для которых устранить неугодного властям или мафии человека было сущим пустяком.

Мы рассказываем об атмосфере того времени на Кубе для того, чтобы читателям было понятно: Фиделю, вставшему на путь борьбы с существующим режимом, ежедневно угрожала опасность. Рене Родригес, университетский приятель Кастро, считает, что «Фидель остался в живых по счастливой случайности. Много раз его пытались убить, и много раз нам приходилось отрываться от преследования»⁷⁴.

Вскоре Фиделю представился повод на время покинуть страну. Как уже упоминалось, в Федерации университетских студентов Фидель Кастро отвечал за так называемое «латиноамериканское» направление, будучи председателем двух комитетов «За доминиканскую демократию» и «За независимость Пуэрто–Рико». В апреле 1948 года в столице Колумбии Боготе открывался «Антиимпериалистический конгресс латиноамериканского студенчества», который по срокам совпадал с проводимой там же очередной Панамериканской конференцией. Расходы на участие в студенческом съезде представителей латиноамериканских стран оплачивало аргентинское правительство, которое возглавлял знаменитый генерал Перон. При поддержке студенчества и участников Панамериканской конференции генерал намеревался «продавить» антианглийскую резолюцию по так называемым Мальвинским (Фолклендским) островам, предмету острого территориального спора между Англией и Аргентиной.

Но покинуть Кубу Фиделю оказалось непросто. В аэропорту Гаваны его не пустили в самолет. Пограничники посчитали его «невъездным» из-за якобы не закрытого дела по убийству Маноло Кастро. Ему пришлось снова давать показания в полицейском участке и объяснять журналистам, что он невиновен. Лишь после выполнения всех этих утомительных процедур он вылетел в Колумбию через Панаму. Там он остановился на пару дней, чтобы встретиться со студентами, которые подверглись агрессии со стороны американских оккупантов в зоне канала. Американцы расстреляли манифестацию студентов, требовавших возвращения канала Панаме. Было много погибших и раненых. Картина жуткой нищеты и унижения людей в Панаме поразила Фиделя, особенно запомнилась одна из улиц, заполненная кубинскими проститутками, по которой гуляли только американские солдаты.

⁷⁴ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 33.

Перед тем как попасть в Колумбию, Фидель заехал в Венесуэлу, где встретился с молодежными лидерами, в частности с главой партии «Демократического действия» Ромуло Бетанкурром, который вскоре станет одним из самых влиятельных венесуэльских политиков, затем президентом страны и яростным противником кубинского революционного правительства в 1960–е годы.

В Боготу Кастро прибыл 1 апреля 1948 года. Тут выяснилось, что колумбийское правительство, занятое подготовкой Панамериканской конференции, отказывается предоставлять студентам помещения для проведения конгресса. На выручку студентам пришли профсоюзные деятели, а также окружение самого популярного колумбийского политика тех лет Хорхе Гаитана. Выдающийся оратор, преуспевающий адвокат, довольно обеспеченный человек, Хорхе Гаитан, выдвигая в качестве программных тезисы о борьбе с олигархией и американским засильем, баллотировался на выборах президента Колумбии как независимый кандидат в 1946 году. Несмотря на подтасовки, Гаитан набрал большое количество голосов и рассматривался как главный претендент на пост руководителя этой страны на будущих выборах.

В то же время в Боготе активно шла работа по созданию ОАГ («Организации американских государств»). Прибывший в Боготу глава американской делегации Джордж Маршалл, известный как автор «плана Маршалла» для объединенной Германии, пытался навязать план такой экономической помощи латиноамериканским государствам, который поставил бы их в еще большую зависимость от Соединенных Штатов. Между тем студенты выразили поддержку аргентинцам в их борьбе за Мальвинские острова, а также высказались за независимость Пуэрто-Рико от США и за суверенитет европейских колоний в Западном полушарии. Программы студентов носили антиимпериалистический и антидиктаторский характер. Но, по словам Фиделя, тогда у них «еще не было социалистического налета»⁷⁵.

Кульминационным событием конгресса стало избрание председательствующего. На эту роль планировали выдвинуть неприметного молодого кубинского студента, однако, когда на трибуну для выступления вышел Фидель, присутствующим стало ясно, что именно он должен вести последующие заседания. Настолько яркой и убедительной была речь 21-летнего студента Гаванского университета, направленная против диктаторских режимов на континенте и колониального порядка, который пытались установить Соединенные Штаты в Латинской Америке. Студенты решили устроить митинг на главной площади Боготы в день начала Панамериканской конференции и пригласить на него Хорхе Гаитана. Они направили к Гаитану делегацию во главе с Кастро. Их встреча состоялась 7 апреля. Фидель понравился Гаитану, и тот подарил Кастро тексты своих популярных речей, с которыми обращался к народу. Для уточнения деталей выступления Гаитана на студенческом митинге было решено встретиться еще раз. Фидель должен был прибыть к нему днем 9 апреля. Но незадолго до назначенного часа Гаитан был убит тремя выстрелами в спину, когда выходил из своего офиса на обед. Его доставили в центральный госпиталь, где он скончался, не приходя в сознание.

По горячим следам был задержан некий Хуан Роа Сьерра, якобы стрелявший в Гаитана, и возбужденная толпа, не дожидаясь приезда полиции, разорвала его на части. Все попытки исследователей узнать, кто же был заказчиком этого преступления, потерпели неудачу. В архивах спецслужб дело об убийстве Гаитана относилось к категории совершенно секретных. ФБР, например, уничтожило большую часть документов по нему в 1972 году. И лишь в начале 2005 года венесуэльская газета «Веа» сообщила об одном «сенсационном признании». Бывший агент ЦРУ Джон Мепплс Спирито заявил, что он в составе группы агентов ЦРУ принимал участие в операции «Пантомима», которая проводилась в Колумбии при содействии местных спецслужб. Их задачей было физическое устранение Хорхе Гаи-

⁷⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

тана, который пользовался большой популярностью в народе и уверенно шел к победе на выборах президента Колумбии.

Несколько месяцев спустя в Колумбии начались массовые репрессии в отношении гражданского населения и разразилась пятилетняя гражданская война, так называемая «виоленсиа», стоившая жизни не менее 200 тысячам человек.

А тогда, 9 апреля 1948 года, в считанные часы после убийства Хорхе Гаитана столица Колумбии Богота превратилась в арену боевых действий жителей против военных. Разъяренная толпа направилась к президентскому дворцу, чтобы спросить ответа у главы государства. По пути люди врывались в полицейские участки и забирали там оружие. Полицейские, которые в большинстве своем симпатизировали Гаитану, не оказывали никакого сопротивления, а некоторые даже присоединялись к повстанцам. Фидель в одном из полицейских управлений прихватил гранатомет и переоделся в камуфляж. Правда, полицейский офицер, сформировавший группу штурмовиков, отнял у него гранатомет и вручил маузер с шестнадцатью патронами⁷⁶. Но подойти к президентскому дворцу отряду не удалось, он попал под ураганный огонь, который вели с его крыши военные. В этот момент мимо Фиделя проехал грузовик. Вещавший из него в громкоговоритель молодой человек призывал повстанцев немедленно идти на подкрепление к студентам, захватившим радиостанцию «Насиональ». Они передавали в эфир адреса военных казарм и складов, которые надо было немедленно захватить. Фидель вскочил в грузовик и вместе со студентами ринулся на помощь товарищам на радиостанцию. Но, прибыв на место, они увидели несколько трупов у входа в здание, оказавшееся полностью блокированным военными.

Стихийное восстание, как это обычно бывает, переросло в мародерство.

В 2005 году Фидель Кастро впервые рассказал подробности своего участия в событиях тех дней. «Народ все погубил, потому что бросился грабить; что можно было ждать от них с их культурным уровнем и уровнем образования, они походили на муравьев, тащили на себе роюли, холодильники объемом в два кубометра...»⁷⁷ Около 500 вооруженных повстанцев засели в здании 11-го полицейского управления. Майору полиции, «по старшинству» взявшему на себя руководство бойцами, Фидель пытался доказать бессмысленность и «обреченность» тактики выжидания. Но тот, внимательно выслушав доводы Фиделя, приказал бойцам отдыхать... в ожидании завтрашнего дня. Единственное, в чем командир уступил Фиделю, – выделил в его подчинение группу бойцов, с которыми он ранним утром 10 апреля начал патрулировать территорию возле участка. Однако военным и оставшимся верными президенту силам полиции за ночь удалось объединиться и начать нейтрализацию очагов сопротивления. Лидеры либеральной партии, единственной оппозиционной партии в стране, «клюнули на приманку президента», призвавшего их сесть за стол переговоров, но, прибыв в резиденцию главы государства, они были арестованы и брошены в тюрьму.

Утром 11 апреля правительственные радиостанции призвали повстанцев добровольно сложить оружие. Когда решение об этом приняли бойцы, засевшие в здании 11-го полицейского управления, Фидель понял, что пора возвращаться на родину. Переодевшись и избавившись от камуфляжа, Фидель отправился в гостиницу, где остановился на время проведения конгресса, чтобы забрать дорожную сумку и книги, приобретенные в Боготе. Но гостиница оказалась оцеплена солдатами, и в нее никого не пускали. Фидель опешил: он один в чужой стране, без денег и документов – паспорт остался в гостиничном номере, а без него он не мог улететь на Кубу. И, главное, где искать в этом «живом улье», который напоминала Богота, своих товарищей–студентов, он не знал.

⁷⁶ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 40.

⁷⁷ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

Но тут ему в очередной раз повезло. Из проезжавшей мимо машины с аргентинскими дипломатическими номерами ему кто-то махнул рукой. Это был участник студенческого конгресса, заметивший бредущего по улице Фиделя. По просьбе Кастро его отвезли в кубинское посольство, где консул быстро оформил ему необходимые документы и оказал содействие в отправке на Кубу.

Эти десять дней в Колумбии в апреле 1948 года дали будущему главнокомандующему неоценимый опыт. Он понял, что любое стихийное народное выступление обречено на провал, потому что оно не организовано, не имеет авторитетного лидера. Много лет спустя он так оценивал случившееся в Колумбии: «Гаитан был надеждой на мир в Колумбии, и его убийство стало детонатором к народному взрыву, началом восстания народа, который искал справедливости. Перед моими глазами предстал революционный спектакль, спектакль революции, которая происходила совершенно спонтанно»⁷⁸.

Возвратившись в Гавану, Фидель Кастро не утомился, не взял паузу, чтобы прийти в себя, не засел за учебники, а снова ринулся в пучину борьбы. На этот раз избирательной, продолжив работу в штабе кандидата в президенты Эдуардо Чибаса, который считал абсолютно неприемлемым для себя возможность взять власть путем вооруженного восстания или переворота, каким бы жестоким и тираническим ни был существующий режим.

Согласно кубинской конституции, Грау Сан-Мартин не мог баллотироваться на пост президента второй раз подряд. Кандидатом от правящей партии, а вскоре, выиграв выборы, преемником Грау на посту президента стал министр труда в его правительстве, бывший адвокат Карлос Прио Сокаррас. Разгул коррупции и организованной преступности в эти годы пошел по нарастающей. Коррупция на Кубе во многом увеличилась из-за притока денег из США в Гавану, которая стала центром мафии, отмывавшей на острове «грязные деньги». Сокаррас и сам не стеснялся брать взятки. Тем не менее он сумел поработать и на благо страны. В годы его правления были созданы Счетная палата (аналог Бюджетного бюро США), Национальный банк Кубы, стабилизировалась финансовая ситуация, кубинский песо окончательно заменил доллары, находившиеся в обращении на острове.

Хотя в целом в период президентского правления Со-карраса экономическое положение Кубы было достаточно благополучным, годы с 1949-го по 1951-й ознаменовались ростом инфляции, что вынуждало трудящихся требовать повышения заработной платы. Поскольку работодатели им в этом, как правило, отказывали, отличительной чертой кубинской социально-политической жизни были бесконечные забастовки. Прио Сокаррас попытался решить эту проблему, предоставляя субсидии для увеличения заработной платы, а иногда подвергая аресту предприятия. Но результатов это не приносило. Что касается внешней политики, он во всем следовал курсом Соединенных Штатов. И хотя «охота на ведьм» и коммунистов в конце 1940-х годов как в США, так и на Кубе пошла на спад, Прио Сокаррас не упускал повода при каждом удобном случае пройтись по «Советам и коммунистам». 13 августа 1949 года он выступил с заявлением, что поставил «свою страну в авангард борьбы против попыток Востока добиться в холодной войне свержения демократических режимов в Западном полушарии».

Фидель Кастро, вернувшись с женой Миртой в октябре 1948 года из свадебного путешествия по США на Кубу, засел за учебники, чтобы наверстать упущенное за время отсутствия в университете, доздать экзамены и за второй, и за третий курсы. Остается удивляться либеральности администрации Гаванского университета и правилам, в нем царившим. Студенту позволили сдать «хвосты» полуторагодовой давности. Впрочем, в ректорате знали, что Фидель быстро справится с задолженностями. Так и произошло. За несколько недель, сдавая по одному экзамену в два-три дня, он ликвидировал все «хвосты».

⁷⁸ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

Однако вскоре «улица» снова позвала Фиделя. Правительство Грау перед вступлением в должность президента Прио Сокарраса повысило на 20 процентов плату за проезд в общественном транспорте. Это было довольно существенным ударом по скудному бюджету кубинцев, в особенности живших там, где автобус был единственным средством передвижения между селами и городами. В ответ на это студенты в Гаване стали захватывать городские автобусы и перегонять их на территорию студенческого городка, куда, согласно законам «автономии университета», был запрещен доступ полиции. Стражи порядка принялись провоцировать студентов, впервые решившись открыть огонь по их общежитиям. А те в ответ закидывали их пустыми бутылками, гнилыми помидорами и камнями. Не отставал от товарищей и Фидель, при непосредственном участии которого накануне было отпечатано 50 тысяч листовок с призывом к населению Кубы бойкотировать те маршруты автобусов, на которых повысят цены⁷⁹.

В 1949 году произошло два знаменательных события в личной жизни Фиделя. Он убедил родителей отправить на учебу в университет и Рауля, который также поступил на юридический факультет. Считается, что именно с этого момента между братьями Кастро установились особенно доверительные отношения. А 11 сентября 1949 года в семье Фиделя Кастро и Мирты Диас–Баларт родился сын, которого в честь отца назвали Фиделем. Однако он более известен не под своим официальным именем, данным при рождении, а как Фиделито, что в переводе означает – «маленький Фидель».

С осени 1949 года Фидель Кастро стал больше времени уделять семье и учебе. Ему предстояло сдать много предметов по дипломатическому, административному праву и общественным наукам. К тому же с расколом той же осенью 1949 года Федерации университетских студентов общественная жизнь в Гаванском университете зашла в тупик. Значительная часть «старой гвардии» студентов закончила обучение и покинула стены университета, а студенты–новички все реже собирались для дискуссий на привычном месте на площади Каденас.

Первое полугодие 1950 года и свой последний семестр обучения в университете Фидель целиком посвятил сдаче экзаменов. 13 октября того же года ему было присвоено звание доктора юридических наук.

С вступлением в самостоятельную взрослую жизнь Кастро возмужал, осознав, что несет ответственность за жену и сына. Тем более что поддержка отца, материально помогавшего ему в студенческие годы, почти прекратилась, и он сам должен был зарабатывать средства для содержания своей семьи. Из выпускников Гаванского университета были наиболее востребованы именно юристы. Они получали должности в правоохранительных органах, становились помощниками членов конгресса, надевали адвокатскую мантию. По этому пути пошел и Фидель, вместе с двумя однокурсниками создавший адвокатскую контору. Акции протеста, уличные стычки с полицией остались в прошлом. Процедура оформления документов, необходимых для открытия конторы, была формальностью. А вот аренда помещения оказалась проблемой. Несмотря на то, что все трое были выходцами из обеспеченных семей, они принципиально решили не занимать деньги у родителей. И хотя арендатор помещения, состоявшего из маленькой приемной и небольшого кабинета, запросил в качестве предоплаты 120 долларов, три товарища смогли «наскрести» только 80 долларов, таким образом, фактически с самого начала карьеры начав работать в долг.

Конечно, тогда обеспеченные и состоятельные люди не могли быть их клиентами – начинающие адвокаты не имели опыта работы. Поэтому они стали заниматься делами мелких контор и рабочих, которым задолжали деньги за труд. Тут Фидель выявил тенденцию – те, кто имел целые состояния, оказывались самыми прижимистыми работодателями.

⁷⁹ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 47.

Компаньон Фиделя Хорхе Аспиасо вспоминал, что Кастро был всегда чуток и внимателен к рабочим. Однажды Фидель, посетив мастерскую столяра, разуверившегося в справедливости и погрязшего в долгах, настолько растрогался, что достал из кармана последнюю банкноту и незаметно положил ее на стол.

Адвокатская практика Кастро, которая неволью «отвела» его от уличных стихийных выступлений, также дала ему неоценимый опыт аналитической работы над документами. Впрочем, адвокатская деятельность интересовала его значительно меньше, чем сбор материалов, компрометирующих президента Прио Сокарраса.

В 1979 году тогдашний начальник аналитического управления КГБ СССР Н. С. Леонов с санкции своего шефа Ю. В. Андропова и по специальному постановлению Политбюро ЦК КПСС получил добро на трехмесячную работу в кубинских архивах в Гаване. Результатом этого стала книга «Фидель Кастро. Политическая биография», по определенным причинам вышедшая в свет только через 20 лет. «Фиделю удалось собрать острые компрометирующие материалы на Прио Сокарраса, – пишет Н. С. Леонов. – Из этих материалов было видно, что в свое время один из крупных землевладельцев по имени Эмилио Фернандес Мендигутия был отдан под суд по обвинению в изнасиловании 10-летней крестьянской девочки. Его адвокатом на процессе выступал Прио Сокаррас, который в то время еще не занимал поста главы государства, а занимался частной адвокатской практикой. Приговор был таков: шесть лет тюремного заключения и 10 тысяч песо денежного возмещения родителям пострадавшей. Прошло немного времени, Прио Сокаррас стал президентом республики и, злоупотребляя своими правами, он личным декретом помиловал этого преступника.

Но Фидель установил, что, выйдя на свободу, Мендигутия стал играть роль подставного лица, на имя которого приобретались земли президентом Кубы и его родственниками. Таким путем Прио Сокаррасу удалось скупить значительные площади земель в пригородах Гаваны, на которых строились виллы, продававшиеся затем по спекулятивным ценам.

Для того чтобы представленные материалы были еще более впечатляющими, Фидель задумал провести киносъемку не только этих поместий, но и незаконного использования для их обработки государственных технических средств и рабочей силы. Вместе со своим другом Рене Родригесом Крусом, который обладал навыками кинооператора, они ночью незаметно проникали на территорию владений Прио Сокарраса, прятались в надежном месте, а с рассветом начинали снимать разоблачительные кадры. Так удалось снять, как по приказу президента Прио Сокарраса по утрам в поместья привозили на грузовиках солдат, которые целыми днями занимались строительными и садово-огородными работами, на которых к тому же использовалась техника (тракторы, бульдозеры), принадлежавшая министерству общественных работ. Иногда, когда появлялось несколько лишних песо, Фидель арендовал за 20 долларов в час частную авиетку и вел киносъемку с воздуха.

Собранные с таким риском материалы позволили Фиделю возбудить уголовное дело против президента страны, которого он обвинил в незаконном приобретении имущества, нарушении основных положений трудового законодательства, в извращении функций вооруженных сил Кубы, в насаждении латифундий»⁸⁰.

Как и следовало ожидать, это уголовное дело не дошло до суда. Тогда Фидель, несмотря на предупреждения «оставить свое досье при себе» или уничтожить его, решил ознакомить с его содержанием широкую общественность. Он сотрудничал с гаванской газетой «Алерта», из тех немногих, которые не боялись публиковать острые разоблачительные материалы. Кроме того, вел на одной из гаванских радиостанций свою передачу на юридические темы, которая превратилась, по сути, в открытую трибуну для разоблачения деятельности президента страны. После того как в феврале 1952 года в газете «Алерта» Фидель Кастро опубли-

⁸⁰ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 52—53.

ковал материал о связях президента с мафией и преступным миром Гаваны, никто не давал за его жизнь и ломаного гроша. Фидель договорился до того, что обвинил Прио Сокарраса в том, что «он покупал и продавал убийства». Читателей, передававших экземпляры издания из рук в руки, потрясли факты о том, что глава государства лично выдавал руководителям преступного мира по 18 тысяч песо ежемесячно, а многие члены гангстерских банд официально числятся служащими государственных учреждений и при этом не ходят на работу⁸¹.

С 28 января по 4 марта 1952 года Фидель выпустил целую серию статей в газете «Алерта», направленных против правительства Прио Сокарраса. И многие тогда недоумевали: как после столь серьезных разоблачений главарей преступного мира и их сообщников Фидель все еще жив. И друзья и близкие Кастро заговорили о «заговоренности Фиделя», которая всякий раз позволяет ему «уходить от смерти».

Имя Фиделя Кастро, который быстро завоевывал популярность в прогрессивной среде Гаваны, прогремело на всю страну после того, как он успешно провел адвокатскую защиту группы студентов Гаванского университета. Их обвиняли в нарушении общественного порядка. Фидель своей яркой и аргументированной речью настолько поразил присутствующих в зале суда, что председатель судебного заседания пожал ему руку и поздравил его с блестящей защитой. Студенты были оправданы.

Как уже говорилось, в этот период резко обострились установившиеся с 1943 года советско–кубинские дипломатические отношения: был сокращен персонал советского посольства в Гаване, которое стало выполнять по сути лишь протокольные функции. А состоявшийся 18—20 ноября 1951 года конгресс правящей партии «аутентиков» вообще рекомендовал правительству расторгнуть дипломатические отношения с СССР. Впрочем, Прио Сокаррас не успел ее официально узаконить. За него это чуть позже сделал Фульхенсио Батиста.

В том же 1951 году произошло событие, которое потрясло население Кубы и Латинской Америки. Лидер партии «ортодоксов» Эдуардо Чибас во время прямого радиозэфира достал пистолет и выстрелил себе в голову. Трансляцию тотчас прервали. Поступок Чибаса стал для многих шоком. Знающие его люди говорили, что он находился на грани нервного срыва. Накануне Чибас обвинил одного из министров в том, что тот заполучил земельные участки в Гватемале. Однако, втянутый в полемику с правительственным чиновником во время передачи, Чибас не смог эти обвинения доказать. Он пришел в отчаяние и предпочел застрелиться, нежели слышать упреки в клевете. Перед самоубийством Эдуардо Чибас назвал свой поступок актом протеста против надвигающейся военной диктатуры, а перед тем как нажать на курок, произнес: «Товарищи ортодоксы! Вперед!»

Этот совершенно необъяснимый поступок Чибаса так потряс Фиделя, к тому времени ставшего руководителем молодежного крыла партии «ортодоксов», что он долгое время не мог отойти от случившегося. А пойдя на штурм казарм Монкада в июле 1953 года, он даже взял с собой магнитофонную запись предсмертной речи Чибаса, полагая, что она «способна воспламенить даже самых инертных людей». Эту пленку он собирался поставить во время своего выступления по радио после захвата казарм.

Тело Чибаса было выставлено для прощания в Гаванском университете. В день похорон Фидель предложил руководству партии «ортодоксов» направить толпу людей, пришедших попрощаться со своим кумиром, к президентскому дворцу и взять его. Перед похоронами Фидель целую ночь отвечал на вопросы радиожурналистов и настраивал народ на радикальные действия. Правительство было дезорганизовано и охвачено паникой, армия была деморализована и не имела желания подавлять эту массу. «Никто не смог бы сопро-

⁸¹ Там же. С. 54.

тивляться», – вспоминал Фидель. Так был упущен еще один шанс, воспользовавшись ситуацией, взять власть в стране в свои руки.

Это самоубийство внесло в ряды «ортодоксов» смятение. Их позиции и влияние, во многом державшиеся на личной харизме и популярности Эдуардо Чибаса, заметно ослабли.

У Фиделя была личная договоренность с Чибасом, что он войдет в партийные списки на выборах в кубинский конгресс. Однако, когда в феврале 1952 года новое руководство партии огласило список кандидатов для участия в выборах, к изумлению Фиделя Кастро, его имени там не оказалось. Фидель объяснял это так: «Тогда ходили слухи, что я коммунист, – слово, которое пробуждало множество условных рефлексов, созданных господствующими классами»⁸².

Этот случай не выбил Фиделя из колеи, а только его раззадорил. Свое очередное выступление на радио он начал с обращения к слушателям с просьбой поддержать его на выборах. После этого он обзвонил несколько приятелей, которые согласились помочь ему, и, нарушив партийную дисциплину, на время, изъял из сейфа печать партии «ортодоксов». Затем Фидель, с помощью друзей, послал 80 тысячам (!) членов партии, проживавших в Гаване, письма с просьбой о поддержке его кандидатуры. Самый положительный отклик просьба Кастро вызвала в одном из самых бедных районов Гаваны – Кайо Уэсо, где находились мастерские рабочих, еще не забывших, как он помогал им в юридических тяжбах с богачами. Сработало и «сарафанное радио». И вскоре тысячи людей выдвинули Фиделя как независимого кандидата на выборы в конгресс Кубы.

Все предрекало победу на парламентских выборах именно партии «ортодоксов», которая, по предварительным опросам, за три месяца до выборов могла набрать около 50 процентов голосов. Параллельно шла предвыборная борьба за пост главы государства. Однако неожиданно активизировал свою деятельность Фульхенсио Батиста, ставший кубинским сенатором в 1948 году. Причем он ухитрился добиться этого, живя в США. Впрочем, он мог себе позволить тратить на избирательную кампанию средства, которые и не снились другим кандидатам в сенаторы. На деньги, «накопленные» в период своего первого президентства, Батиста создал партию «Народное действие». Он вступил в предвыборную гонку под популистскими лозунгами, обещав повысить зарплату военным и чиновникам госаппарата, и сумел привлечь на свою сторону даже кубинских коммунистов. До политических противников Батисты доходили слухи, что он путем подкупа вербует новых сторонников и призывает под свои знамена «старую военную гвардию», изгнанную из коридоров власти во время правления «аутентиков». Но слухам о готовящемся в среде военных государственном перевороте никто не придавал значения. Слишком гладко прошли на Кубе две предыдущие президентские кампании 1944 и 1948 годов. Но оказалось, Батиста действительно готовился к перевороту, поняв, что его шансы на избрание почти равны нулю.

Летом 2007 года Фидель Кастро в своих «Размышлениях» – цикле статей в главной кубинской газете «Гранма» – утверждал: «Если бы Чибас был жив, Батиста не сумел бы устроить государственный переворот, потому что основатель Партии кубинского народа („ортодоксов“) пристально следил за ним и методически публично ставил его к позорному столбу»⁸³.

Американцы, обеспокоенные ростом влияния левых партий, хотели видеть в качестве президента Кубы именно Батисту. «Симпатичный мулатик», как называли Батисту в Вашингтоне, за четыре, с 1944 по 1948–й, года отдыха на роскошной вилле в Майами успел не только как следует расслабиться, но и установил связи с влиятельными политиками и бизнес-элитой США. На Батисту у американских спецслужб было много компромата. В Белом

⁸² Размышления главнокомандующего. 2007. 27 августа.

⁸³ Размышления главнокомандующего. 2007. 27 августа.

доме понимали, что досье о его связях с мафией – самый действенный способ давления на Батисту, если, придя к власти, он отклонится от «генеральной американской линии». Но путь к возвращению в кресло президента для Фульхенсио Батисты был не таким уж легким. Предварительный опрос населения показал, что Батиста может рассчитывать на выборах на поддержку лишь 14 процентов населения.

По всем прогнозам выходило, что «титул президента» должны «разыграть» два других кандидата: Роберто Агра–монте от «ортодоксов» и Карлос Эвиа, которого поддерживали «аутентики». Поняв, что ему не суждено прийти к власти законным путем, Батиста начал готовиться к ее захвату с помощью военных...

Ранним утром 10 марта 1952 года помощник разбудил президента Кубы Прио Сокараса и передал ему послание от Батисты: «С тобой всё кончено! Я – правительство!»

Глава пятая ШТУРМ МОНКАДЫ

Фульхенсио Батиста был необразованным человеком и слабым политиком. Обидчивый и высокомерный, он во всем старался копировать своего кумира Наполеона Бонапарта. Знакомым он признавался, что сравнивает «заговор сержантов» 4 сентября 1933 года с 18 брюмера, а военный переворот 10 марта 1952 года – с возвращением Наполеона с острова Эльба. Правда, искренне верил, что не повторит финал Наполеона. И в конце жизни его будут ждать успех и слава, а не забвение и одиночество. Кроме того, Батиста исповедовал языческую веру и в решающие для него моменты, особенно когда находился на вершине власти, обращался за советами к личному колдуну. У него был талисман–божок, принадлежавший в Средние века вождю одного из африканских племен. Об этом удивительном талисмানে речь пойдет в другой главе.

Фульхенсио Батисту не зря называли «королем переворотов». Этот бывший сержант, который во время своего первого президентства сам себя произвел в генералы, оказался мастером дворцовых интриг. Причем он не выдумывал какие–то сложные схемы и не плел хитроумные комбинации, чтобы прийти к власти. Он следовал двум самым важным правилам почти всех латиноамериканских заговоров и переворотов. Во–первых, знал, что «внезапно взять власть» в Латинской Америке можно, склонив на свою сторону армию, – нужно просто дать военным установку поставить на место слабовольных гражданских. Во–вторых, не дразнить и не обижать американцев, выполнять их просьбы и поручения, не зарываться и помнить, «кто старший в латиноамериканском доме». Его вовсе не беспокоило то, что компетентным американским органам хорошо известно о его связях с мафией. Однако он не учел того факта, что американцы, используя в своих интересах «людей во власти в Латинской Америке», как правило, позже избавлялись от них, как от отработанного материала.

Людей, обиженных на власть (гражданских и в армейской среде), на Кубе было предостаточно. «Аутентики» перекрыли доступ во властные структуры военным, к началу 1950–х годов полностью «выкурив» из ключевых государственных структур сподвижников Батисты.

«Я верну вас во власть!» – обещал высокопоставленным офицерам Батиста. К тому времени, когда депеша Фульхенсио Батисты о том, что отныне «он – правительство», дошла до президента Прио Сокарраса, в главном военном гарнизоне Гаваны – крепости Колумбия по призыву Батисты, приехавшего туда заранее, уже собрались несколько тысяч военнотружеников.

Оппозиция не смогла, вернее, побоявшись, не оказала генералу и его сподручным серьезного сопротивления. Силы, которые до 10 марта 1952 года считали Фульхенсио Батисту своим противником, вскоре присягнули ему. Республиканская, Либеральная и часть Демократической партии Кубы сразу же перешли на сторону Батисты.

Весть о перевороте, который замыслил Батиста, не стала для Фиделя сенсацией. Он хорошо знал повадки Батисты, анализировал предвыборные расклады. Неожиданностью стало другое – как быстро и, главное, без какого–либо сопротивления со стороны законно избранных властей он был осуществлен.

Ранним утром 10 марта 1952 года ситуация еще была далеко не такой безнадежной. Военные еще не вышли из своей ставки, в Гаване не начались столкновения. Действовать надо было стремительно, не теряя ни минуты. Десятки студентов, высыпав из университетского городка на пустынные улицы столицы, устремились к президентскому дворцу, чтобы

уговорить президента Прио Сокарраса принять решительные меры. Фидель был во главе этой толпы.

«Когда произошел переворот Батисты, у меня уже была выработана стратегия на будущее: запустить революционную программу и организовать народное восстание, – рассказывал впоследствии Кастро. – С того момента у меня в голове была концепция борьбы и фундаментальной революционной идеи: взятие власти революционным путем»⁸⁴.

Толпа студентов подошла к президентскому дворцу в восьмом часу утра. Прио Сокаррас согласился принять группу делегатов, среди которых был Фидель. Студенты попросили главу государства выдать им оружие, чтобы защищать законную власть. Сокаррас пообещал, что через некоторое время грузовики с оружием придут в университетский городок, и призвал молодежь вернуться в общежитие. Однако это обещание оказалось лживым. Прио Сокарраса беспокоило только одно – остаться в живых и найти способ покинуть столицу.

Тем временем Фидель продолжил мобилизацию наиболее радикальных студентов и настроенных по-боевому членов молодежного крыла «ортодоксов». Он вступил в переговоры с некоторыми руководителями этой партии. На словах все они были за вооруженную борьбу против военных мятежников во главе с Батистой. Действия Фиделя одобряли, к его мнению прислушивались. Но вскоре Кастро убедился, что все это фальшь. А затем до студентов дошла информация о том, что Прио Сокаррас покинул президентский дворец и укрылся в мексиканском посольстве.

Время было потеряно. Молодежь в университетском городке, так и не дождавшись «оружия от Прио Сокарраса», стала разбредаться по домам. Рядом с Фиделем остались чуть больше сотни человек. У многих из них, конечно, было оружие, пистолеты, с которыми ходил в кармане каждый уважающий себя гаванский студент. Но разве с ними можно противостоять профессиональным военным?

В полдень Фульхенсио Батиста устроил пресс-конференцию, на которую пригласил журналистов ведущих кубинских изданий и иностранных корреспондентов. Исповедуя главный пропагандистский принцип тиранических режимов – «Самая большая ложь и есть настоящая правда», Батиста заявил журналистам, что якобы Прио Сокаррас готовил государственный переворот, чтобы сорвать предстоящие выборы президента – мол, так боялся потерять власть. И его бегство с Кубы лишь подтверждает поговорку: «На воре и шапка горит». Генерал всячески пытался доказать, что явился «кубинцам во спасение».

Чтобы склонить на свою сторону часть колеблющихся военных, Батиста объявил на всю страну, что своим первым указом повышает жалованье полицейским и военнослужащим. Полиция при Батисте станет своего рода «кубинским гестапо», будет пытаться и убивать осмелившихся встать в оппозицию к режиму.

Своим указом Батиста расформировал Верховный суд страны, разогнал аппарат прежнего президента, набрал в новый проверенных людей из армейской среды. Прекратил действие Конституции 1940 года, которая была принята, когда Батиста в первый раз стал президентом. Это означало конец избирательной кампании на Кубе, которая к тому времени была в полном разгаре. Он упразднил конгресс, отдав законодательные функции подконтрольному ему Совету министров. Не забыл и своих покровителей – назначив сам себя главой переходного правительства до новых выборов, он обещал защитить американские капиталовложения на Кубе. США закрыли глаза на государственный переворот на Кубе и приветствовали возвращение Батисты на пост главы государства. Фульхенсио Батиста заявил, что приложит все усилия для «подавления коммунистического проникновения», и, если США будут втянуты в войну с Советским Союзом, Куба будет воевать на стороне Штатов. Первые решения Батисты так понравились американцам, что тогдашний посол США на Кубе Артур Гарднер,

⁸⁴ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

еще несколько недель назад уверявший в дружбе Вашингтона и Гаваны Прио Сокарраса, теперь заявил, что «история Кубы начинается с 10 марта 1952 года».

21 марта 1952 года временный поверенный в делах СССР на Кубе Фомин посетил заместителя министра иностранных дел Кубы Гюэля, чтобы получить разрешение на въезд в страну советских дипломатических курьеров, которые должны были прибыть в Гавану в тот же день. Гюэль заявил Фомину, что кубинское правительство не может дать такое разрешение, так как оно считает отношения между СССР и Кубой «прерванными». То, что советское правительство не ответило на ноту МИДа Кубы от 11 марта 1952 года о том, что Батиста становится президентом, не поздравило его, означает, что СССР не признает новое правительство Кубы. Советские дипкурьеры, прибывшие 21 марта 1952 года в Гавану самолетом из Мексики, были задержаны на аэродроме, а затем препровождены в самолет, направлявшийся обратно в Мексику. После этого Куба и СССР официально заявили о разрыве дипломатических отношений.

10 марта 1952 года, когда к власти на Кубе пришел Батиста, Фидель Кастро называл одним из самых важных дней в своей жизни. «Винтовку и приказ – вот и всё, что я желал иметь в тот момент», – говорил Кастро. Но ни президент, ни лидеры партии «ортодоксов», проявившие трусость и нерешительность, не рискнули начать вооруженную борьбу с мятежниками. Именно тогда Фидель решил порвать все контакты с политиками подобного рода, которых его младший брат Рауль назвал «людьми–пробками, остававшимися на плаву всегда, при любых политических бурях».

Теперь прогрессивно настроенная молодежь осталась единственной силой, противостоящей Батисте. Федерация университетских студентов возглавляла первые массовые протесты против его режима, начавшиеся чуть позже, в 1953 году. Объединив молодых патриотов, большей частью своих сверстников из молодежной секции партии «ортодоксов», Кастро принял одно из самых главных решений в своей жизни – начать подготовку вооруженного выступления против диктатора.

Фидель с двумя своими товарищами уехал в пригород Гаваны. Здесь в доме одного из активистов молодежного крыла «ортодоксов» написал два документа. Первый – манифест «Военный мятеж», своего рода воззвание к Батисте – стал политической установкой Фиделя и его единомышленников на ближайшие годы. Он был отпечатан на стареньком мимеографе – аппарате для размножения рукописного или машинописного текста. Опубликовать его не рискнула ни одна из газет, даже смелая «Алерта», которая принимала до этого все острые тексты Кастро. Как раз в эти дни отмечалась годовщина самоубийства Чибаса, и друзья Фиделя, соратники по партии, раздавали этот документ всем, кто пришел 16 марта 1952 года на гаванское кладбище Колон почтить память сенатора.

В обращении к Батисте Фидель сразу же перешел в атаку: «Вы совершили переворот не против беспомощного, находившегося в прострации президента Прио, а против народа, да еще сделали это накануне выборов, результаты которых практически были известны заранее <...> Своими действиями вы сеете не мир, а зерна ненависти. Не счастье, а скорбь и горе испытывает наш народ перед открывающейся трагической перспективой <...> Наступил час борьбы и самопожертвования. Отдать жизнь – это значит ничего не потерять, а вот жить в кандалах – это жить в позоре. Умереть за родину – значит стать бессмертным!»⁸⁵

Вторым документом стало обвинительное заключение в отношении Фульхенсио Батисты. Как учили в университете, опираясь только на факты, Фидель Кастро проанализировал антиконституционные и незаконные действия Батисты, приведшие к государственному перевороту, и уже через две недели, 24 марта 1952 года, отнес свое досье в гаванский суд по особо важным и срочным делам. Батиста отменил конституцию, но не отменил уголовный

⁸⁵ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 60.

кодекс. Фидель убедительно доказывал, что генерал нарушил семь уголовных статей, что «тянуло» более чем на 100 лет тюремного заключения.

Как и следовало ожидать, в гаванском суде делу «Фидель против Фульхенсио Батисты» не дали хода. Сам диктатор не придавал должного значения информации о зяте своего товарища, который во второй раз выступил с обличениями в его адрес.

В первые месяцы после переворота Батиста играл роль такого либерального диктатора, для укрепления власти которому было вовсе не обязательно бросать скопом своих политических противников в тюрьмы. Ему нужно было решать «важные государственные дела». Бороться не с одиноким бунтарем, а с потенциально опасными коммунистами. Помогать американцам расширять сферы влияния. Наконец, пополнять собственный карман, иначе зачем он вернулся во власть?

По сравнению с аппетитами Батисты «президентские шалости» Прио Сокарраса, оформлявшего землю и недвижимость на подставных лиц, бравшего взятки чаще через посредников, могли показаться детской забавой. Батиста тоже «брал». Но, как правило, лично и миллионами. «Антильский мулатик» не гнушался, как сейчас принято говорить, и «стильных штучек», вроде телефонного аппарата, сделанного из драгоценных металлов. Это была благодарность крупнейшего монополиста в области телефонных услуг на острове – североамериканской корпорации «ИТТ», которой диктатор «подарил» право повышать по своему усмотрению тарифы на услуги телефонной связи. А в «антологию мирового взяточничества» так и просится история о преподнесенном Батисте ночном горшке из золота, который был любимой «игрушкой» диктатора.

Фидель, по опыту знавший, что неподготовленные военные операции обречены на провал, избрал для себя два главных принципа: дисциплина и конспирация. Это означало, что лидер, которому обязаны безоговорочно подчиняться бойцы, должен лично заниматься их подбором и инструктажем и никого не посвящать в план военной операции: когда и каким образом начнется, а главное, где именно она должна завершиться. Он не сказал о том, что задумал, даже брату Раулю!

Костяк революционного отряда на этапе его становления вместе с Фиделем составили его брат Рауль и члены молодежного крыла «ортодоксов» Хесус Монтане и Абель Санта-мария, которые работали в филиалах американских автомобильных концернов в Гаване. Проанализировав ситуацию, Фидель с товарищами решили начать вооруженную борьбу с Батистой в городе Сантьяго-де-Куба. Во-первых потому, что это отдаленные от столицы места – родная для Фиделя провинция Ориенте, где в лесистых горах Сьерра-Маэстра можно было укрыться. Во-вторых, Батиста и его окружение не рассчитывали, что их противники могут начать вооруженное выступление в провинции. Генерал придерживался принципа: «Кто владеет крепостью Колумбия, тот владеет Кубой», и потому сосредоточил свои силы в этом гаванском гарнизоне. В-третьих, жители Сантьяго-де-Куба и провинции Ориенте, в отличие от аморфных и избалованных гаванцев, на втором этапе операции вполне могли присоединиться к отряду. Три войны за независимость Кубы начинались именно здесь, где традиционно было большое количество рабов. Именно здесь были наиболее сильны антибатистовские настроения, и именно в этой провинции погиб «апостол» кубинской революции, легендарный Хосе Марти. В 1953 году исполнялось 100 лет со дня его рождения, и победа над ненавистным режимом стала бы лучшим подарком для кубинского народа.

Чтобы поднять народ одновременно с началом выступления отряда, необходимо было захватить оружие у противника. Фидель решил взять его во второй по величине военной крепости страны Монкада. Там было расквартировано около полутысячи военных, а названа так она была в честь Ги-льермо Монкады – кубинского патриота, героя десятилетней войны за независимость XIX века. Изучая местность и проводя рекогносцировку, Фидель, по его при-

знанию, проехал около 40 тысяч километров! Итак, Фиделю предстояло понять мотивацию каждого из добровольцев, которые решили присоединиться к его отряду, и уже потом обучать их владению оружием, соблюдению жесткой дисциплины и конспирации. Тогда на Кубе «было множество тех, кто выступал против мошенничества, растрат, безработицы, беззакония, несправедливости, – рассказывал впоследствии Кастро. – Но они считали, что причиной этого являются плохие политики, и не могли понять, что именно политическая система лежала в основе всех проблем. Я был убежден, что влияние капитализма, невидимое для большинства людей, воздействовало на человека так, что он этого не замечал. Существовали убеждения, что с неба спустится архангел для управления республикой, и с приходом которого установятся административная честность и порядок, будут строиться школы и никто не будет воровать деньги, выделяемые на здравоохранение и другие социальные цели. Простые люди не могли понять, что такие понятия, как безработица, бедность, нехватка земель и другие подобные проблемы, архангел не сможет решить, поскольку этому противостояла существующая в стране система собственности. Я был полностью убежден, что эту систему нужно искоренить»⁸⁶.

Фидель лично принимал каждого новобранца в отряд и с каждым проводил агитационную работу. Сам искал надежных людей среди беднейших слоев населения. Отбирал их по таким критериям: человек должен быть патриотом, ненавидеть режим Батисты, быть преданным делу и товарищам, честным, ответственным, готовым идти на смертельный риск. Фидель разговаривал с каждым кандидатом по многу часов ежедневно. Аргументы Фиделя Кастро носили большей частью политический и идейный характер. Большинство в отряде составляла молодежь, примкнувшая к партии «ортодоксов». Приученная к дисциплине, она сразу же стала оправдывать его надежды. А вот принимать в отряд коммунистов и членов организаций католической молодежи, которые были связаны со своими структурами строгой партийной дисциплиной, Кастро не спешил.

Для встреч и бесед с людьми, которые пожелали присоединиться к его отряду, был выбран основной, гаванский офис партии «ортодоксов» по адресу: Прадо, 109. Всем было известно, что туда ежедневно приходило много народу, чтобы пообщаться на животрепещущие темы. Кастро собирал пять—семь добровольцев в небольшой комнате. Людей, которые подходили ему, Фидель сразу же ставил в своеобразную зависимость от себя, при этом не посвящая в свои конечные планы. Вскоре отряд разросся до 1200 человек. Это были молодые парни в возрасте 20—24 лет, проживавшие в Гаване или ее пригородах. Только двоим добровольцам было за тридцать.

Уже после победы кубинской революции историки и исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что в отряде Фиделя Кастро, который намеревался выступить в Сантьяго-де-Куба, почти все бойцы были потомками испанских эмигрантов. Главный упор в идеологической подготовке делался на знакомство с марксистскими трудами. «Если бы мы не изучали марксизм, если бы мы не узнали из книг о политической теории Маркса и если бы мы не были вдохновлены Марти, Марксом и Лениным, мы не смогли бы даже представить себе революцию на Кубе, потому что группа людей, из которых никто не учился в военной академии, не смогла бы начать войну против армии, хорошо организованной, хорошо вооруженной и хорошо обученной, и одержать победу практически без потерь»⁸⁷, – вспоминал эти годы Фидель Кастро.

Инструктаж и обучение новобранцев огневой подготовке взял на себя Педро Мирет, студент инженерного факультета Гаванского университета. Хороший стрелок, давний знакомый Фиделя, он с первых дней вошел в руководящий состав движения. (Позже, в рево-

⁸⁶ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466—146.

⁸⁷ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

люционном правительстве Кастро Педро Мирет займет пост министра сельского хозяйства.) Пользуясь хорошей репутацией у администрации альма-матер, Мирет по вечерам и ночам организовывал во дворе и в подвальном помещении Гаванского университета занятия по военной подготовке. Такие же занятия проводились в охотничьем клубе в Серро и в провинции Пинар-дель-Рио. Молодые люди могли спокойно тренироваться, не боясь быть разоблаченными. Во-первых, потому что по-прежнему сильной была автономия самого университета и полиция должна была получить специальное разрешение, чтобы войти на его территорию. Во-вторых, потому что окружение Батисты искало врагов в более взрослой среде политических оппонентов, а «студенческие забавы» даже не принимало в расчет. Спецслужбы Кубы полагали, что гораздо большую опасность представляют эмигранты, группирующиеся вокруг бежавшего из страны Прио Сокарраса.

Тренировки повстанцев в Гаванском университете по легенде должны были представляться как обычные занятия студентов – будущих солдат и офицеров по общевойсковой подготовке. Кстати, уникальность кубинской революции заключалась в том, что среди ее участников не было ни одного профессионального военного!

Все постигалось путем проб и ошибок. Огневая подготовка проходила... в обычных тирах Гаваны. Причем в целях соблюдения конспирации некоторым бойцам, учитывая их типаж, изменялась внешность.

По предложению Педро Мирета была введена так называемая система революционных «сот и ячеек». Отряд разбивался на небольшие группы, по шесть—восемь, но, как правило, не больше 10 человек, они знали только своего командира и друг друга под псевдонимами. Каждая из таких ячеек была нацелена на выполнение своей специфической задачи, о которой бойцы узнавали непосредственно перед боем.

Фидель, понимавший важность не только устного, но и печатного слова, настоял на выпуске бюллетеня под названием «Обвинитель». Он осознавал, что тем самым нарушает правила конспирации. Но не в его характере было уходить в подполье. Эта «газета-листовка» печаталась на имевшемся у Абея Сантамария ротаторе.

Фидель писал статьи в «Обвинитель» под псевдонимом «Алехандро» («Александр»), выбранный в честь Александра Македонского. Это имя являлось революционным псевдонимом Фиделя до самой победы в 1959 году.

В этом бюллетене 16 августа 1953 года была напечатана статья «Критический обзор деятельности Партии кубинского народа („ортодоксов“)\», в которой Кастро давал понять, что обрывает все контакты с партийными коллегами и встает на свой революционный путь.

Агенты батистовских спецслужб до поры до времени не обращали внимания на эти листовки, полагая, что это часть внутренних разборок в партии «ортодоксов», которые были на руку новым властям. Но когда Фидель Кастро в своей статье «Я обвиняю» не просто осмелился покритиковать, а назвал президента «верным псом империализма, холуем всех послов», терпение спецслужб лопнуло. К тому же им стало известно, что молодые оппозиционеры создали подпольную радиостанцию и намереваются выйти в эфир. И однажды на квартиру, где хранился радиопередатчик, ротатор и листовки, нагрянула полиция. Она арестовала Абея Сантамария, Мельбу Эрнандес и Хесуса Монтане, а технику конфисковала. К счастью, полиция отнесла действия арестованных к «забавам молодости» и, строго предупредив их об ответственности в дальнейшем, освободила из-под стражи. Фидель Кастро лишь по счастливой случайности не засветился в полиции. Он понял, что совершил ошибку, и решил ради конспирации прекратить на время любые публичные антиправительственные выступления, всякие «выходы в народ и эфир».

Фидель все реже бывал в семье. Посвятившая себя воспитанию сына Мирта была абсолютно безразлична к «революционным исканиям» супруга. К тому же на нее оказывали сильное давление родственники. Ее брат Рафаэль, начинавший как руководитель молодеж-

ного крыла батистовской партии, стремительно делал карьеру. Генерал–диктатор не забывал людей, которые остались ему верны, когда он был в опале. Более того, он не забыл одарить семью Диас–Ба–ларт, с которой он сохранял дружеские отношения. Батиста назначил молодого Рафаэля Диас–Баларта заместителем министра внутренних дел. Он передал под его начало тайную политическую полицию, которая должна была следить за оппозиционерами. Таким образом, брат Мирты стал одним из главных идейных противников и врагов ее мужа, Фиделя Кастро. И она, по сути, должна была выбирать, образно говоря, между «зовом предков» и любовью к мужу. В общем, супружеская жизнь дала трещину. Как раз в этот момент Фидель познакомился со светской львицей Гаваны Нати–дад – «Нати» – Ревуэльта. Это была девушка из богатой семьи, обладавшая «мятежным духом и революционным шармом». Она считала себя социалисткой.

«Когда Фидель встретил Нати в начале 1950–х, она казалась кинозвездой, которую боги искупали в оливковом масле, как Аву Гарднер и Риту Хейворт. У нее были большие зеленые глаза, прекрасный рот и волосы цвета воронова крыла. Она была сиреной, которую растили для хорошего замужества»⁸⁸, – писала биограф семьи Ревуэльта Уэнди Джимбел.

Молодая и не менее страстная, чем Фидель, Нати была замужем за старым и уважаемым столичным кардиологом, на прием к которому ходили сливки «гаванского общества». Без ее участия не обходилось ни одно сколь–нибудь значимое светское мероприятие в Гаване. Услышав впервые пламенную речь Фиделя на одном из митингов, Нати Ревуэльта не могла не поддаться его магнетизму. Однажды товарищи по партии попросили Нати спрятать Фиделя на время в ее квартире, когда врач находился на дежурстве. Ключи от элитной квартиры в самом престижном гаванском районе Ведадо Натидад передала Фиделю в конверте, пропитанном ароматом дорогих духов «Шанель». Так начался роман пылкой красавицы и революционного романтика. Для Фиделя Кастро он стал своего рода продолжением его второй, скрытой от чужих глаз, жизни: встречи любовников проходили втайне от всех. Одна из подруг Нати позже вспоминала: «Как только любящая женщина появилась в вестибюле и молодые люди взглянули друг на друга, они, словно пораженные ударом молнии, ослепли и оглохли, сфокусировав весь мир друг на друге. К тому же эта связь для нее ассоциировалась с началом политической деятельности, увлекающей и мятежной, как сама молодость. А он стоял перед красивым храмом и жаждал в него войти»⁸⁹.

Нати Ревуэльта стала играть важную роль не только в личной жизни Фиделя, но и в подготовке молодых патриотов к вооруженному выступлению. Энтузиазм, горячность, активность Нати, не порывавшей с аристократическими кругами, но искренне помогавшей революционерам, не могли не прийтись по душе будущему лидеру революции. Нати Ревуэльта была так влюблена в Кастро, что продала свои фамильные драгоценности и подарки мужа, чтобы «поучаствовать деньгами» в тайной деятельности молодых революционеров.

А деньги будущие повстанцы были вынуждены собирать, что называется, «с миру по нитке». За четырнадцать месяцев в ряды революционной организации вступили 1 200 человек. Было создано около 150 боевых и мобильных ячеек.

В своей речи на суде, известной под названием «История меня оправдает», Фидель рассказал: «Мы собрали свои средства лишь благодаря беспримерным лишениям. Например, юноша Эльпидио Соса продал свою должность и однажды явился ко мне с 300 песо, как он сказал, „для нашего дела“».

Фернандо Ченард продал аппаратуру из своей фотостудии, в которой он зарабатывал себе на жизнь. Педро Марреро отдал на подготовку восстания свое жалованье в течение многих месяцев, и пришлось строго ему приказать, чтобы он не продал также свою мебель.

⁸⁸ 75 лет одиночества // Онлайн–журнал «Супермен.ру». 2003. 7 августа.

⁸⁹ Гавриков Ю. В объятиях диктатора // Новое дело, http://novdelo.ru/smi_article.php?id=2829

Оскар Алькальде продал свою лабораторию фармацевтических товаров. Хесус Монтане отдал деньги, которые он копил более пяти лет. Так поступили многие другие»⁹⁰.

С большим трудом революционеры собрали смехотворную по тем временам сумму, чтобы «делать революцию», – около 20 тысяч песо. На эти деньги можно было вооружить лишь чуть более полутора сотен бойцов, и то не профессиональным оружием, а охотничьим, малокалиберными винтовками, которые продавались свободно в оружейных магазинах. К тому же на руку повстанцам было то, что такое оружие продавалось без регистрации имен покупателей.

В 1999 году Фидель под смех и аплодисменты участников I Международного конгресса по культуре и развитию, проходившего в гаванском Дворце съездов, рассказывал о тех годах с присущей ему иронией: «Нам выпало приобрести революционное сознание, когда уже были самолеты, танки, пушки, средства связи и многое другое, о чем в то время не было даже представления; но поскольку мы верили в определенные принципы и исходили из определенной традиции, мы разработали идею вооруженной борьбы, ее стратегию и тактику. Русские, советские не имели к этому никакого отношения – никто; как никто не поставлял нам никакого оружия, не давал нам ни гроша. Только потом в этом полушарии возникли революционные движения, располагавшие десятками миллионов долларов. Однажды я подсчитал, во сколько обошлись Монкада, „Гранма“ и война в Сьерра-Маэстра, и, возможно, я не ошибусь, если в сумме все это даст 300 тысяч долларов. Так что можно записать еще этот пункт в нашу пользу и сказать, что мы совершили самую дешевую в мире революцию»⁹¹.

К тому же, как выяснилось позже, на суде, эти охотничьи ружья и винтовки были приобретены в кредит и рассрочку через проверенных лиц. Фидель, сам выбиравший для бойцов ружья, отдал предпочтение бельгийским охотничьим ружьям 12-го калибра и американским легким полуавтоматическим, но эффективным в ближнем бою винтовкам 22-го калибра «М-1 спрингфилд». На вооружении в отряде был лишь один автомат 45-го калибра «томпсон», который Фидель считал лучшим оружием для обороны позиций.

Фидель начал разрабатывать операцию по захвату крепости Монкада. Но, поскольку на собранные деньги можно было приобрести не более 150—160 единиц оружия, штурмовать крепость могли только примерно полторы сотни бойцов, а не весь отряд. Те, кто оставались «за бортом», должны были быть в боевой готовности, чтобы присоединиться к отряду после того, как в руки бойцов попадет оружие правительственной армии.

Но еще нужно было решить проблему экипировки. И Фидель придумал гениальный ход. Памятуя о том, какой эффект произвел заговор сержантов 1933 года и как стремительно он произошел, Фидель распорядился раздобыть или пошить для штурмовиков армейскую форму непременно с погонами сержантов батистовской армии. Он знал, что военные, особенно младший армейский состав, часто, почти задаром, продают запасные комплекты формы крестьянам в период сезонных работ. Благодаря солдату, внедренному в гаванскую казарму Колумбия, было приобретено около 100 комплектов армейской формы.

Остальные комплекты были изготовлены из типовой армейской ткани группой женщин-революционерок. Таким образом, все члены отряда превратились в «сержантов» батистовской армии. Революционеры, многие из которых до штурма не знали лично друг друга, должны были распознавать своих в бою по типу оружия, а главное, по обуви – неармейской.

Теперь предстояло найти перевалочный пункт – место в окрестностях Сантьяго, куда накануне штурма должны были прибыть небольшие отряды бойцов. И тут пригодился Ренато Гетарта, единственный из бойцов житель Сантьяго и один из четырех человек, вме-

⁹⁰ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. С. 73.

⁹¹ <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1999/rus/fl110699r.html>

сте с Фиделем, Абелем Санта-мария и Хесусом Монтане, знавший конечную цель штурма. Гетарта досконально знал Сантьяго и его окрестности. Он понимал, что для сбора штурмовиков необходим объект, находящийся в отдалении от дорог и скрытый от посторонних глаз. (То, что в отряде был только один человек из Сантьяго, который мог ориентироваться на местности, сыграет отрицательную роль во время атаки.)

Ренато нашел неподалеку от Сантьяго небольшую ферму «Сибоней», которая сдавалась в аренду. Роль новой «хозяйки фермы» должна была играть Айде Сантамария, сестра Абеля, которой, по легенде, надоело жить в городе, и она решила переехать в сельскую местность и разводить в

«Сибонее» кур. На территории фермы очень пригодился пустой глубокий колодец – его переделали под оружейный склад. Там даже оставалось место, где могли спрятаться несколько бойцов. Кроме того, на ферме был сооружен закрытый навес якобы для содержания клеток с живностью. На самом деле там планировалось поместить часть автомобилей, на которых бойцы должны были двинуться к крепости Монкада.

Штурм был намечен на 26 июля, на третий день ежегодного карнавала в провинции Ориенте. Организаторы операции не случайно выбрали именно этот день. Они знали, что во время карнавала в Сантьяго будут запускаться фейерверки, и никто, привыкнув к пальбе, не будет обращать особого внимания на канонаду и выстрелы. Кроме того, и солдаты, и офицеры в эти дни, как правило, получали увольнительную, расслаблялись, утрачивали бдительность. Наконец, участием в карнавале можно было объяснить приезд в Сантьяго такого большого количества молодых людей на машинах, чтобы повеселиться. Айде Сантамария как бы невзначай упомянула в беседе с местными жителями, что к ней приедут «развезаться» друзья из Гаваны. В дни карнавала снять номер в приличном отеле Сантьяго было большой проблемой, и гаванцы нередко снимали комнаты и дома у местных жителей. Айде Сантамария, без лишних вопросов и не вызвав подозрений, купила в местной лавке двадцать матрасов, на которых могли «переночевать гости».

Самой сложной проблемой было доставить на ферму оружие. Везти его с собой в машинах по дорогам, где было много полицейских, было рискованно. Поэтому решили доставлять винтовки на «Сибоней» заранее, небольшими партиями.

Сбор всех групп был назначен на вечер 25 июля. 165 участников штурма должны были приехать на ферму «Сибоней» на машинах. Некоторым командирам «ячеек» приказали взять машины напрокат не в Сантьяго, а в столице «покататься» на них по улицам Гаваны, чтобы проверить, нет ли слежки, и в случае чего сбить с толку противника. Для каждой ячейки было назначено свое время прибытия на ферму. Большинство повстанцев остановились в квартирах жителей в Сантьяго.

Фидель выехал из Гаваны в Сантьяго в ночь на 25 июля. Ему предстояло преодолеть с водителем около тысячи километров. По пути он заехал в магазин оптики, где приобрел очки. Уже тогда Фидель страдал близорукостью и взял запасные, на случай, если первые потеряет или повредит в бою. Когда вечером 25 июля на ферме «Сибоней» собрались все группы, Фидель и Абель Сантамария обнародовали план операции и «расписали» роли для всех участников штурма. Все было организовано так, чтобы исключить малейшую утечку информации. Даже родной брат Фиделя Рауль до последнего момента не знал, какой объект предстоит атаковать. Фидель посвятил участников операции в свои планы лишь за час до операции.

Но до этого часть бойцов была направлена Фиделем Кастро и Абелем Сантамария для захвата еще одной военной крепости – Баямо, находившейся в двухстах километрах от Сантьяго. Повстанцы рассчитали, что, когда поднимется тревога, первые войсковые подразделения направятся в Сантьяго не из столицы, а из провинции. Взятие Баямо было необхо-

димо в стратегическом плане, для того чтобы повредить железнодорожный мост над рекой Кауто, в нескольких километрах к северу от этой крепости.

В итоге на ферме «Сибоней», помимо Фиделя, осталось еще 134 человека, включая двух женщин – Мельбу Эрнан–дес и Айде Сантамария, которые были взяты в отряд в качестве медсестер. Фидель Кастро объявил бойцам, что атака Монкады состоится в 5 утра, что это «дело рискованное и потому добровольное», а затем попросил тех, кто твердо решил идти за ним, сделать шаг вперед. На своем месте остались 11 человек.

Фидель разделил отряд на три штурмовые группы. Первая, которую возглавил он сам, насчитывала 90 человек. Именно на нее возлагался штурм самой крепости. Восемь человек, в том числе Хуан Альмейда, Хесус Монтане и Ре–нато Гитарта, должны были выдвинуться вперед и бесшумно разоружить часовых у ворот Монкады, затем пропустить внутрь основную колонну автомашин. Бойцам этой ударной группы предстояло стремительно ворваться в казарму и арестовать спавших солдат. У этой группы оказалось самое тяжелое задание: захватить штаб, из которого мог быть подан сигнал тревоги в Гавану.

Другая группа, численностью 24 человека, включая врача и двух медсестер, под руководством Абея Сантамария должна была захватить здание госпиталя и вести в случае необходимости огонь по казарме с тыла, прикрывая отход основной группы. Сантамария должен был занять место командующего всем отрядом в случае гибели Фиделя.

Второй группе поддержки под руководством Рауля и состоявшей из десяти человек предстояло занять здание суда, установить на его чердаке автомат–пулемет и держать под контролем верхние этажи и крышу казармы. Фидель знал, что гарнизон крепости Монкада был вооружен полуавтоматическими винтовками М–1, автоматическими винтовками и пулеметами 30,06 и 50–го калибров и гранатометами. А на крыше казармы было установлено несколько зачехленных пулеметов.

В случае благополучного исхода операции Фидель Кастро и его ближайшие соратники собирались выступить по радио с обращением к кубинскому народу, призвать его к вооруженному восстанию против режима Батисты. А затем, забрав оружие из крепости, укрыться в горах Сьерра–Маэстра и продолжать борьбу.

Годы спустя после штурма Фидель подробно объяснил, что делали бы повстанцы в случае удачного начала операции: «Если бы мы взяли Монкаду, три тысячи единиц оружия было бы в наших руках. Все мы были „сержантами“. Одна прокламация „Восстание сержантов“ должна была повергнуть в хаос ряды наших врагов. Те, кто находились в тюрьме, должны были бы послать письма всем начальникам эскадронов о „новом восстании сержантов“, которое было на Кубе недавно, и эти сержанты смогли добиться многого.

Сразу же после этого мы бы идентифицировались и сказали бы, кто на самом деле взял Монкаду. Потом мы бы распространили оружие по городу, чтобы защититься в случае атаки с воздуха. Для них неважно, есть ли солдаты в крепости или нет. Мы планировали немедленно вынести все оружие из зданий, потому что первая контратака должна была быть с воздуха. Нас беспокоила главная дорога, по которой должны были пойти войска для контратаки. Поэтому наша вторая группа атаковала Баямо. Было необходимо перегородить мост через Кауто на Центральной дороге <...> После крепости мы бы оккупировали местное сельское радио. У нас были готовы все законы, призывание народа к массовой забастовке»⁹².

«Мы представляли собой всего лишь группу людей и не исходили из того, что сможем своими силами свергнуть батистовскую тиранию, нанести поражение армии, нет, – вспоминал Фидель события того рокового дня. – Однако мы полагали, что эта группа людей могла первыми взять в свои руки оружие и начать вооружать народ. Мы знали о том, что хотя группки людей не хватит для свержения режима, однако этого может быть достаточно для

⁹² Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 189.

того, чтобы дать толчок к выходу громадной энергии народа, который безусловно был способен смести этот режим»⁹³. Позже Фидель говорил, что, если бы 26 июля 1953 года у него было еще 200 бойцов или хотя бы 20 ручных гранат, штурм Мон-кады мог бы завершиться победой.

Перед тем как выдвинуться к казармам, Фидель выступил с короткой речью: «Товарищи! Через несколько часов вы сможете оказаться победителями или побежденными, но знайте это, товарищи, как бы то ни было, наше движение победит! Если завтра мы победим, быстрее сбудутся чаяния Марти. Если этого не случится, наше выступление послужит для всего народа Кубы призывом подхватить знамя и идти вперед. Народ поддержит нас в Ориенте и по всему острову. Поколение столетия Марти! Как в 1868 и 1895 годах, здесь, в Ориенте, мы первыми провозглашаем: „Свобода или смерть!“»⁹⁴

После этого к бойцам обратился Абель Сантамария, затем слово снова взял Фидель. Он попросил по возможности избегать убийств солдат и попытаться взять казармы, «нанеся внезапный удар». Каждому из бойцов был выдан стакан молока «на дорожку», и в 4 часа 45 минут они на 16 машинах, примерно по восемь человек в каждой, двинулись в центр города, к Монкаде. Фидель также учел и то, что Сантьяго находится на востоке Кубы и солнце там вставало примерно на полчаса раньше, чем в столице. Таким образом, в 5.15 утра, в то время когда должна была начаться сама операция и все солдаты еще спали, уже было достаточно светло, чтобы атаковать крепость.

Группа Фиделя Кастро разделилась на две части по 45 человек – основную и резервную. На 12 машинах они направились к Монкаде, в самое сердце Сантьяго. Фидель ехал во второй машине колонны, на расстоянии примерно ста метров от головного автомобиля. Вскоре первая машина выехала на прямую дорогу, ведущую к крепости, и потом свернула на обочину, что сделали и все остальные. Из первой машины быстро высадились семь бойцов, в том числе Рена-то Гитарта, чтобы снять охрану на посту. «Освободите дорогу, сейчас прибывает генерал!» – крикнул он. Опешившие солдаты беспрекословно отдали оружие «сержанту» и пошли в казарму.

Когда десант бойцов уже заходил в крепость, Фидель увидел примерно в 20 метрах от его машины патруль из двух солдат с автоматами Томпсона, которые приготовились стрелять в передовую группу.

Повстанцы, наблюдавшие за объектом во время подготовки к операции, никогда не видели, чтобы патруль появлялся на этом месте. Тем более не могли предположить, что он окажется здесь в столь ранний час. Как выяснилось позже, эти солдаты были дополнительно выделены для охраны казармы на время карнавала. Они приняли эту группу за заблудившихся гуляк. Но тут неожиданно раздался выстрел, который стал роковым и привел к провалу операции.

Вот как описывал эти события впоследствии сам Фидель: «Мне в голову мгновенно пришла мысль: нейтрализовать эту парочку, пока они не начали стрелять в наших товарищей, и завладеть их оружием. Когда я увидел, что солдаты целятся из автоматов в сторону поста, я быстро выбрался из машины, чтобы их схватить. Я шел за ними с ружьем в левой руке и с пистолетом в правой. Я был рядом с ними, за полуоткрытой дверью машины.

Солдаты и не увидели бы наши спрятанные машины, если бы не услышали шум от моей. Тогда они направили оружие в нашу сторону. Я, все еще оставаясь за полуоткрытой дверью, пригнулся. И все, кто был в салоне, тоже пригнулись. Потом нам наконец-то удалось их схватить.

⁹³ Капто А. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально-политическому журналу». М., 1996.

⁹⁴ Заря над Островом свободы // Дуэль. 2003. 22 июля.

Когда мы пытались нейтрализовать патруль, один наш товарищ выстрелил. Этот выстрел слышали в крепости и подняли сигнал тревоги. Тогда наша первая группа напала на пост. Началась перестрелка. Звуки выстрелов смешивались с сигналом тревоги. Все мои бойцы, как и было задумано по плану, проникли в крепость и взяли здание, достаточно большое, по архитектуре такое же, как и все остальные постройки в крепости. Но это был военный госпиталь, который наша группа не должна была брать по плану»⁹⁵.

Резервная группа, почти все бойцы которой имели винтовки, а не легкое охотничье оружие, как авангард, из-за незнания гаванскими водителями местности, прозевала поворот, отклонилась от маршрута и заблудилась в незнакомом городе.

Впрочем, ситуация тогда еще была далеко не безнадежной. Группа Абеля Сантамария успела переместиться к баракам, примыкающим к казарме, захватив больницу. А группа, в которой находился Рауль, без единого выстрела захватила здание суда.

Позже, многократно анализируя ситуацию, Фидель Кастро поймет, что, составляя план операции, он и его товарищи не предусмотрели путей отступления, а самое главное, не продумали, что делать в «нештатной ситуации». Для них такой ситуацией стал невесть откуда появившийся патруль.

В результате началась стрельба, в казарме поднялась тревога, и бойцы лишились своего главного козыря – фактора внезапности. Сражение, которое должно было начаться внутри крепости, произошло за ее пределами. Правда, передовая группа проникла в крепость и успела захватить склад с оружием, а также взять в плен около 50 солдат. Но часовые на крыше уже расчехлили пулеметы и изготвились к стрельбе. В результате группа Абеля Сантамария, которая не должна была в эти минуты вступать в бой, была вынуждена «ввязаться в драку».

Вдобавок у передовой части отряда оборвалась связь как с группой Ренато Гитарта, захватившей пост, так и с отделением Абеля Сантамария. В этих и без того сложных условиях труднее пришлось именно «ячейке» Абеля. Они должны были всего лишь подстраховать бойцов Фиделя. Но именно этой малочисленной «группе огневой поддержки» пришлось «принять весь огонь на себя».

Случилось то, чего больше всего опасался Фидель. Их отряд представлял из себя несколько разрозненных групп, увязших в локальных стычках и к тому же потерявших связь друг с другом. Трагичнее всего складывалась ситуация у отряда Абеля Сантамария. Мало того что у этих бойцов не было достаточно патронов для затяжного боя, они оказались окружены. Группа Абеля специально открыла огонь по казарме с тем, чтобы отвлечь внимание военных от передовой группы, прикрыла ее отход и, как оказалось, пожертвовала собой. Двадцать бойцов во главе с Абелем Сантамария до тех пор, пока не закончились патроны, героически отбивали атаки нескольких сотен солдат. В результате большая часть отряда Абеля, так и не дождавшись ни поддержки, ни приказа к отступлению, попала в плен. Показателен тот факт, что избежать расправы этим ребятам всячески помогали пациенты госпиталя. Они даже дали им больничные халаты, а один из пациентов все-таки сумел спасти самого молодого члена отряда Рамона Ферреса, выдав его за своего внука.

Противники Кастро потом нередко говорили, что Фидель попросту забыл об Абеле Сантамария, который в плену, через несколько часов после захвата, принял мученическую смерть. Вообще критики Кастро часто делали упор на то, что любая яркая «звезда», появлявшаяся на революционном небосклоне рядом с Фиделем, сравнимая с ним по таланту и силе народной любви (Абель Сантамария, Че Гевара, Камило Сьенфуэгос), быстро «сгорала», погибая при до конца невыясненных обстоятельствах. Некоторые студенческие лидеры тоже обвинили Фиделя Кастро в «безответственности и трусости», но ему уже было все равно.

⁹⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 171—172.

В бою блестяще проявила себя немногочисленная группа под руководством Рауля Кастро. Мало того что его бойцы успели захватить пленных, они разоружили патруль у здания суда и заперли его вместе с пленниками в одной из комнат этого учреждения. Фидель даже не догадывался, в какую сторону ушел его брат. Связь между ними на время была утеряна.

Перестрелка в казарме продолжалась почти два часа. Штурмующих Монкаду революционеров было в 15 раз меньше, чем ее защитников. Стало ясно, что вскоре в Сантьяго придут силы из Гаваны. Кроме того, из-за потери фактора внезапности потерпела неудачу операция в Баямо и бойцы, находившиеся там, не смогли захватить и взорвать железнодорожный мост.

«Можно было продолжать наступление, но мы бы ничего не добились, и жизни моих товарищей мне были важнее, – вспоминал Фидель. – Пришел момент, когда я дал команду отступать. Я находился посередине улицы, недалеко от КПП, у меня было ружье 12-го калибра, а на крыше одного из зданий стоял пулемет 50-го калибра, который мог заблокировать улицу. Мне пришлось взять его на себя, пока все уезжали на машинах. Каждый раз, когда я пытался подбежать и завладеть брошенным оружием, он стрелял.

Я не видел ни одного стоящего солдата. Я втиснулся в последнюю машину и, только оказавшись внутри, увидел нашего оставшегося бойца. Я выпрыгнул из машины и уступил ему место. И машина уехала.

Я остался совсем один, на середине улицы, один. Я стоял перед входом в крепость, и в этот момент мне была безразлична смерть. Вдруг откуда-то выскочила машина. Не представляю, как и почему эта машина направилась ко мне и забрала меня. Я никогда не спрашивал деталей моего спасения. Я хотел поговорить с этим человеком, который меня спас, но, как всегда, не хватало времени. К сожалению, он умер лет через десять после этого»⁹⁶.

Этот человек, которого, как выяснилось позже, звали Сантана, продолжил череду чудесных спасений Кастро. Сантана отвез его на ферму «Сибоней». В колонне отступающих было три или четыре машины.

Фидель решил поехать в хорошо знакомое ему местечко Каней в провинции Ориенте. Там произошла одна из важнейших битв второй войны за независимость 1898 года, и он замыслил атаковать находившуюся там небольшую военную крепость. Но, увидев опустошенные глаза бойцов, шокированных провалом штурма Монкады, Фидель понял, что их сложно будет поднять еще на одну операцию. Фидель также понимал, что не может помочь людям, оставшимся в Баямо и в Монкаде, но не собирался складывать оружие. Он намеревался уйти в горы. Из 40 человек, которые в конечном итоге вернулись на ферму «Сибоней», на призыв Фиделя пойти с ним откликнулись только 19. Но тех, кто остался на ферме, вскоре захватили в плен и зверски замучили.

Утром 26 июля Батиста созвал экстренное совещание и устроил разнос своим генералам. Он приказал немедленно отправить в Сантьяго части спецназа и беспощадно подавить бунт: поймать всех мятежников, выяснить любыми способами, включая пытки, кто является организатором штурма крепости, сопротивляющихся казнить на месте и выдавать их за павших в бою. Более того, диктатор приказал убить по десять революционеров за каждого солдата своей армии, погибшего при защите Монкады, и представить кубинцам и миру мятежников как террористов, направивших свои акции против мирного населения. Когда на молодых революционеров пресса начала выливать «ушаты грязи», Фидель сказал: «Нас женили на лжи и заставляли все время жить с нею»⁹⁷.

⁹⁶ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 173.

⁹⁷ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 74.

Уже через несколько часов были зверски убиты захваченные в плен Абель Сантамария и почти все бойцы из его отряда. По счастливой случайности из отряда Абеля остались в живых лишь Айде Сантамария и Мельба Эрнандес. Правда, этим девушкам на допросе прижигали кожу сигарами. Еще живому Абелью выкололи глаза и преподнесли во время допроса его сестре, травмировав ее психику на долгие годы. Какой-то сержант принес глаз брата Айде и сказал: «Это глаз твоего брата, если ты не скажешь то, что он не захотел нам сказать, мы вырвем ему и второй». Айде, сильно любившая своего брата, мужественно ответила: «Если вы вырвали у него глаз и он вам ничего не сказал, я тем более не скажу вам ничего». Остается поражаться стойкости Айде, ведь в эти дни погиб не только ее брат, но и жених Борис де ла Колома. Когда солдаты сообщили Айде о гибели жениха, она невозмутимо ответила: «Он не мертв, потому что умереть за родину – значит жить!» (Сегодня все глазные больницы и клиники на Кубе носят имя Абеля Сантамария.) Когда мать Абеля и Айде возвращалась из тюрьмы Бониато, в автобус, в котором она ехала, сел убийца ее сына, один из самых кровожадных батистовских палачей Эулилио Гонсалес по прозвищу «Тигр». Узнав о том, что вместе с ним едет несчастная мать Абеля и Айде, он начал бахвалиться своими «подвигами»: «Да, я вырвал много глаз и буду продолжать делать это». Фиделя же этот случай лишь укрепил в ненависти к режиму Батисты: «Рыдания матери от этого трусливого оскорбления, которое нанес ей убийца ее сына, лучше, чем любые слова, свидетельствуют о невероятном моральном падении, которое переживает наша родина»⁹⁸.

Если в боях за Монкаду было убито всего шестеро повстанцев, то в следующие несколько дней каратели убили 55 человек. Казнили без суда и следствия. Им вводили в вены воздух, чтобы вызвать закупорку кровеносных сосудов, выпускали якобы на свободу, а затем стреляли в спину. Их закапывали по грудь в землю и использовали в качестве мишеней, сбрасывали с крыш высоких зданий, раненых волокли по лестницам, пока они не умирали. Вот свидетельство судебного патологоанатома, осматривавшего трупы повстанцев: «Все фиделисты были одеты в мундиры цвета желтоватого хаки, под которыми были рубашки и брюки. Все мундиры оказались целыми. Никаких следов пуль на них не обнаружено. На некоторых трупах мундиры были вывернуты наизнанку. Когда их раздели, то стала видна вся жестокость, садизм, жертвой которых они стали <... > У большого числа трупов голова была раздроблена автоматной очередью, выпущенной в упор. У многих были изуродованы половые органы. У других были выбиты зубы. У троих были вырваны глаза. Не было ни одного, кто бы не был подвергнут страшным пыткам, прежде чем быть приконченным»⁹⁹.

Фидель на суде представил ужасающую картину расправы над безоружными людьми: «Происходило истребление людей руками прекрасно вымуштрованных профессиональных убийц. Казарма Монкада превратилась в фабрику пыток и смерти, а некоторые недостойные люди превратили военный мундир в подобие передника мясника. Стены были забрызганы кровью, пули застревали в стенах вместе с кусками кожи, брызгами мозга, волосами, опаленными выстрелами в упор. Газон во дворе крепости был залит темной и липкой кровью. Руки убийц, которые вершат судьбами Кубы, начертали для пленных при входе в эту камеру смерти надпись, которая висит у входа в ад: „Оставь надежду всяк сюда входящий“»¹⁰⁰.

Тогда же, 26 июля, Батиста узнал, кто является лидером повстанцев, и приказал уничтожить Фиделя на месте. Ходили слухи, что спецназовцы имели разрешение не просто казнить Фиделя, а перед убийством кастрировать его.

Покинув ферму, отряд Кастро направился на юг, якобы к побережью, чтобы сбить с толку пытавшихся проследить за незнакомцами. Затем повернул к горному массиву Гран-

⁹⁸ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 80—81

⁹⁹ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 75.

¹⁰⁰ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 77.

Пьедра. По пути им повстречалась убогая хижина, где жила старая негритянка, помнившая еще те времена, когда в XIX веке в горах провинции Ориенте сражались бойцы за независимость Кубы. В ее доме не оказалось ни крошки хлеба, но она подарила бойцам все сигареты, что хранила для себя, и дала в сопровождающие своего внука, который провел отряд на самую вершину Гран–Пьедра, находившуюся на высоте более тысячи метров над уровнем моря.

От идеи пересечь горный хребет и продолжить борьбу в провинции пришлось отказаться: военные взяли под контроль все дороги. Между тем состояние раненых бойцов, лишенных лекарств, ухудшалось. Фидель решил переправить шесть человек обратно в Сантьяго к доверенным людям, тем более что военные бросили все свои силы на поиски беглецов в горном массиве и не ожидали, что мятежники вернуться обратно по тому же пути, которым уходили. Оставшимся повстанцам пришлось передвигаться почти по вертикальному склону. Фидель единственный в группе имел альпинистские навыки, но даже ему было трудно. Однажды передохнуть им пришлось на таком крутом склоне, они привязались к деревьям, чтобы не свалиться вниз.

Шел четвертый день поисков группы Кастро. Военные уже расстреляли тех бойцов, которые не успели покинуть ферму «Сибоней», арестовали четверых раненых из шести, пробиравшихся в Сантьяго. Кардинал Кубы Артеага, узнав о жестоких расправах над безоружными и ранеными людьми, попросил военных прекратить казни повстанцев, но расправы не прекращались. По узким горным дорогам разъезжал на джипе архиепископ Сантьяго мONSEНЬОР Перес Серантес и в громкоговоритель призывал повстанцев сдаться под гарантии церкви о сохранении жизни.

Фидель предложил товарищам дойти до местечка Чивера, пересечь на лодке залив до другого берега и продвигаться в сторону самой большой в провинции горной гряды Сьерра–Маэстра. Кастро был уверен, что искать их в этом направлении не будут. Мог ли он в юности, занимаясь альпинизмом на горных склонах родной провинции Ориенте, представить, что всего через три с половиной года ему придется искать убежища именно в горах Сьерра–Маэстра?

Перед тем как пересечь залив, повстанцы решились навестить крестьянина по фамилии Сотело, чей дом находился под покровительством епископа. От него Кастро узнал, что большая часть его товарищей, штурмовавших Монкаду, убиты. Вестей о Рауле не было. Одно обнадеживало – под давлением церкви и общественности военные прекратили расправу над пленными. Все силы бросили на поиски Фиделя и его ближайших соратников. Предложение Фиделя двигаться дальше поддержали только двое из них – Хосе Суарес и Оскар Алькальде. Остальные бойцы предпочли поверить слову церкви и сдаться.

Фидель с двумя товарищами отправились в путь. И тут они, усталые и измученные, допустили ошибку: свернули на дорогу, чтобы найти место, где можно было поспать, собраться с силами. Нашли сарайчик, где крестьяне обычно оставляют свои рабочие инструменты, и впервые за шесть дней заснули не на земле, а в помещении, где было сухо и относительно тепло. Уснули мертвецким сном, забыв выставить одного человека в караул.

Через несколько часов они проснулись от шума, цокота копыт и лязга передернутых затворов. Позже так и не удалось выяснить, сдал ли трех бойцов военным тот самый крестьянин, или их случайно обнаружил патруль, прочесывавший местность.

В который раз Фидель Кастро оказался на волосок от смерти. Солдаты спросили у Фиделя и товарищей их имена. Кастро представился «Франсиско Гонсалесом Кальдеро–ном», сказал, что он и его спутники из «Армии освобождения» – так назывались вооруженные отряды патриотов, воевавшие против испанских колонизаторов в XIX веке. Конечно же им не поверили.

Ослепленные жаждой мести солдаты уже были готовы нажать на курки, когда раздался повелительный голос: «Не трогайте их!» Из-за спин солдат вышел высокий чернокожий лейтенант. Этот немолодой человек, которого звали

Педро Саррия, стал еще одним ангелом-хранителем Фиделя. Оттащив озлобленных солдат от измученных беглецов, Саррия повел пленников к армейскому грузовику.

«Лейтенант успокаивал людей как мог. Он всё говорил: „Не стреляйте, идеи не стреляют...“ – вспоминал впоследствии Фидель. – „Идеи не стреляют“. Это он бормотал сам себе. Не знаю, слышали ли это солдаты <...> Я помню этих разозленных солдат. Когда я споткнулся, они нас ударили прикладами так, что мы все упали на землю, и навели автоматы. Я сказал: „Не стреляйте, когда я на земле. Если хотите стрелять, стреляйте, когда я стою“. Мне разрешили встать и повели дальше. Лейтенант Саррия, который шел рядом со мной, сказал тихим голосом: „Вы очень отважные, ребята, очень отважные“.

Когда я увидел, как ведет себя этот мужчина, я сказал ему: «Лейтенант, я и есть Фидель Кастро». Он мне быстро ответил: «Никому это не говорите, никому». То есть и до этого момента он знал, кто я. Знал ли он, что я сделал? Мы зашли в дом к одному крестьянину, который жил недалеко от дороги, там был автобус, нас погрузили в него. Там уже были солдаты с другими пленными»¹⁰¹.

Впрочем, некоторые источники утверждают, что Кастро не был расстрелян на месте, потому что Педро Саррия знал, что сохранение жизни лидеру повстанцев гарантировано лично католическим архиепископом Сантьяго Пересом Се-рантесом. По свидетельству Альфредо «Чино» Эстевеля, который называл себя одним из самых близких друзей Кастро в молодые годы, немалая заслуга в том, что Фиделю была сохранена жизнь, принадлежала его супруге Мирте Диас-Ба-ларт, которая попросила об этом одного из близких знакомых Батисты, имевшего влияние на диктатора, а также на архиепископа¹⁰².

Для безопасности лейтенант Саррия взял Фиделя в кабину автобуса и посадил между собой и водителем. Не успела машина проехать несколько десятков метров, как дорогу ей преградил отряд спецназовцев с автоматами, возглавляемый майором. Это был один из самых жестоких карательных отрядов, задействованных в поиске повстанцев. Майор Перес Чаумонт, в те дни прославившийся особо изощренными пытками заключенных, охотился на братьев Кастро. «Дай его мне», – приказал Чаумонт чернокожему лейтенанту. Однако Саррия и бровью не повел, спокойно ответил: «Пленник мой» и добавив, что сам отвезет свой «трофей» в Сантьяго. Так он во второй раз спас жизнь Фиделю.

Пытки захваченных в плен соратников Фиделя происходили в казарме Монкада. Педро Саррия понимал, что, если он доставит «разыскиваемого номер один» именно туда и отдаст в руки военных, Фидель проживет максимум несколько часов, несмотря на гарантии церкви. «Если бы меня повезли в Монкаду, меня бы там расстреляли, не оставив ни кусочка тела без пули, – рассказывал Фидель. – Только представьте мой приезд туда! <...> Все уже было предусмотрено. Даже было объявлено в газетах о моей смерти. <...> 29 июля появилась эта новость. Я все еще был в горах. Тогда меня еще не поймали. В те дни я умирал несколько раз»¹⁰³.

Автобус с пленными, покругив по улицам Сантьяго, так чтобы не попасть в руки военных Монкады, приблизился к крепости Вивак, охраняемой полицией, а не солдатами. Саррия знал, что Вивак был гражданской тюрьмой, а это означало, что заключенные находились под юрисдикцией трибуналов. Лейтенант сдал пленных под расписку караула и тепло

¹⁰¹ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 184—185.

¹⁰² «El fallido golp de Castro al cuartel Moncada», American Experience/ FidelCastro/ Gente y Eventos/ PBS, <http://www.pbs.org>

¹⁰³ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 185.

попросился с Фиделем, пожелав ему всего хорошего. Так лейтенант в третий раз стал спасителем Фиделя.

Карьера Педро Саррия в армии так и не сложилась. Выросший в семье батраков, он не смог смириться с тем, что служит в армии, воюющей против народа. Когда Повстанческая армия под руководством Фиделя начала одерживать первые победы, батистовцы вспомнили о строптивом лейтенанте, который, передав Фиделя полиции в июле 1953 года, сохранил ему жизнь. Его уволили из армии и уперли в тюрьму. Когда победила революция и стихла эйфория, Фидель распорядился разыскать лейтенанта.

В этом проявилась еще одна из черт характера Фиделя: он всегда помнил о злодеяниях врагов и был предельно честен и благодарен тем людям, которые его выручали.

В 1959 году Педро Саррия получил повышение по службе в Революционных вооруженных силах, был назначен капитаном–помощником у президента Кубы Дортикоса Торра–до, а впоследствии командиром президентского эскорта. К сожалению, этот «мужественный и достойный человек», как называл его Фидель, прожил недолго, подхватил лихорадку, ослеп и вскоре умер. Кастро лично шел во главе похоронной процессии в 1972 году, провожая гроб с телом Саррия. Педро Саррия был похоронен со всеми воинскими почестями.

В тюрьме, куда доставили Кастро, уже находились несколько десятков его товарищей. Первыми из них его увидели через решетку женщины – Айде Сантамария и Мельба Эрнандес. Весть о том, что он жив, быстро распространилась среди заключенных и была встречена с ликованием. «Там, в застенках Монкады, после штурма были моменты, когда нам действительно хотелось умереть, потому что мы не знали, что с Фиделем. Мы сидели там с абсолютной уверенностью, что если Фидель жив, то будет жив и пример Монкады, что если Фидель жив, то будет много других Монкад... А если Фидель погиб, то все наши потенциальные герои будут жить для нас, но кто их откроет для нации, как умел открывать он. И, узнав, что Фидель жив, мы сами ожили, ожила вся эпопея Монкады, выжила Революция»¹⁰⁴, – вспоминала Айде Сантамария.

Только в тюрьме Фидель наконец–то узнал, что жив его брат Рауль. Его схватили двумя днями раньше на дороге, ведущей в Биран. Там он планировал укрыться. Рауль назвался другим именем, разыграв из себя человека, возвращающегося с карнавала в Сантьяго. Поскольку в те дни арестовывали всех молодых людей, вызывавших подозрение и не имевших при себе документов, Рауль был доставлен в Вивак для проверки личности. Но там нашелся негодяй, опознавший его. Не миновать бы братьям Кастро смерти, если бы в Сантьяго не съехались журналисты всех ведущих кубинских изданий и корреспонденты западных газет. В этих условиях скоропалительная казнь мятежников выглядела бы, по меньшей мере, странной. Но почему братьев Кастро не приговорили к пожизненному заключению, так и осталось загадкой. Может быть, на их пути встретился такой же человек, как лейтенант Саррия? Впрочем, и роль жены Мирты, просившей за Фиделя в «высоких инстанциях», безусловно, нельзя умалять.

По одной из версий, что ходила в американских СМИ, за Кастро перед Батистой лично «замолвил» словечко архиепископ Кубы Артеага, который был знаком с отцом братьев, доном Анхелем Кастро. Еще одна, более правдоподобная, версия заключается в том, что казненные без суда и следствия в период зачисток повстанцы стремительно обретали на Кубе ореол мучеников. И Батиста, все еще грезивший о том, что он добьется популярности в народе, решил прекратить расправы над участниками штурма Монкады, отдав дело в руки суда.

Но, в любом случае, ждать милости от судей Фиделю и товарищам не приходилось. Уже на следующий день после поимки Фиделя повстанцы из тюрьмы в Виваке были пере-

¹⁰⁴ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 80.

ведены в тюрьму небольшого провинциального городка Бониато. Фиделя начал допрашивать начальник тюрьмы полковник Чавиано. Фидель Кастро сразу же взял на себя всю ответственность за штурм Монкады. Больше всего Чавиано интересовало то, кто на самом деле за этим стоит. Он не верил, что на это могли решиться молодые люди, не имевшие опыта политической и повстанческой борьбы, денег и связей. Потому следователь упорно пытался найти связь между повстанцами и бывшим президентом Карлосом Прио Со-каррасом. Фидель ответил, что повстанцев никто не финансировал, что оружие они покупали на собственные деньги в оружейных магазинах, не прося ни у кого помощи извне.

Все попытки журналистов пробиться к Фиделю были безрезультатными, в газетах появлялись скудные заметки, что «Кастро пойман и сидит в тюрьме». Наконец, следователи снизили до того, что разрешили побеседовать с ним журналисту одной из пробатистовских газет, и Кастро получил возможность наконец – то объяснить смысл своих действий. «Фидель стоял в центре, держался очень прямо. Если не ошибаюсь, на нем была светлая рубашка с короткими рукавами и брюки, выцветшие на коленях. По-моему, они были из джинсовой ткани. Было заметно, что его лицо с пробивающейся бородой опалено солнцем, – вспоминал журналист. – Он в сжатой и конкретной форме рассказал о программе, которую ставили перед собой революционеры в случае победы. Он отметил, что они намеревались восстановить суверенитет народа, обеспечить крестьянам право оставаться на своей земле, гарантировать людям, жившим сельским трудом, безопасность от насильственных выселений и от безработицы в так называемые мертвые сезоны, допустить трудящихся к участию в прибылях, создаваемых их трудом, подтвердить права мелких землевладельцев, дать медицинскую помощь нуждающимся в ней, а детям – школы и учителей, оздоровить государственную администрацию и сделать более достойной жизнь всей страны. „Одним словом, мы хотим возродить Кубу“»¹⁰⁵, – заключил Кастро.

Сальвадор Лью, университетский знакомый Фиделя, после революции эмигрировавший в США, вспоминал: «Когда Батиста взял власть, Фидель увидел свой шанс стать национальным лидером. Поэтому он и атаковал Монкаду. Он знал, что проиграет, но станет известным всей стране. Фидель поставил на карту свою жизнь, он ведь не знал, убьют его или нет»¹⁰⁶. А для Игнасио Раско, который учился с ним в колледже и в Гаванском университете, известие о том, что Фидель напал на Монкаду, вовсе не было неожиданностью. Еще с детства он знал, что Кастро способен «свернуть горы»: «Помню, он поспорил на пять долларов с другим студентом, который его спровоцировал, что на полной скорости въедет на велосипеде головой в стену в школьном коридоре. Он въехал и без сознания попал в больницу. Но пять долларов выиграл. Я всегда смотрю на этот дурацкий случай, как на репетицию нападения на Монкаду»¹⁰⁷.

Фиделю впоследствии часто задавали вопрос: а не проще ли было просто убить диктатора? «Мы были против Батисты, но никогда не использовали покушение <... > – отвечал он. – Подготовить атаку на самого Батисту было бы в десять раз легче, но мы никогда этого не делали. Тирания существует для совершения революции. Если просто убить диктатора, не изменишь то, что вызвало тиранию <... > Люди, которые готовили атаку на Монкаду, могли убить Батисту в его усадьбе, по дороге или где-нибудь еще, но у нас была идея: убийство диктатора не решит проблемы. Также мы много обсуждали, что коммунисты напали на банки. В истории СССР некоторые говорят, что Сталин напал на банки. Теория нападения на банки для изъятия денег на самом деле противоречила самой коммунистической идее. Это было очень непопулярно на Кубе, специфической стране, где банки и банкиров

¹⁰⁵ Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 80.

¹⁰⁶ Первухин Н. 75 лет одиночества // Супермен.ру.

¹⁰⁷ Там же.

очень уважали. Это не вопрос этики, это вопрос на самом деле практики: помогало ли это революции или врагу»¹⁰⁸.

Известие о штурме группой молодых парней второй по значимости военной крепости в стране быстро разнеслось по Кубе. «Безумству храбрых» на Кубе пели песни, и число сторонников Фиделя Кастро росло с каждым днем. Его перевели в одиночную камеру, опасаясь, что он будет «дурно» влиять на своих товарищей. К нему приставили конвоиров, которые старались унижить его при каждом удобном случае. Почти на два с половиной месяца до суда Фидель Кастро был изолирован от всего: от общения с родными и товарищами, от новостей и книг, ему не давали письменных принадлежностей, чтобы записывать свои мысли, которые он мог бы огласить на суде. Но у Фиделя была феноменальная память. Он заучивал наизусть фрагменты будущего выступления, выстраивая их в четкое логическое повествование. Свою легендарную речь «История меня оправдает» Фидель Кастро сохранил в памяти и произнес на суде, а потом спустя несколько месяцев сумел восстановить ее практически без помарок уже в письменной форме на более чем ста страницах!

Конечно, готовя обличительную речь против режима Батисты, он не мог не вернуться к анализу причин того, почему штурм Монкады закончился неудачей. И тогда, и много десятилетий спустя после победы революции Фидель был убежден, что, если бы не непредвиденный случай – появление патруля у ворот казармы, – не потеря фактора внезапности, Монкада была бы взята. Фидель Кастро повторял, что если бы ему пришлось снова придумать план атаки на Монкаду, то он был бы абсолютно таким же. Другое дело, смогли бы молодые люди воспользоваться победой и поднять на восстание всю страну. «Если бы такая революция, как наша тогда (в 1953 году), имела успех, Советский Союз не сделал бы ради Кубы того, что позже сделало советское руководство, уже освободившееся от тех темных, скрытных методов, с энтузиазмом воспринявшее социалистическую революцию, совершившуюся в нашей стране. Это я хорошо понял, несмотря на мою справедливую критику в адрес Хрущева за факты, слишком хорошо известные»¹⁰⁹.

Находясь в полной изоляции, Фидель объявил голодовку. Он хотел лишь одного – минимального общения с кем-нибудь. И добился своей цели. «В определенный момент мне поменяли стражников, которые меня охраняли, потому что некоторые из предыдущих уже стали друзьями. Они искали специально людей, наполненных ненавистью, но все равно среди них оказался друг, – вспоминал Фидель о томительных днях в ожидании суда. – В дни голодовки, когда мне приносили еду, я кричал тюремщикам: „Не хочу я еду, скажите это моему Чавиано!“ – он был шефом тюрьмы в Монкаде. В итоге им пришлось услышать меня и разрешить поговорить с моими товарищами. Нам надо было согласовать даты и поступки для суда, чтобы наши показания не различались. Мне разрешили побыть с товарищами только 24 часа, потом меня снова заключили в одиночную камеру, но эту битву я выиграл»¹¹⁰.

Процесс над повстанцами начался 21 сентября 1953 года. Заключенных перевезли из тюрьмы Бониато в то самое здание суда в Сантьяго, которое успел захватить во время штурма Монкады Рауль Кастро со своей группой. На скамье подсудимых предстало 30 человек. Количество солдат, находившихся в небольшом зале суда, в несколько раз превышало общее число заключенных, ближайших родственников и журналистов. Все дороги, ведущие в Сантьяго из других городов, были взяты под усиленный контроль военных, будто в городе и провинции было введено чрезвычайное положение.

¹⁰⁸ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 239.

¹⁰⁹ Размышления главнокомандующего. 2008. 22 января.

¹¹⁰ Там же. С. 188.

Чтобы изолировать Фиделя от большинства своих товарищей, для которых, безусловно, нахождение с ними рядом их лидера имело важнейшее значение, было сфабриковано заключение тюремных врачей: якобы Фидель Кастро по состоянию здоровья не может находиться на процессе в общей группе и слушания в его отношении переносятся на определенный срок. В итоге Фиделя начали судить позже, с теми немногими ранеными, взятыми в плен, которые находились в тюремном госпитале. «Врачи оказались людьми благородными, – говорил потом на суде Фидель. – Оказывается, в тот же вечер в тюрьме побывал полковник Чавиано, который заявил им, что я своими выступлениями в суде наносу огромный ущерб правительству, что они должны подписать документ о том, что я якобы болен и, следовательно, не могу присутствовать на заседаниях суда. Врачи сказали также, что они готовы отказаться от своей должности и даже подвергнуться преследованиям, что они предоставляют мне право решать и вручают свою судьбу в мои руки. Мне было тяжело просить этих людей, чтобы они жертвовали собой, но в то же время я никоим образом не мог согласиться, чтобы осуществились подобные замыслы. Я предоставил им решать по велению совести и сказал только: „Вы должны знать, в чем заключается ваш долг, свой я хорошо знаю“. После ухода из камеры врачи подписали документ»¹¹¹.

Это было 25 сентября, а через день судебные врачи, снова посетив Фиделя Кастро, констатировали, что у него нет никаких проблем со здоровьем. Несмотря на неоднократные требования суда, его по-прежнему не приводили в зал заседаний. Тем временем неизвестные лица распространяли сотни фальшивых листовок, в которых содержались призывы «выкрасть Фиделя из тюрьмы». «Это было глупое алиби для того, чтобы физически уничтожить меня при „попытке к бегству“.

После того как эти планы провалились благодаря их своевременному разоблачению со стороны бдительных друзей, а фальшивое медицинское свидетельство стало достоянием гласности, у них не оставалось иного способа воспрепятствовать моему присутствию на суде, кроме открытого и наглого неисполнения распоряжений суда»¹¹², – говорил Фидель.

В ответ на провокации со стороны администрации тюрьмы и лично полковника Чавиано Фидель в очередной раз продемонстрировал, что подлые, язвительные «уколы» противника не подавляют его, а наоборот, служат стимулом для контрнаступления. Он взял на себя свою защиту, отказавшись от адвокатов. Обвинение, разрешившее Кастро защищаться самому, потирало руки, думая, что ему будет сложно противостоять обвинению. Но процесс показал, что если кто и выиграл в этом случае, так это Фидель. Он выстроил свою защиту в наступательном стиле, делая упор на невиновность повстанцев, аргументируя все их действия стремлением восстановить конституционный строй, попранный Батистой. Обвинение не знало, что замыслил Фидель и какова будет логика его действий на суде. Если бы у него был адвокат, их разговор можно было бы подслушать. А так обвинителям приходилось только догадываться, что «выкинет» на процессе непредсказуемый Кастро. Самой большой ошибкой обвинения было то, что Фидель получил возможность вести свой монолог в суде как «подзащитный и адвокат в одном лице», и, будучи подсудимым, он имел все привилегии, которые имел на суде адвокат. Мало того что он мог протестовать, обращаясь к судье «Ваша честь!», допрашивать свидетелей и приглашать своих, он имел право надеть традиционную мантию адвоката и занимать место не в клетке для подсудимых, а в адвокатской ложе!

Фульхенсио Батиста, узнав о промашке судей, пришел в ярость. Он приказал сократить число журналистов на процессе, ограничив его проверенными людьми, чтобы не создавать рекламу Фиделю Кастро. Тон газетных статей должен был быть нейтральным, тексты

¹¹¹ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. С. 46.

¹¹² Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. С. 47.

лаконичными, речи Фиделя не должны были цитироваться вообще. Кроме того, процесс над Фиделем Кастро из здания суда перенесли в здание того самого госпиталя, где 26 июля укрывались от расправы с помощью больных бойцы отряда Абеля Сантамария, в крохотное помещение, где работали медсестры. К тому моменту Фидель уже знал о приговорах, которые были скоропалительно вынесены его товарищам, практически лишенным квалифицированной защиты. Рауль Кастро и трое оставшихся в живых руководителей ячеек получили по 13 лет тюремного заключения, 20 бойцов по 10 лет, трое были приговорены к трем годам. Айде Сантамария и Мельба Эрнандес, которые проходили по делу как «медсестры», получили по шесть месяцев тюремного заключения. Но власти не удовлетворились вынесением приговора «монкадис–там», они хотели морально добить повстанцев, а заодно и унижить Фиделя, оказать на него психологическое давление в преддверии его решающего выступления на суде. Рауль Кастро впоследствии так вспоминал об этом: «Батистовские власти привели Фиделя и посадили на скамейку перед входом в тюремное здание, надеясь унижить его, лишитъ присутствия духа. Перед ним заставили пройти остатки отряда бойцов Монкады, плененных, истерзанных и физически опустошенных. Но эффект получился обратным, чем тот, который ожидался нашими врагами. Им не удалось ни унижить нас, ни лишитъ присутствия духа, потому что на всех нас, составлявших ту маленькую группу, произвело необыкновенное впечатление поведение Фиделя, который, с гордо поднятой головой, решительный и непокорный, смотрел на нас, передавая нам свою уверенность в том, что мы не побеждены и что это только начало борьбы!»¹¹³

Стоицизм и сила воли у Фиделя раскрылись в полном блеске в один из самых критических моментов жизни, когда он шел на последнее заседание суда, спокойный, хладнокровный, готовясь произнести самую важную в своей жизни речь, которая получила название «История меня оправдает» по последней фразе, брошенной им в лицо своих обличителей. Она была произнесена 12 октября 1953 года в тесной, четыре на четыре метра, комнатке военного госпиталя. Судьи догадывались, что Кастро готовит необычную речь, а потому резко ограничили не только размеры помещения, но и число присутствующих в последний день судебного заседания. Но не могли себе и представить, что речь Кастро, изредка прерываемая стороной обвинения и судом, превратится в грозный политический памфлет и продлится более трех с половиной часов.

Перед тем как представить суду свою философию и политическую программу, которая должна была стать финальным аккордом его выступления, Кастро подробно рассказал о том, как готовилась операция, с каким трудом изыскивались средства на покупку оружия. Фидель остался один на один с судьями, его товарищи уже получили свои сроки, и теперь только он сам, без опасения подставить соратников, действительно отвечал за то, что сделал. Пусть приговор ему будет более строгим, но для Фиделя было главным доказать, что операция не была спланирована кем–то извне, что повстанцы не получали «миллион песо от экс–президента Прио Сокарраса», как утверждали его враги. Фидель вообще был крайне чувствителен к тому, что не только его победы, но даже его единственное поражение приписывались кому–то другому. «Наша революция такая же кубинская, как наши пальмы», – сказал однажды Фидель Кастро.

«Правительство заявило, что нападение было проведено так организованно и точно, что это свидетельствует об участии военных специалистов в разработке плана. Более абсурдного обвинения нельзя и придумать! – говорил на суде Фидель. – План был разработан группой юношей, из которых никто не имел военного опыта. И я могу назвать их имена, за исключением двух, которых нет ни среди плененных, ни среди убитых: Абель Сантамария, Хосе Луис Тасенде, Ренато Гитарт Россель, Педро Мирет, Хесус Монтане и тот, кто сейчас перед вами

¹¹³ <http://www.chefidel.narod.ru/fidel.html>

выступает. Половина из них погибла; отдавая должную дань уважения их памяти, я заявляю, что они не были военными специалистами, однако они были достаточно хорошими патриотами для того, чтобы при равных условиях разбить наголову всех генералов, участвовавших в событиях 10 марта, ибо те не являются ни военными, ни патриотами»¹¹⁴.

Фидель опроверг утверждения обвинения, что повстанцы «были страшно далеки от народа» и что жители Сантьяго ни за что бы не поддержали повстанцев: «Жители Сантьяго–де–Куба полагали, что бой идет между солдатами. Кто сомневается в храбрости, патриотизме и безграничной смелости непокорного и любящего родину населения Сантьяго–де–Куба? Если бы Монкада попала в наши руки, то даже женщины Сантьяго–де–Куба взяли бы в руки оружие! Много винтовок зарядили нашим бойцам сестры гражданского госпиталя! Они тоже сражались. Этого мы не забудем никогда!»¹¹⁵

Фидель вогнал в краску своих обвинителей, когда с присущей ему страстностью говорил, что молодые люди, шедшие в бой вместе с ним, не имели целью расправиться с такими же, как и они, молодыми солдатами, не пытали и не добивали раненых в отличие от карателей Батисты. Фидель, который, находясь в почти полной изоляции, непостижимым образом (наверное, благодаря упомянутому им «другу» среди конвоиров) сумел получить информацию о почти каждом (!) пленнике, замученном батистовцами, поверг в шок немногочисленных присутствующих в зале. Он рассказал, как его друзей, взятых в плен, военные закапывали в землю, как их жестоко избивали, а у некоторых отрезали половые органы, как Абелью Сантамария выкололи глаза. При этом Фидель Кастро не забывал назвать имена честных офицеров, которые не опозорили честь мундира и не истязали безоружных людей, добровольно сдававшихся в плен.

Через два дня после того, как начался суд над ним, за три недели до оглашения ему приговора, уже после того, как направился по этапу отбывать долгое тюремное заключение его младший брат Рауль, Фидель послал весточку своим старикам. «Мои дорогие родители! Я надеюсь, что вы меня простите за то, что я поздно пишу вам. Не думайте, что это из–за моей забывчивости или черствости. Я очень много думал о вас, и меня больше всего беспокоит, как у вас идут дела и какие же на вас свалились страдания ни за что и ни про что из–за нас. Суд уже идет два дня. Он протекает хорошо, и я доволен его ходом. Разумеется, нас осудят, но я должен бороться и отвести наказание от всех невинных людей. В конечном счете людей судят не судьи, а история, а ее вердикт будет, в конце концов, безусловно, в нашу пользу. Я взял на себя свою собственную защиту и, думаю, достойно воспользовался этим правом. Больше всего я хочу, чтобы вы не считали, будто тюрьма является для нас чем–то отвратительным. Она никогда не бывает такой для тех, кто защищает справедливое дело и выражает законные чувства всего народа. Все великие кубинцы, которые создавали нашу родину, прошли через те же испытания, через которые нам приходится идти сейчас. Кто страдает за нее и выполняет свой долг, всегда найдет в своей душе более чем достаточно сил, чтобы спокойно и уверенно переносить превратности судьбы. Речь идет об одном–единственном дне; если сегодня судьба преподносит нам часы горечи, то это потому, что свои лучшие времена она заготовила нам на будущее. Я абсолютно уверен, что вы поймете меня и постоянно будете помнить, что ваше спокойствие и мир будут для нас лучшим утешением <...> Впредь я буду писать вам чаще, чтобы вы знали о нас и не беспокоились. Любящий и часто вас вспоминающий сын Фидель»¹¹⁶.

Одна из иностранных журналисток, которая увидела на процессе тогда безусого и безбородого Фиделя, отметила, что за его «железной непробиваемостью» и могучеством скры-

¹¹⁴ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 53.

¹¹⁵ Там же. С. 57.

¹¹⁶ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 83.

вается тонкая натура: «Он очень высок, и кажется, что стесняется своего огромного роста. Он мне напоминает Христа на некоторых иконах, Христа с черными миндалевидными глазами, внимательными и всевидящими. Он очень скромен, даже застенчив, в нем, пожалуй, чувствуется какая-то беспомощность, хрупкость, возможно, это ощущение создает его детская улыбка»¹¹⁷.

После того как Кастро обнародовал замысел и ход операции, когда ответил на все интересующие обвинения вопросы касательно штурма Монкады, он наконец огласил свою политическую программу. А точнее идеологически обосновал то, почему начал бороться с антиконституционным режимом Батисты, рассказал, как представляет себе свою дальнейшую борьбу и какова конечная ее цель. Будь судьбы на процессе провидцами, сидеть бы Кастро в тюрьме пожизненно. Но и обвинения, и судьи восприняли вторую часть выступления Фиделя как обычный «монолог в пользу бедных». Сколько уже было таких «выскачков» в истории Кубы и Латинской Америки, примерявших тогу героя? Даже Хосе Марти, с его харизмой, и тот не смог «победить ветряные мельницы», пав на поле боя...

Противникам Кастро на процессе было невдомек, что он придает совершенно другое значение избитым популистами и мягкотелыми оппозиционерами терминам. Что он буквально по полочкам раскладывает все цели не просто своей борьбы, а своего дальнейшего существования, дает четкое определение тех идеалов и ценностей, за которые положили головы его товарищи и к чему будет стремиться он сам, как только выйдет из тюрьмы. Это было не абстрактное обращение к нации, которыми любят пудрить мозги болтливые политики. Специфика кастровского выступления состояла в том, что он не обращался, а «говорил» с самыми униженными и оскорбленными, на их же языке, объясняя, зачем он ввязался в драку и чего хочет добиться с помощью тех, кто готов ему верить: «Когда мы говорим „народ“, мы имеем в виду не зажиточные и консервативные слои нации, которым по нраву любой угнетающий режим, любая диктатура, любой вид деспотизма и которые готовы бить поклоны перед очередным хозяином, пока не разобьют себе лоб. Под народом мы понимаем, когда говорим о борьбе, огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предают, но которая жаждет иметь лучшую, более справедливую и более достойную родину. Мы имеем в виду тех, кто веками рвется к справедливости <...> кто хочет мудрых и больших преобразований во всех областях и готов отдать за это всё до последней капли крови, когда верит во что-то или в кого-то, особенно если достаточно уверен в себе»¹.

Рамки привычного понимания, что именно рабочие являются оплотом революции против власть имущих, были тесны для Фиделя. Он мыслил шире, с позиций в некоторой степени идеалиста, возвращенного на трудах Марти, с позиций латиноамериканца, с его образной эстетикой и бурным темпераментом привыкшего оперировать глобальными категориями свободы, независимости, справедливости. «Когда речь идет о борьбе, мы называем народом 600 тысяч кубинцев, которые не имеют работы и хотят честно зарабатывать хлеб, а не быть вынужденными эмигрировать из страны в поисках средств к существованию; 500 тысяч сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах и работающих всего четыре месяца в году, в остальное время голодающих, разделяющих нищету со своими детьми <...>; 400 тысяч промышленных рабочих и чернорабочих, чьи пенсионные кассы целиком разворованы <...>; мы говорим также о 100 тысячах мелких земледельцев, которые живут и умирают, обрабатывая землю, не принадлежащую им, глядя на нее с грустью, как Моисей на землю обетованную <...>. Мы говорим также о 30 тысячах самоотверженных учителей и преподавателей, принесенных в жертву, людей столь необходимых для лучших судеб будущих поколений, но с которыми так плохо обращаются, им так мало платят за труд; мы

¹¹⁷ Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. www.i-u.ru/biblio/archive/alekseev_skromniy/

говорим и о 20 тысячах мелких торговцев, отягощенных долгами, разоряемых кризисами и окончательно добываемых множеством грабителей–чиновников и взяточников; о 10 тысячах молодых специалистов: врачах, инженерах, адвокатах, ветеринарах, педагогах, зубных врачах, аптекарях, журналистах, художниках, скульпторах и т. д., которые покидают учебные аудитории с дипломами, с желанием бороться, полные надежд, а попадают в тупик, натываясь повсюду на закрытые двери, безразличие к их просьбам и требованиям. Вот это и есть народ – те, кто переживает все несчастья и поэтому готов бороться со всей отвагой! Этому народу, пе– 1 Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 63.

чальные пути которого вымощены фальшивыми обещаниями и ложью, – этому народу не скажем: «Мы вам всё дадим». Мы ему скажем: «Отдай борьбе все силы, чтобы свобода и счастье стали твоим достоянием»¹¹⁸.

Фидель не случайно сделал акцент на последней фразе. Он дал понять, что не имеет ничего общего ни с популистами, ни со словоблудами, которые обещали «принести на блюде» счастье кубинскому народу. Фидель не обещал дать свободу. Он предлагал народу взять свободу самому, присоединившись к его движению. От витиеватых и косноязычных выступлений политиков того времени Фиделя отличало то, что он говорил с народом, следуя его логике, с той неповторимой сочной «уличной образностью», которая неизменно усиливает впечатление от услышанного и прочитанного. Потрясающе просто он охарактеризовал режим, установившийся на Кубе: «Однажды собрались 18 авантюристов, они решили ограбить республику, бюджет которой равнялся 350 миллионам. Один из них сказал другим: „Я вас назначаю министрами, а вы меня назначьте президентом“. Сказано – сделано. Затем он позвал 20 своих телохранителей и сказал им: „Я вас назначаю министрами, а вы меня назначьте президентом“. Так они друг друга назначили генералами, министрами, президентами и прибрали к рукам казну и республику»¹¹⁹.

Фидель говорил о сотнях прохиндеев, укравших у государства миллионы, но не проведших ни одной ночи за решеткой. О богачах, которые поджигали свои магазины и торговые лавки, чтобы получить страховку, а простые люди погибали на этих пожарах. Сравнивал чиновников, за одну ночь становившихся миллионерами, с персонажами Бальзака, «миллионерами, только что взошедшими на трон».

Фидель Кастро так проникновенно и с такой болью говорил о нищете и беспросветности жизни на Кубе, что судьи потупили взор: «Общественные школы в деревне посещают босые, полураздетые и полуголодные дети, да и они составляют менее половины всех детей школьного возраста... От такой нищеты может избавить только смерть, и уж в этом деле государство действительно оказывает помощь. 90 процентов деревенских детей страдают от паразитов, которые попадают к ним из земли, через ногти их босых ног. Общество бывает потрясено сообщением о похищении или убийстве какого–нибудь одного ребенка. Но оно остается преступно безразличным к факту ежегодного массового убийства стольких тысяч детей, которые из–за отсутствия средств медленно умирают в ужасных муках»¹²⁰.

Безусловно, Фидель Кастро лишь обозначал приоритеты. Земля, жилье, здравоохранение, образование, безработица, индустриализация – шесть самых главных из наболевших проблем, которые, свергнув режим Батисты, должна решать новая власть, были сформулированы задолго до победы, именно на этом суде, в 1953 году. Ему бы думать о том, «как бы живым остаться», а Кастро рассуждал о том, чем должен будет заняться народ, взяв власть.

Во время курса реабилитации после операции летом 2006 года Фидель неожиданно вспомнил об одной детали того процесса. «... В вещах бойцов нашли даже книгу Ленина,

¹¹⁸ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 63–64.

¹¹⁹ Там же. С. 95.

¹²⁰ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 68–69.

изданную в СССР, – она была приобретена благодаря кредиту, которым я пользовался в книжном магазине Народно–социалистической партии на проспекте Карлоса III в Гаване». «Кто не читает Ленина, тот невежда», – сказал Фидель на одном из первых заседаний процесса, когда этот факт выдвигали в качестве обвинения.

Речь Фиделя, позже написанная им по памяти, впоследствии вышла отдельной книгой, разошедшейся за десятилетия миллионными тиражами на всех континентах. А тогда, находясь в заключении, он частями передавал ее текст на волю, чтобы его сторонники рассылали эту речь по почте, разносили по конторам, раздавали на митингах. Уже спустя несколько месяцев после процесса она была опубликована стотысячным тиражом на испанском языке и имела оглушительный успех.

Ряд основных новаторских идей из речи Фиделя Кастро, родившихся у него в результате осмысления неудачного штурма Монкады, безусловно, заслуживают упоминания. Кастро был убежден, что революция может победить в условиях Латинской Америки и профессиональная армия не является непобедимой. Он считал, что самый правильный путь к достижению власти – партизанская война и полем битвы должна стать провинция, деревня, поддержанная городом. Он был уверен, что основные субъективные факторы созревают в ходе самой войны, а для победы нужно единство всех революционных сил, несмотря на различия между ними, объединенных на почве борьбы с общим врагом. Лидеры революции должны воплощать в себе такие черты, как преданность, смелость и политическая дальновидность. (Именно такие качества были присущи Фиделю, Че Геваре и Камило Сьенфуэго, Раулю Кастро.) Наконец, Фидель считал, что рабочим, участвующим в революции, нужно помочь организовать как классу – это ускорит падение режима, который их угнетает. Кастро хорошо знал, что бедой всех партизанских движений, свергавших антинародные режимы, являлось то, что после победы эти боевые партизанские формирования как бы «оттирались от власти» поднатюрившими в словесных баталиях с режимом оппозиционными партиями и политиками всех мастей. Поэтому конечной и самой важной целью должно быть не просто свержение прежнего режима, а удержание в своих руках обретенной власти.

Но тогда, в октябре 1953 года, до реализации этих целей было еще очень далеко. Суд, устав слушать обличительную речь Фиделя, попросил его закончить выступление. Он не стал просить у судей пощады, не стал раскаиваться и на последнем дыхании произнес: «Что касается меня, я знаю, что тюрьма будет для меня тяжелым испытанием, каким не была никогда ни для кого другого. Она полна для меня угроз, низкой и трусливой жестокости. Но я не боюсь тюрьмы, так же как не боюсь ярости презренного тирана, который отнял жизнь моих 70 братьев! Выносите ваш приговор! Приговорите меня! Это не имеет значения! История меня оправдает!»¹²¹

Как истинный оратор, он вложил в это последнее предложение всю квинтэссенцию, весь смысл своей вдохновенной речи.

Прокурор просил суд приговорить Фиделя к 26 годам тюремного заключения, хотя статья Уголовного кодекса Кубы, по которой его судили, предполагала от 5 до 20 лет лишения свободы. Суд признал Фиделя Кастро виновным в организации вооруженного нападения на Монкаду и приговорил к 15 годам заключения. Фидель воспринял этот приговор спокойно и с достоинством. Уже 17 октября 1953 года он был переправлен из тюрьмы Сантьяго для отбытия наказания на остров Пинос, где стал «заключенным номер 4914».

Остров Пинос, нынешний остров Молодежи (Хувентуд), в Средние века называли «логовом флибустьеров». Многократные попытки испанских колонизаторов «разбомбить» на Пиносе пиратское осиное гнездо заканчивались провалом. Мрачный остров представлял собой хорошо укрепленный каменный форпост с почти вертикальными склонами, подсту-

¹²¹ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 103.

павшими прямо к воде. В конце концов, когда испанцам удалось наконец–то овладеть непокорным островом, они не нашли ничего лучшего, как превратить его в место заточения. Так пиратский остров стал островом–колонией, куда ссылались самые непокорные противники колонизаторского режима.

Темные и сырые казематы, куда редко пробивалось солнце, наводили смертельную тоску на заключенных и конвоиров. В этих застенках в конце XIX века томился апостол кубинской революции Хосе Марти, он отбывал заключение на так называемой усадьбе «Эль–Абра». Единственным крупным сооружением на острове в то время была тюрьма «Пресидио модело» («Образцовая тюрьма»). Построенная у подножия горы Сьерра–де–Кабалос, рядом с каменоломней, она была точной копией знаменитого Синг–Синга – тюрьмы штата Нью–Йорк. Впрочем, не только тюрьмой и своими легендарными узниками был известен остров Пинос. Многочисленные, главным образом, американские авантюристы рыскали здесь в поисках сокровищ пиратов. Вооружившись старинными, пожелтевшими от времени картами, а также миноискателями, они пытались найти мифические клады. Если верить легенде, зарытые на Пиносе клады оценивались в гигантскую сумму – 20 миллионов пиастров. К тому же, по преданию, на дне моря недалеко от острова покоились несколько испанских кораблей с сокровищами, потопленных пиратами.

Несмотря на суровый приговор суда, Фидель был полон оптимизма. Во–первых, потому что постепенно стихало внимание властей к мятежникам. Батиста был удовлетворен не столько приговором главному бунтарю, сколько тем, что подавляющая часть отряда, штурмовавшего Монкаду, была уничтожена. Он был уверен, что жестокое подавление восстания надолго отбило охоту у других молодых людей к подобным выступлениям в будущем. Во–вторых, Фидель Кастро наконец–то воссоединился со своими боевыми товарищами. Кроме Абея Сантамария, все остальные командиры ячеек остались в живых. Рауль Кастро, Педро Мирет, Хуан Альмейда, Айде Сантамария и Мельба Эрнандес впоследствии составят костяк нового революционного «Движения 26 июля» и займут руководящие посты в новом правительстве после победы революции. В ряды движения уже гораздо позже волеется ряд знаковых фигур, в том числе Эрнес–то Че Гевара.

Товарищи встретили Фиделя на Пиносе бурными овациями и стали уважительно называть его «хэфэ максимо», что означает «верховный вождь». Так Фиделя именуют до сих пор во многих публикациях в Европе на французском и испанском языках.

«Образцовая тюрьма» на острове Пинос значительно отличалась по условиям содержания от тех изоляторов, где Фидель коротал 75 дней с ареста до того момента, когда ему зачитали приговор. После тюрем в Бониато и Сантьяго, где Фидель был полностью изолирован от общения, книг и новостей, а в его тесной камере всегда горел свет, чтобы подорвать психику, пребывание на острове Пинос казалось простой ссылкой.

В одном из писем близким Фидель почти полностью описал, как проходит его день, что называется, от рассвета и до рассвета: «Ровно в пять часов утра, когда кажется, что только–только удалось заснуть, раздается голос: „На поверку!“, который напоминает нам, что мы находимся в тюрьме, а то, чего доброго, мы могли забыть об этом, пока видели сны. Конечно, я трачу менее 30 секунд, чтобы надеть брюки, рубашку и ботинки, больше мы не ложимся до 11 часов ночи, когда сон застаёт меня за чтением Маркса или Ролла–на, а если пишу что–нибудь, как сегодня, то ложусь, когда закончу».

Короче: в 5.30 утра завтрак, с 8.00 до 10.30 – занятия; в 10.45 – второй завтрак; с 2 до 3 часов – занятия, потом до 4 свободное время; в 4.45 – обед; с 7 до 8.15 – занятия политэкономией и чтение общей литературы; с 9.30 до 10 часов вечера я поочередно читаю курс – один день философии, другой день всеобщей истории. Занятия по истории Кубы, грамматике, арифметике, географии и английскому языку ведут другие товарищи. Совсем поздно мне приходится читать политэкономии, а дважды в неделю заниматься с товарищами ора-

торским искусством, если это можно назвать таким словом. Мой метод состоит в следующем: вместо уроков политэкономии я читаю товарищам в течение получаса описание какой-нибудь битвы, скажем, штурм Угомета пехотой Наполеона Бонапарта, или затрагиваю какую-нибудь идеологическую тему, или читаю обращение Хосе Марти к Испанской республике, или что-то подобное. Немедленно различные товарищи, вызываемые произвольно, или добровольцы должны в течение трех минут выступить по затронутой теме. Выступления носят соревновательный характер, и специально избранные судьи награждают победителей премиями.

26-го числа каждого месяца (в честь даты нападения на казармы Монкада. – М. М.) мы отмечаем празднества, каждое 27-е число – день скорби, поминовения погибших, размышлений и воспоминаний на эту тему. В день скорби, разумеется, отменяется всякий отдых и развлечения. Дни занятий охватывают с понедельника до полудня субботы. Ребята просто молодцы! Это настоящая элита, потому что они прошли через тысячи испытаний. Те, кто научился владеть оружием, теперь учатся овладевать книгами для великих боев, которые нам предстоят в будущем. Дисциплина у нас спартанская, жизнь спартанская, воспитание спартанское – все у нас спартанское. А вера и несокрушимая твердость таковы, что можно также повторить: «Со щитом или на щите!»¹²²

Приведенный отрывок свидетельствует, что Кастро находился отнюдь не на каторге, он и его товарищи получали регулярное питание, а главное, посвятили почти все свободное время политической и идейной подготовке. Тюрьма на острове Пинос стала для них не просто школой выживания, а настоящим «университетом за колючей проволокой».

Фидель в «Образцовой тюрьме» коротал дни не только за чтением Маркса и Ленина. Родители передали ему много книг из его личной библиотеки, в том числе и художественной литературы. Настольным для Фиделя Кастро стал четырехтомник произведений Хосе Марти.

В одном из писем на волю в декабре 1953 года он сообщал, что читает книги запоем, получая огромное удовольствие от классики: «В последние дни я прочитал несколько книг, представляющих интерес: „Ярмарка тщеславия“ Уильяма Теккерея, „Дворянское гнездо“ Ивана Тургенева, „Жизнь Луиса Карлоса Престеса“ Жоржи Амаду, „Тайна советской крепости“ архиепископа Кентерберийского, „Беглецы любви“ Эрика Найта, „Как закалялась сталь“ Николая Островского (современный русский роман, волнующая автобиография автора-юноши, который принял участие в революции), „Цитадель“ А. Кронина. Кроме того, я углубленно изучаю „Капитал“ Карла Маркса (пять огромных томов по экономике, исследованной и изложенной с самой строгой научностью)»¹²³.

О «Капитале» речь особая. Фидель, с присущим ему чувством юмора, впоследствии не стеснялся признаваться, что, при всей его любви к Марксу, «Капитал» он закончил читать на 370-й странице. Дальше не осилил.

Люди, которые по просьбе Фиделя присылали ему в тюрьму книги, удивлялись, как быстро поступает от него заказ на новые тома. Став руководителем страны, он говорил, что когда не имел возможности по нескольку дней взять в руки книгу из-за важности государственных дел, после наверстывал упущенное, устраивая так называемые «библиотечные дни», когда никто уже не мог ему помешать.

В феврале 1954 года тюрьму на острове Пинос посетил Фульхенсио Батиста, пожелавший посмотреть в «потухшие глаза фиделистов» и ожидавший, что они попросят о пощаде. Формально он прибыл на открытие электростанции на острове. Когда Батиста вышел из здания электростанции, находившегося рядом с тюрьмой, монкадисты дружно запели сочинен-

¹²² Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 91.

¹²³ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. С. 104.

ный ими гимн «26 июля», в котором были слова о «ненасытных тиранах, погрузивших Кубу в пучину зла». Они продолжали петь гимн, несмотря на то, что усмирять их пришел самый жестокий надзиратель, убийца по прозвищу Пистолетик.

Батиста был в ярости. Тюремные власти посадили Кастро в карцер, куда через решетку, прикрытую занавеской, каждый раз, когда шел дождь, попадала вода. Фидель без света не мог читать книги и на ночь, чтобы они не промокли, убирал их в чемодан, который бережно прикрывал одеялом. Его кровать и простыня были насквозь мокрыми, и засыпать ему приходилось, дрожа от холода. В карцере он прожил 40 дней, но жалел лишь о том, что за это время упустил столько времени, которое мог потратить на чтение книг. Потом он написал близким: «У меня теперь есть свет. Сорок дней я жил без него, и теперь я понял, что это такое. Я его никогда не забуду, как и всегда буду помнить унижающее действие темноты ... От негодования сердце мое обливалось кровью и глаза горели. Из всех проявлений человеческого варварства я менее всего понимаю бессмысленную жестокость»¹²⁴.

«Он самый читающий из известных мне политических деятелей. Главной материальной ценностью в жизни считает книгу, – рассказывал мне Николай Леонов. – Книги он читает бесконечно много. Когда я был в его скромном доме в Гаване, то ничего кроме книг и гимнастических снарядов не увидел. В свое время советское правительство подарило Фиделю роскошный по тем временам автомобиль „ЗИС“, „чле–новоз“, как их тогда называли в народе. Первое, что сделал Фидель на Кубе, – установил в машине на заднем сиденье освещение, чтобы читать во время поездок. Врачи пришли в ужас. Этого нельзя делать, говорили они ему. Вибрация в машине неизбежно скажется на зрении. С трудом уговорили его отказаться от этой затеи. Фидель все время что–то читает. Это у него еще со времен заключения в тюрьме и партизанской борьбы в горах Сьерра–Маэстра. Этим, в частности, объясняется его прекрасная натренированная память».

В тюрьме, помимо чтения и преподавания, Фидель постигал азы кулинарного искусства. В молодости он любил вкусно поесть. Несмотря на вяло тянувшиеся дни в заключении, с помощью щедрых друзей и собственной выдумки и сноровки ему даже в то время иногда удавалось устраивать себе роскошные пиршества.

«Так как я повар, то время от времени развлекаюсь приготовлением то одного, то другого блюда, – писал он родным. – Недавно брат прислал мне с востока кусочек окорока, и я приготовил из него бифштекс с желе из гуайявы. Но это ерунда. Сегодня ребята прислали мне банку ананасовых долек в сиропе. Поверь мне, я просто мысленно притягиваю вещи. Завтра я буду есть окорок с ананасами. Еще время от времени я готовлю спагетти по разным рецептам – все моего собственного изобретения. Или сырную тортилью. Ах, как это вкусно! И мой репертуар этим не исчерпывается»¹²⁵.

Говорят, что макаронные изделия – это «кулинарная» любовь всей жизни Фиделя. Противники часто упрекали Кастро в том, что традиционной кубинской кухне, куда, например, входят рис с черной фасолью, тапиока с подливкой, жареные бананы и молочный поросенок, он предпочитает «худшие итальянские образцы» – спагетти, рожки, пиццу. Когда ныне покойного писателя Карлоса Франки, в прошлом соратника Кастро (но не «друга», как уточняет сам Фидель), а позднее его противника и диссидента, спросили, что он думает о том, что Кастро превратил Кубу в гигантскую пиццерию, тот заявил, что Куба стала «спагетницей Фиделя». Дескать, он «наводнил» страну небольшими пиццериями. Но в итоге эти самые мини–пиццерии сыграли важную роль во время дефицита продуктов в начале 1990–х. В одном из интервью Франки заметил: «Фидель не из тех, кто стоит на месте. Он все время в

¹²⁴ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 93.

¹²⁵ «Castro's gastronomic passion». The Washington times, 28/07/2004.

движении, никогда не останавливается. Если он говорит, то он говорит стоя. Он отдыхает, только когда спит или ест – поэтому он так любит еду, она для него символизирует отдых»¹²⁶.

Фидель Кастро собрал много рецептов простых, но изысканных блюд. Посол СССР на Кубе в годы перестройки А. С. Капто вспоминал любопытный случай во время празднования дня рождения Рауля Кастро, куда он был приглашен. Все с нетерпением ожидали Фиделя, теряясь в догадках, почему тот опаздывает: «Когда мы, наконец, увидели выходящего из подъехавшего „Мерседеса“ кубинского вождя, все ожидающие вопросительно переглянулись, как бы спрашивая друг друга: что значит – Фидель с хозяйственной сумкой, не дал ее нести порученцам, а сам бережно ее удерживает в своих руках. И все ахнули, услышав от него рассказ о том, как он ко дню рождения брата лично готовил креветки, специально по своей методике – в сметане, со специями. Вынул из сумки кастрюлю, поставил на стол и пригласил: пока свежие – угощайтесь. Не скрою, все облизывались от фиделевской вкуснятины»¹²⁷.

Другой советский посол Виталий Воротников, который работал на Кубе в 1970–1980-е годы и подружился с Кастро, также отметил, что Фиделю доставляло особое удовольствие самому приготовить какое-нибудь блюдо. В конце декабря 1979 года Воротников рыбачил с Фиделем. Кастро вместе с поваром разделял на деревянных мостках пойманных лангустов, отбивал их, сдабривал пряностями и лимоном. «Мы сначала с опаской стали дегустировать сырые лангусты, – вспоминал Виталий Воротников. – Оказалось – это весьма вкусное, нежное, буквально тающее во рту яство. У меня сразу же прошли все неприятные ощущения от качки. Фидель был оживлен, шутил, довольно улыбался, наблюдая, как мы наслаждаемся. Посетовал, что нет еще какой-то специи»¹²⁸.

Абсолютной неправдой являются сплетни, которые распространяют перебежчики с Кубы о том, что для Кастро поставляли дорогие продукты и напитки из Европы.

Он абсолютно неприхотлив в еде. «Однажды Фидель пригласил меня к себе в гости домой, – вспоминал генерал Леонов. – И меня поразило, что он сам, надев фартук, на кухне у плиты готовил обед: спагетти, кубинские блюда. А накрыв стол, сказал: „Вина у нас хорошего нет, но есть подарочные бутылки. Давайте выпьем по бокалу“».

«Однажды в начале 1980-х в моей квартире в районе метро „Фрунзенская“ раздается звонок. Открываю и не верю глазам своим. На пороге – Фидель собственной персоной, – рассказывал мне Николай Леонов. – Он приехал для участия в работе 25-го съезда ЦК КПСС. Стало скучно, решил навестить советского друга. „Пустишь перекусить?“ – улыбается Фидель. Отвечаю: „Без вопросов, но у меня ничего такого нет, знал бы, подготовился“. Надо заметить, что насчет еды всегда, когда в СССР организовывались банкеты в честь Фиделя, были проблемы с его охраной, привозившей проверенные напитки и продукты и возражавшей против таких „импровизаций“. Но на этот раз Фидель зашел один, охрана осталась в подъезде и на улице. Открываю холодильник, Фидель замечает там малосольную рыбу. Это была нельма, ее мне прислали ребята из Сибири. Порезали рыбу. Хорошо она пошла с хлебушком и под стопочку водки. Фидель, наконец-то, расслабился, счастливый, буквально сиял, нахваливая сибирскую рыбку. Позже я старался с оказией передать дары из Сибири Фиделю».

Но вернемся в начало 1950-х. В одном из писем к близким Кастро явно иронизировал по поводу своего пребывания в тюрьме: «Я захотел есть и поставил вариться спагетти с кальмарами, итальянский шоколад на десерт и свежесваренный кофе и, наконец, сигара „Аче Упман 4“. Тебе не завидно? Обо мне заботятся, обо мне понемногу заботятся все...

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Капто А. С. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально-политическому журналу». М., 1996.

¹²⁸ Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 96.

На мои постоянные просьбы ничего не присылать просто не обращают внимания. Когда по утрам я чувствую солнечное тепло и до меня доносится морской воздух, мне кажется, что я на пляже и вот-вот отправлюсь в ресторан на берегу. Так меня могут заставить поверить, что я в отпуске. Что сказал бы Маркс о таких, как мы, пленных революционерах?»¹²⁹

На самом деле все было не так весело и романтично. Фидель знал, что адресованные ему письма проходят перлюстрацию, а его послания близким, прежде чем «направиться в адрес», проверяет цензура, зачеркивая «нежелательные фразы», что передачи с воли проверяются, прежде чем попасть ему в руки.

В 1954 году перестали приходить письма от жены Мирты. Еще в письме от 19 июля 1953 года от сводной сестры Лидии Фидель узнал шокировавшую его новость: Мирта Диас–Баларт подала на развод и «отказалась от любой деятельности, связанной с ним». Мирта с четырехлетним Фи–делито уехала из Гаваны, а впоследствии эмигрировала с сыном в США. Можно только гадать, какой вулкан эмоций бушевал в душе Фиделя. Однако держался он мужественно. А Лидии ответил так: «Моя дорогая и преданная сестра. Не беспокойся за меня. Ты знаешь, что у меня стальное сердце, и я не потеряю достоинства до последних дней моей жизни»¹³⁰.

Существуют различные версии того, почему Фидель Кастро и Мирта Диас–Баларт расстались. Об одной, и, наверное, основной причине развода уже упоминалось ранее. Чем больше Фидель окунался в стихию революционной борьбы, связанную с ежедневным риском для жизни, тем больше он отдалялся от Мирты. Она выходила замуж за начинающего адвоката, а получила в мужа неистового революционера. Не менее значимым было то обстоятельство, что супруга Фиделя находилась под сильным давлением своей семьи: отца – личного друга Батисты, и брата – начальника батистовской тайной полиции. Ей постоянно напоминали, что замуж за Кастро она вышла против воли своих родных. Этот постоянный нажим, который, по сути, начался сразу же после того, как Фидель предложил Мирте руку и сердце, усилился, когда Кастро во главе группы мятежников покусился на государственные устои, вознамерившись свергнуть друга и благодетеля семьи. Мирта изо дня в день слышала от родных упреки в том, что является женой «государственного преступника».

Однако на самом деле на развод подал Фидель, когда прочитал в одной из газет, что стесненная материально Мирта согласилась получать жалование в ведомстве своего брата Рафаэля – Министерстве внутренних дел. Для Фиделя это был удар ниже пояса. Его жена – по идее самый верный и близкий человек, получает деньги в ведомстве его злейшего врага Фульхенсио Батисты!

Себастьян Белфор в своей книге о Фиделе Кастро приводит и другую версию. В июле 1954 года Фидель узнал, что у Мирты «любовная интрижка» с известным политиком, министром внутренних дел батистовского правительства Эрми–дой, шефом ее брата Рафаэля. Эту новость, растиражированную многими кубинскими газетами, Фидель воспринял крайне болезненно. Он писал из заключения своему другу: «Престиж моей жены и моя честь как революционера находятся под угрозой. Не колеблясь, отвечай на оскорбление, и благодарность будет бесконечной. Пусть лучше они увидят меня тысячи раз мертвым, чем беспомощно переносящим такое оскорбление». Фидель вынес свой вердикт и самому Эрмиде: «Только такой женоподобный субъект, как Эрмида, опустившийся до последней степени половой дегенерации мог снизойти до процедуры подобного рода, неблагопристойной, с отсутствием всякой мужественности»¹³¹.

¹²⁹ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 106.

¹³⁰ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 99.

¹³¹ Белфор С. Фидель Кастро. С. 79.

В истории развода действительно наличествовал не только идейный, но и любовный фактор. Фидель Кастро, несмотря на соблазн и острое желание пообщаться с Натадад Ревуэльта, одно время сохранял стоическое терпение и не вступал с любовницей в переписку. Светская львица с «революционным шармом», которая к тому времени успела развестись со своим старым мужем, не выдержала первой. Она написала Фиделю страстное письмо, в котором призналась ему в сильной любви. Свою весточку она передала через мать Фиделя Кастро – Лину Рус, с которой успела познакомиться. Фидель написал ответное послание: «Милая Нати! Шлю тебе нежный привет из своей тюрьмы. Я постоянно помню и люблю тебя... хотя давно уже ничего о тебе не знаю. Я получил то милое письмо, что ты передала с моей матерью, и всегда буду хранить его при себе. Знай, что я с радостью отдам жизнь за твою честь и твоё счастье. Мнение света не должно нас волновать, всё по-настоящему важное хранится в нашем сознании. Несмотря на всю убогость этой жизни, есть вещи непроходящие, вечные, такие, как моя память о тебе, которая останется со мной до могилы». Между любовниками началась переписка. Причем им было все равно, что их почту читает батистовская охранка. «Ты женщина. Женщина – это самое нежное, что есть на свете... Женщина в мужском сердце – источник священного и неприкосновенного почитания»¹³², – писал «железный Фидель» своей возлюбленной. А вот фрагмент другого письма: «Сейчас я с особой силой ощущаю свое заточение и ограниченность в общении с тобой. Сегодня в моей памяти вновь возникли дни, когда я, грустный, опечаленный и униженный чем-нибудь, приходил к тебе. Мои ноги сами вели меня в твой дом, где я находил покой, радость, умиротворение... Краткие мгновения общения с твоей чистой, благородной душой, излучающей живую, радостную силу, были мне наградой за долгие часы горестей и печалей... Не знаю, придет ли это письмо к Новому году. Если ты и в самом деле верна мне, то вспомни обо мне за праздничным столом и выпей за меня стакан вина. А я мысленно буду рядом с тобой. Фидель»¹³³.

Некоторые источники утверждают, что в этой истории роковую роль сыграл заместитель Эрмиды, Рафаэль Диас–Баларт, брат Мирты, к которому, как к шефу тайной полиции, стекалась вся корреспонденция, приходившая к Фиделю и посланная Фиделем. Диас–Баларт, давно мечтавший избавиться от такого зятя, знал о тайной любовной связи Кастро и Натадад Ревуэльта. Он просто ждал удобного повода. Об этом прямо говорит уже упоминавшийся Сальвадор Лью: «Когда Фидель сидел в тюрьме на острове Пинос, Рафаэль, как заместитель министра внутренних дел, мог контролировать всю переписку заключенных. Он взял письмо для Нати и положил его в конверт для Мирты. А письмо для Мирты положил в конверт, адресованный Нати. Перемена писем и стала причиной развода. Иначе Мирта не расторгла бы этот брак»¹³⁴.

Вскоре после развода Мирта Диас–Баларт вышла замуж за Эмилио Нуньеса Бланко – одного из сторонников Фульхен–сио Батисты. После свержения Батисты в 1959 году Нунес Бланко и Диас–Баларт переехали в Мадрид, где прожили более 40 лет. В июле 2006 года Нунес Бланко скончался после длительной борьбы с болезнью Альцгеймера. К чести Мирты Диас–Баларт она хранила молчание о том, что была замужем за Фиделем Кастро, и об этом в Мадриде знало только ее ближайшее окружение. Она никогда не отзывалась плохо о Фиделе и вообще публично не предавалась воспоминаниям о нем. Она выбрала Испанию, потому что боялась, что в Майами ей может угрожать антикастровская оппозиция. Ее брат Рафаэль рассорился с сестрой и эмигрировал в США. Он умудрился стать одним из самых близких друзей свергнутого конголезского диктатора Мобуту Сесе Секо.

¹³² Неувядающий мачо Острова свободы // Труд. 2005. 5 мая.

¹³³ Гавриков Ю. В объятиях диктатора // Новое дело, http://novdelo.ru/smi_article.php?id=2829

¹³⁴ Первухин Н. 75 лет одиночества // Супермен.ру. 2003. 7 августа.

Фидель Кастро, который, по его признанию, с разводом испытал «новую, неведомую ранее жестокую боль», очень старался оправиться от душевных ран. Отвлечься от тяжелых личностных переживаний ему помогали не только книги, но и новое увлечение. В жизни Фиделя начинался новый период эволюции его мировоззрения. Завершилось формирование его представлений об устройстве мира и собственной жизненной позиции. Теперь все его мысли были посвящены идеологической работе по разоблачению режима Батисты, пропаганде революционных идей.

В феврале 1954 года из тюрьмы на волю вышли Мельба Эрнандес и Айде Сантамария. Перед тем как проводить девушек, Кастро дал им соответствующие напутствия. Первым делом он просил их развернуть широкую пропаганду идей, изложенных в речи «История меня оправдает». Но как Фидель Кастро собирался переправить текст своей речи на волю? Передавать из застенков какие-либо воззвания и манифесты не представлялось возможным. Охрана тюрьмы была проинструктирована, что штурм Монкады когда-то начался с «жалких листовок» с надписью «Обличитель», которым полиция сначала не придавала должного значения.

И Фидель опять решился на нестандартный ход. Ему помогли книги. Надзиратели привыкли к тому, что литература на имя Кастро приходила часто и в больших количествах. Так же быстро и в таком же объеме она возвращалась на волю. Неизвестно, знал ли Фидель Кастро тогда о том, что в свое время Владимир Ульянов писал «шифровки» своим товарищам на волю молоком, а те потом «проявляли» их при помощи лимонного сока. Фидель пошел по тому же «конспираторскому пути» и восстанавливал текст своей устной речи в суде «История меня оправдает» своеобразным способом: писал его лимонным соком между строками в книгах, которые передавались обратно на волю. Помогала революционерам в этом деле и сводная сестра Фиделя Кастро Лидия. Она передавала книги с зашифрованными текстами девушкам, вышедшим из тюрьмы, а те, в свою очередь, – соратникам Фиделя на свободе.

Фидель настоял на том, чтобы речь напечатали в двух самых дешевых типографиях, общим тиражом в 100 тысяч экземпляров, а затем доставляли прежде всего представителям образованных слоев кубинского общества: журналистам, преподавателям, во врачебные кабинеты и адвокатские конторы. Он предупредил, что нужно соблюдать такие же правила конспирации, как будто бы речь идет о партии оружия. Фидель специально поставил задачу отпечатать такое, невысказанное на первый взгляд, количество экземпляров речи. Он намеренно завышал планку, которую нужно было преодолеть. Второй задачей, которую поставил Фидель своим товарищам на свободе, было создание общенациональной политической организации, которая объединила бы противников режима Батисты.

Новое движение (которое получит название «26 июля», когда Кастро с товарищами выйдут из тюрьмы) должно было «покоиться на трех китах»: дисциплине, которой Кастро уделял первостепенное значение, идеологии, а также твердом руководстве. Будущий лидер революции еще со времен провала операции «Кайо-Конфитес», а потом на примере многих кубинских политических партий и деятелей, «дрогнувших» во время переворота Батисты, понял, что самые благие начинания терпят неудачу в самый ответственный момент. Во многом, по его убеждению, это происходило из-за того, что никто из руководителей не решался взять на себя бремя лидерства, а сторонники, почувствовав их нерешительность и слабость, в мгновение ока превращались в неуправляемую толпу.

Разумеется, давая инструкции товарищам на свободе, Фидель Кастро предполагал, что руководящей основой будущего движения должны стать участники штурма Монкады, узники тюрьмы на острове Пинос.

Медлить с созданием новой революционной структуры было нельзя не только потому, что Батиста, посетивший остров Пинос, убедился, что Фидель Кастро не собирается сда-

ваться, и начал «закручивать гайки» в стране. Именем повстанцев, чьи подвиги на Кубе уже обросли легендами, пытались воспользоваться нечистоплотные политики и деятели в популистских целях. В письме из тюрьмы в апреле 1954 года Фидель Кастро предупреждал своих товарищей: «Следует с максимальной осторожностью относиться к любому намерению наладить координацию с другими силами, чтобы не допустить простого использования нашего имени; потеряв свой престиж, эти силы могут запятнать любую группу, под сенью которой они хотят действовать. Надо не допускать никакой недооценки, не идти ни на какое соглашение, если оно не зиждется на прочной и ясной основе, не обещает вероятный успех и не несет выгоды Кубе. В противном случае предпочтительнее, чтобы вы шли одни, высоко неся наше знамя, вплоть до того момента, когда выйдут из тюрьмы эти прекрасные ребята, которые очень упорно готовятся к борьбе. „В умении ждать, – говорил Марти, – заключается великий секрет успеха“»¹³⁵.

Фидель Кастро писал эти зашифрованные между книжных строк послания своим товарищам, не зная, дойдут ли они до них в прямом смысле. Дойдут ли они до их понимания в переносном. Но, если внимательно вчитаться в эти фразы, нельзя не заметить, с какой непоколебимой верой в то, что скоро он присоединится к ним, обращается Кастро к своим товарищам на свободе. И это, несмотря на то, что выйти на волю, по идее, он должен был только через четырнадцать лет! Это лишний раз свидетельствует о том, что Фидель не просто не мирился с неудачами и поражениями, а расценивал их в лучшем случае как досадное недоразумение, если не придавал значения вообще, только извлекая из них уроки.

Между тем и речи не могло быть о легальной оппозиции Батисте, несмотря на возросшую симпатию народа к повстанцам. Фидель Кастро понимал, что, в условиях полной политической несвободы и концентрации власти в руках у Батисты, главным было начать поиск единомышленников, которые впоследствии станут активными участниками революционного движения.

Тем временем Фульхенсио Батиста, уже более двух лет находившийся у власти, решил наконец – то юридически узаконить свой статус. Он назначил на 1 ноября 1954 года «демократические выборы» президента Кубы. Предполагалось, что конкуренцию ему составит кто-то из известных политиков из партий «ортодоксов» или «аутентиков». Но все это напоминало политический фарс. «Оппозиционеры» настолько погрязли в выяснении отношений друг с другом, подмочив свою и без того слабую репутацию в народе, что Батиста, который еще два года назад не имел никаких шансов быть избранным, предстал единственным «фаворитом президентской гонки». Избрание официальным президентом Кубы позволило Батисте окончательно легализовать свою власть. Годом ранее он ввел так называемый конституционный статут, который должен был заменить Конституцию Кубы 1940 года. Этот статут фактически лишал прав и свобод граждан страны и делал невозможной деятельность оппозиционных политических партий.

Но Фульхенсио Батиста своей проамериканской политикой настроил против себя не только простой народ, но и крупную кубинскую буржуазию и помещиков. Неудивительно, что кандидатуру Фульхенсио Батисты выдвинули несколько политических партий, названия которых, наверное, не припомнят сегодня на Кубе: Партия объединенного действия, Либеральная партия, Демократическая партия, а также некий Радикальный союз.

Единственным кандидатом от оппозиции являлся Грау Сан-Мартин, бывший в 1940-х годах президентом Кубы. Однако после того как Верховный избирательный трибунал, состоявший из людей Батисты, не разрешил его сторонникам присутствовать на участках, Грау Сан-Мартин за несколько часов до голосования снял свою кандидатуру «из-за отсутствия гарантий справедливых выборов». Но фамилию Сан-Мартина не успели вычеркнуть

¹³⁵ Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 99.

из избирательных бюллетеней, а значит, выборы формально должны были быть признаны состоявшимися.

Армия, самый верный союзник генерала, взяла под свой контроль все избирательные участки в стране, мотивируя это «ожиданием провокаций». Исход выборов был предре-шен, несмотря на то, что почти половина взрослых кубинцев их проигнорировала. Батиста, набравший чуть более пятидесяти процентов голосов, или в пересчете четверть голосов всех кубинских избирателей, занял пост президента Кубы.

Батиста и верный ему конгресс почти все свои действия согласовывали с американ-цами. Экономические меры заключались в предоставлении преференций американским предприятиям. Боевая подготовка кубинской армии в 1955 году полностью перешла под контроль американской военной миссии в Гаване. Несмотря на то, что в США прошел пик «охоты на ведьм», на Кубе, напротив, в угоду американцам продолжались гонения на комму-нистов. Им даже было запрещено использовать слово «коммунистическая» в названии своей партии, поэтому теперь она именовалась Народно–социалистической партией. В мае 1955 года на Кубе при активном участии ЦРУ было создано Бюро по подавлению коммунистиче-ской деятельности. Фактически с его созданием на Кубе вновь возобновились политические убийства – всего за годы диктатуры Батисты было убито около 20 тысяч его политических противников! Многие из них перед смертью подверглись жестоким пыткам.

Шеф разведуправления США Аллен Даллес выразил благодарность «понятливому» кубинскому президенту: «Создание кубинским правительством Бюро по подавлению комму-нистической деятельности является важным шагом вперед в деле борьбы за свободу. Я счи-таю для себя честью, что Ваше правительство приняло решение разрешить нашему управ-лению оказать помощь в подготовке некоторых офицеров этой важной организации».

Батиста упивался своей властью. Оппозиция на Кубе, фактически полностью разгром-ленная, согласилась признать итоги выборов. Американцы одобряли все действия дикта-тора. Что нужно было Батисте еще для того, чтобы встретить «политическую старость»? И он «расслабился», и совершил, как показала позже история, роковую ошибку. Желая проде-монстрировать народу, какой он справедливый и гуманный правитель, Фульхенсио Батиста решил амнистировать большинство заключенных в тюрьмах. Пребывая в эйфории от своей победы, он, вероятно, посчитал, что «организованные» коммунисты представляют для него большую угрозу, чем молодые бунтари. Весть о том, что батистовская амнистия касается Фиделя и его товарищей, вызвала бурю восторга среди кубинцев, искренне симпатизиро-вавших им.

Фидель встретил это известие спокойно. «Наша личная свобода есть неотъемлемое право, принадлежащее нам как гражданам, родившимся в стране, которая не признает ника-ких хозяев, – писал Фидель Кастро, узнав о своем помиловании. – Силой можно отобрать у нас это и все другие права, но никогда никому не удастся добиться от нас, чтобы мы согла-сились пользоваться ими ценой недостойного компромисса. Словом, за наше освобождение мы не отдадим ни крупицы нашей чести... Нет, мы не устали. После 20 месяцев мы стойки и непоколебимы, как и в первый день. Мы не хотим амнистии ценой бесчестия. Мы не станем к позорному столбу, поставленному бесчестными угнетателями. Лучше тысяча лет тюрьмы, чем унижение. Лучше тысяча лет тюрьмы, чем утрата достоинства. Мы делаем это заявле-ние обдуманно, без страха и ненависти»¹³⁶.

15 мая 1955 года Фидель Кастро и отбывавшие вместе с ним наказание 27 товари-щей, участников штурма Монкады, покинули тюрьму острова Пинос. У ворот «Образцовой тюрьмы» их встречали боевые подруги – Мельба Эрнандес и Айде Сантамария. Фидель провел в заключении двадцать один месяц и пятнадцать дней.

¹³⁶ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 123–124.

Глава шестая

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ НА КУБУ

Полтора месяца, проведенные Фиделем Кастро в Гаване после выхода из тюрьмы в мае 1955 года, убедили его в том, что развернуть революционную деятельность на Кубе ему не дадут. Простив Кастро и его товарищей, Фульхенсио Батиста даровал им волю и жизнь, но не свободу слова и действий. Власти перестраховались, введя новый конституционный статут, который фактически парализовал деятельность оппозиционных партий и объединений.

В качестве доказательства того, что уровень жизни на Кубе при Батисте был вполне приемлемым, приводят такие факты, как количество телевизоров и машин на душу населения, развитая сеть дорог, хорошая система телекоммуникаций. Но кто пользовался всем этим? Батраки, жившие в «шалашах» с глиняным полом и «крышей» из пальмовых веток, или лоточники, наводнившие улицы Гаваны? Потребителями этих услуг были крупные и средние кубинские предприниматели, связанные «сахарным бизнесом» с американцами. А также мафия, по сути превратившая Кубу в «ту–ристическо–бордельный» придаток США. В 1958 году, в последний год правления Батисты, только в Гаване работали около одиннадцати с половиной тысяч проституток. В торговлю телом мафия вовлекала даже двенадцатилетних девочек. В лучшем случае, срок «службы» кубинской проститутки составлял семь лет. Местной порномафии постоянно требовалось «свежее мясо». В поисках новых секс–рабынь по стране рыскали вербовщики «живого товара».

Из кубинских сельских пролетариев, опрошенных Католическим университетским объединением в 1956—1957 годах, лишь 4 процента потребляли мясо, 1 процент – рыбу, 11 процентов – молоко, 3 процента – хлеб. Многие к 30–40 годам теряли зубы: основу их скудного рациона составляли рис, фасоль и сахар. Лишь 6 процентов имели дома водопровод. 43 процента были неграмотными. 64 процента детей школьного возраста не посещали школу, а 86,4 процента сельского населения были лишены медицинской помощи. В этой благодатной тропической стране, с хорошим климатом и морским воздухом, около 100 тысяч человек болели туберкулезом¹³⁷.

Любые попытки даже не восстать, а попытаться объяснить забитому населению, кто виноват в его бедах, подавлялись. Спустя несколько дней после возвращения из тюрьмы, 19 мая 1955 года, Фидель выступил на местной радиостанции, на которой вел когда–то свою программу. На следующий день, собираясь на студенческий митинг, куда был приглашен, Кастро узнал об увольнении главного редактора этой радиостанции. Да и митинг не состоялся – Фидель не смог попасть к студентам из–за кордона полицейских у университетского городка.

Агрессивность, с которой действовали кубинские спецслужбы безопасности в отношении только что вышедших на свободу участников штурма Монкады, не вызвала у Фиделя Кастро сомнений в том, что его ставят перед выбором: или забыть о политической деятельности, или покинуть страну, в противном случае ворота тюрьмы вновь откроются для него и товарищей. Но тогда их упрячут за решетку действительно на долгие годы. Власти дали это ясно понять, когда полиция арестовала Педро Мирета и его родственников, якобы по доносу «анонимного доброжелателя», который также «указал» на дом Лидии Архиз, где проживал Фидель. Устроенный там обыск не дал полиции никаких доказательств противоправной деятельности Фиделя Кастро.

¹³⁷ Харламенко А. Почему Куба стала Островом свободы? www.comunist.ru/lenta/index.php?2014

Тем не менее на 15 июня 1955 года было назначено слушание по делу Педро Мирета, обвиненного в антиправительственной деятельности. Спецслужбы, как и осенью 1953 года во время суда над повстанцами, давили не на Фиделя, а на его товарищей, зная, что Кастро самостоятельно может «отбиться» и переспорить самых строгих судей. Педро Мирет и его близкие были отпущены на свободу, а Фиделю Кастро дали понять, что следующая провокация будет направлена лично против него.

Так и произошло. 10 июня в различных районах Гаваны с небольшими интервалами прогремело семь мощных взрывов. Осталось неизвестно, кто стоял за ними – провокаторы, охранка Батисты или группа «народных мстителей», решивших таким образом заявить о себе. Спецслужбы начали устраивать облавы на членов многострадальной Народно-социалистической партии. Понимая, что следующим объектом для атаки станут он и его товарищи, Фидель принял решение покинуть остров. Он отправил в Мексику своего брата Рауля, которого полиция обвинила в причастности к одному из взрывов, а сам намеревался присоединиться к нему чуть позже.

В конце июня 1955 года на конспиративной квартире состоялось собрание участников штурма Монкады и нескольких их молодых единомышленников. На этом собрании было принято решение о создании организации «Движение 26 июля», которая поставила своей целью свержение режима Батисты. Антонио Лопес по прозвищу «Ньико», Педро Мирет, Айде Сантамария, Мельба Эрнандес, Педро Агилера Гонсалес и Хосе Суарес Бланке – участники штурма, а также Армандо Харт (будущий муж Айде Сантамария), Фаустино Перес Эрнандес и Луис Бонито вошли в руководство этого движения и получили свой конкретный участок работы. Был утвержден флаг «Движения 26 июля», красный и черный цвета которого соответствовали девизу «Родина или смерть!». Посередине было помещено название организации.

Ее члены рекомендовали Фиделю Кастро в целях конспирации движения и его личной безопасности уехать в Мексику, где были сильны левые политические течения. Общественность Мексики – страны, имевшей общую границу с Соединенными Штатами, традиционно была лояльна к политическим эмигрантам. Вдобавок там существовала большая кубинская диаспора, настроенная против Батисты.

Фидель Кастро должен был не только руководить «Движением 26 июля» из-за границы, но и заняться сбором материальных средств и привлечением в ряды организации кубинских эмигрантов. Перед отлетом в Мексику он разослал во все кубинские газеты свое заявление, в котором рассказал о причинах своего отъезда из страны. После его отъезда только журнал «Боэмия» опубликовал статью Фиделя Кастро под названием «Мы еще вернемся». «Так как все двери для политической борьбы народа захлопнуты, перед нами не остается другого пути, чем тот, по которому шли наши предки в 1868 и 1895 годах»¹³⁸, – объяснял свое решение Фидель Кастро.

Перед ним и его товарищами стояла задача не копировать опыт предыдущих борцов за независимость, а разработать принципиально новый план противостояния властям. «Наши предшественники в течение всех войн за независимость ни разу не сооружали окопов. Их сражения были стычками, в то время как наши необходимо было продумывать и стараться предотвращать столкновения, – рассказывал Фидель Кастро. – <...> Идея совершить вооруженное выступление нам пришла в голову в тюрьме <...> В первые недели нашего освобождения из тюрьмы мы развернули грандиозную кампанию по пропаганде наших идей. Мы назвали нашу организацию „Движение 26 июля“. Мы показывали невозможность продолжать борьбу мирными и легальными методами <... >

¹³⁸ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 106.

Когда говорят об армии, говорят о развитии силы, которая сможет победить другую армию. Это было нашей главной идеей, когда мы отсиживались в Мексике <...> Есть два типа войны: нерегулярная и обычная, регулярная. Нам необходимо было разработать стратегию, чтобы оказать сопротивление армии Батисты, у которой были самолеты, танки, пушки, коммуникации. У нас не было ни денег, ни армии. Нам надо было искать способ, чтобы противостоять тирании и совершить Революцию на Кубе»¹³⁹.

Фидель прибыл в Мехико по туристической визе 9 июля, кстати, в день национальной независимости Аргентины, где родился его будущий «брат, товарищ, друг» Эрнесто Гевара де ла Серна. Ему предстояло привыкнуть к непростому мексиканскому климату, к недостатку кислорода в высокогорном Мехико, «вечно» пропитанном смогом.

«Жилище» и одновременно «штаб–квартира» революционеров находилась в центре города по адресу улица Эмпаран, дом 49. Один из руководителей движения, Хуан Альмейда, тоже прибывший в Мексику, так описывал это помещение: «Квартира маленькая, тесная оттого, что там спит много народу. Когда в доме спит больше трех человек, очень трудно заставить их спозаранку складывать вещи. Помещение очень простое, с гостиной, столовой, спальней, ванной, маленькой кухней и длинным узким небольшим патио. В гостиной, столовой и спальне стоит несколько раскладушек. Позже мы выяснили, что их ставят на ночь, а днем сворачивают»¹⁴⁰.

Эта квартира принадлежала Марии Антонии Гонсалес, немолодой кубинке, эмигрировавшей с Кубы после переворота Батисты. Она занималась приемом и размещением кубинцев, начавших прибывать в Мексику. У Марии Антонии был свой счет к Фульхенсио Батисте и его режиму. Ее родной брат не оправился от пыток в одной из кубинских тюрем и умер вскоре после приезда в Мексику.

Мария Антония была замужем за мексиканцем и в своем квартале в Мехико пользовалась авторитетом. Зная, какой интерес вполне естественно будут проявлять к кубинским эмигрантам местные спецслужбы, она посоветовала кубинцам разработать систему паролей и условных знаков для входа в «штаб–квартиру». Именно в ее доме состоялась, как оказалось впоследствии, судьбоносная встреча Фиделя Кастро с Эрнесто Гевара де ла Серной, молодым аргентинским врачом, прибывшим из Гватемалы, исключительным человеком, про жизнь и смерть которого написаны сотни книг и статей, который в современном мире стал настоящей иконой леворадикальных движений и молодых бунтарей.

«Я думаю, что он был не только интеллектуалом, но и самым совершенным человеком нашей эпохи», – сказал о нем выдающийся французский философ и писатель Жан Поль Сартр. Не менее выразительны строки кубинского писателя Десноэса: «Должно быть, Че был ослепительным, раз самые темные люди загорались, когда он проходил мимо». Он не просто нравился женщинам, а был ими обожаем. Для подавляющего большинства тех, кто знает биографию Эрнесто Гевары, читал его произведения, Че останется самым неисправимым романтиком, тем юношей, который когда–то сказал в лицо богатому отцу своей первой возлюбленной Чичи–ны: «Мой смысл жизни? Я хочу делать благие дела, без какой–либо личной выгоды».

Легендарное прозвище «Че» приклеилось к Эрнесто Геваре де ла Серне таким образом. В общении с кубинцами Эрнесто часто пересыпал свою речь присущим аргентинцам междометием «че» – по–испански «Эй ты! Ну!». В Аргентине это не просто обращение, оно несет определенную смысловую нагрузку и даже может переводиться как «хороший парень». На родине Гевары часто говорят: «Привет, Че, как дела, Че?» Однако для кубинцев такое «простонародное» и отчасти вальяжное обращение было нетипичным и несвой-

¹³⁹ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 192, 196–199.

¹⁴⁰ Тайбо П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 91.

ственным. Они сначала подсмеивались над аргентинцем, а потом привыкли. «Он относился к людям с симпатией, – вспоминал Фидель Кастро. – Он был из тех людей, которые добиваются расположения своей натуральностью, простотой, дружелюбностью <... >

Никто не скрывал своей симпатии к Че, потому что он ездил по Латинской Америке, посетил Гватемалу, видел нанесенный североамериканскими компаниями вред, знал о нашей борьбе на Кубе, разделял наши идеи. Мы встретились, поговорили с ним, и именно тогда он к нам присоединился. Он знал также, что в нашем движении было мало буржуазии, что мы собирали революцию для национальной свободы, для антиимпериалистической революции, но еще не затевали социалистическую революцию.

<...> в Мексике были такие случаи, когда над ним смеялись, потому что он аргентинец, а не кубинец, за что получали от меня взбучку. Это было вначале, но потом, когда все поняли, какой он человек, шутки прекратились. И никто его больше не спрашивал о его происхождении»¹⁴¹.

Поначалу его звали по имени. Затем просто «че». Наконец, «Че» с большой буквы. Ему самому очень нравилось это имя. Уже будучи одним из руководителей новой Кубы, он на вопрос, зачем подписывает «революционные деньги» своим прозвищем, ответил: «Для меня Че означает самое важное, самое дорогое в моей жизни. Иначе быть и не могло. Ведь мое имя и фамилия – нечто маленькое, частное, незначительное»¹⁴².

Эрнесто Гевара родился в 1928 году в Аргентине. Он был первым ребенком в семье архитектора, который на протяжении многих лет неудачно пытался заняться бизнесом. По отцовской линии он был аргентинцем в двенадцатом, а по материнской – в восьмом поколении. Его мать была одной из первых автолюбительниц в стране. Среди его предков были бунтари – выходцы из Ирландии, испанские пираты, аргентинские землевладельцы и даже особы королевских кровей. Когда Че сражался с войсками Батисты в горах Сьерра-Маэстра, его дядя-адмирал, брат отца, возглавлял аргентинское посольство в Гаване.

В возрасте двух лет Эрнесто заболел астмой, которая даст о себе знать в самые трагические для Че периоды жизни: во время экспедиции на «Гранме», когда его едва не примут за мертвого и не выбросят за борт. И перед пленением, когда он, оказавшись в окружении в боливийской сельве, останется без лекарств. Из-за астмы маленький Тете, а именно так его звали в семье, не ходил в школу, а грамоте его обучала мать. Болезнь протекала в столь тяжелой форме, что Че Гевара был вынужден колоть себе инъекции адреналина, в шутку называя себя впоследствии «адреналиновым авантюристом». Уже после революции он с горькой иронией напишет: «Я люблю мой ингалятор больше, чем пистолет... Я склонен к глубоким размышлениям во время тяжелых приступов астмы».

Среднюю школу он закончил на отлично. В 19 лет поступил на медицинский факультет университета в Буэнос-Айресе, где курс обучения прошел за три года вместо семи лет. Будучи студентом, путешествовал по Аргентине на мотоцикле, который именовал «Росинантом». Считается, что взгляды Эрнесто Гевары во многом сформировались в начале 1950-х годов, во время его мотоциклетного путешествия по Южной Америке, которое он совершил со своим другом Альберто Гранадо. За несколько месяцев друзья посетили практически все страны континента: работали в госпиталях для прокаженных, причем Че общался с больными без маски, помогали крестьянам. Друзья побывали на местах добычи меди в Чили, пересекли пустыню Атакама, посетили развалины Мачу-Пикчу в Перу, плавали по озеру Титикака. В 2004 году немецкие кинематографисты на основе воспоминаний живущего на Кубе Альберто Гранадо сняли замечательный художественный фильм об этом путешествии – «Дневник мотоциклиста».

¹⁴¹ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 198—199.

¹⁴² Григулевич ЖЭрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. С. 1.

В Боливии Гевара свел знакомство с представителями новой народной власти. Но, увидев их отношение к крестьянам, разочаровался в этом режиме и отправился в Гватемалу.

В этой стране, в результате очередной смены власти, президентом стал Хакобо Арбенс. Он начал проводить радикальную аграрную реформу и осмелился противостоять американской экспансии. По решению Арбенса огромные банановые плантации, которыми раньше владела североамериканская «Юнайтед фрут компани», были разделены между крестьянами. Посол США в Гватемале Джон Перифуа, возмущенный таким поступком Арбенса, писал в журнале «Тайм»: «Соединенные Штаты не могут допустить возникновения советской республики между Техасом и Панамским каналом»¹⁴³. (По той же причине американцы приложат впоследствии максимум усилий, чтобы устранить Фиделя.)

Вскоре с помощью ЦРУ в Гватемале был совершен реакционный переворот, и президента Арбенса свергла наемная армия Кастильо Армаса. Арбенс побоялся вооружить народ, хотя желающих сражаться с наемниками и американцами было немало. Как следствие, аграрная реформа была отменена, а ее проведение списали на «происки коммунистов». Координировал операцию по свержению Хакобо Арбенса государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, который к тому же был акционером «Юнайтед фрут компани». В «коммунисты» были записаны все, симпатизировавшие Хакобо Арбенсу и лояльно воспринявшие его реформы. Эрнесто Гевара принимал участие в стычках с американской морской пехотой, а затем вместе с потоком гватемальских политических эмигрантов в 1954 году попал в Мексику. Там Че Гевара принял решение посвятить свою жизнь делу революции, которая для него заключалась в установлении социальной справедливости.

Не так давно стало известно о том, что ЦРУ завело досье на Че Гевару не во время партизанской войны повстанцев в горах Сьерра-Маэстра, а именно после событий в Гватемале. Бывший сотрудник ЦРУ Филипп Эйджи заявил, что у этой спецслужбы были свои личные счета с Че. Она в конце концов настигла и при помощи боливийских солдат уничтожила его в Боливии в 1967 году. В 1959 году ЦРУ направило в Гавану своего агента Эндрю Сент-Джорджа, который ранее как «журналист» брал интервью у Фиделя Кастро и Че Гевары, во время их партизанской борьбы. Сент-Джордж должен был уговорить Че не расстреливать бывшего заместителя начальника так называемого кубинского «Бюро по подавлению коммунистической деятельности», приговоренного к смертной казни. Однако Че Гевара ответил американцу: «Мы его все равно расстреляем, потому что он убивал и пытал кубинцев и потому что знаем, что он агент ЦРУ». Тогда резидент ЦРУ на Кубе в своей телеграмме в Лэнгли написал: «Это – объявление войны»¹⁴⁴.

¹⁴³ Хачатуров К. Жизнь и смерть команданте Че // Независимая газета. 1997. 8 октября.

¹⁴⁴ Досье на Че Гевару // Новости разведки и контрразведки. 1997. с18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.